

**Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**
№ 4 (42) 2013
ISSN 1996-0522

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ**Философия**

С.В. Борисов – д.ф.н., профессор
(г. Челябинск, Россия)

Ю.Г. Ершов – д.ф.н., профессор
(г. Екатеринбург, Россия)

А.В. Павлов – д.ф.н., профессор
(г. Тюмень, Россия)

В.Д. Попов – д.ф.н., профессор
(г. Москва, Россия)

А.С. Чупров – д.ф.н., профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

С.Г. Зырянов – д.полит.н., профессор
(г. Челябинск, Россия)

А.В. Понделков – д.полит.н., профессор
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

О.Ф. Русакова – д.полит.н., профессор
(г. Екатеринбург, Россия)

А.Ю. Сунгуров – д.полит.н., профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

Е.В. Грунт – д.ф.н., профессор
(г. Екатеринбург, Россия)

Н.Б. Костина – д.с.н., профессор
(г. Екатеринбург, Россия)

Юриспруденция

В.Г. Графский – д.ю.н., профессор
(г. Москва, Россия)

С.В. Кодан – д.ю.н., профессор
(г. Екатеринбург, Россия)

А.Б. Сергеев – д.ю.н., профессор
(г. Челябинск, Россия)

Экономика

О.В. Артемова – д.э.н., профессор
(г. Челябинск, Россия)

Т.Ю. Савченко – к.э.н., доцент
(г. Челябинск, Россия)

Культурология

С.С. Загребин – д.и.н., профессор
(г. Челябинск, Россия)

Л.Б. Зубанова – д.культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

А.Н. Лукин – к.культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

История

С.В. Нечаева – к.и.н., доцент
(г. Челябинск, Россия)

В.Н. Новоселов – д.и.н., профессор
(г. Челябинск, Россия)

С.С. Смирнов – д.и.н., профессор
(г. Челябинск, Россия)

Главный редактор

доктор политических наук,
профессор С.Г. Зырянов

Заместитель главного редактора

доктор философских наук,
профессор А.С. Чупров

Редакция

А.Н. Лукин – зав. рубрикой философии
С.Г. Зырянов – зав. рубрикой политологии

Е.В. Грунт – зав. рубрикой социологии
А.В. Ильиных – зав. рубрикой

государства и права

Т.Ю. Савченко – зав. рубрикой

экономики и управления

С.С. Загребин – зав. рубрикой культуры

В.Н. Новоселов – зав. рубрикой истории

А.В. Павлов – ответственный

за международные контакты

Ответственный секретарь

кандидат философских наук А.А. Бобрик

СОЦИУМ**А.В. Павлов**

Полифокальная социология современности .. 5

Ф.С. Файзуллин

Сущность этнического самосознания
и факторы его формирования 14

Е.С. Киселева

«Онтологический ракурс»
философских концепций
С.Л. Франка и М. Хайдеггера 20

А.В. Савченков

Прологомены к феноменологии путешествия 26

Ле Тхи Туэт

Особенности формирования
философии во Вьетнаме 30

С.П. Парамонова

Отношение молодежи Пермского края
к проблемам освоения космоса
(данные опроса студентов и их суждения) 36

Ю.А. Лаамарти

Социальные последствия
наркотизации в Орловском регионе 42

ВЛАСТЬ**Т.В. Дуран, В.А. Костин**

Информационно-проектная концепция
политики 48

А.В. Новокрещёнов

Централизация власти и будущее России
(анализ результатов опроса жителей
Новосибирской агломерации) 53

А.А. Хмелинин

Особенности и дискурс российского
неолиберализма: становление «гибридной»
модели 59

А.А. Коряковцев

Революционность рабочего класса:
марксистская теория и современная
реальность 65

Ю.В. Василенко

Андрес Боррето – консервативный идеолог
политического центра 69

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО**В.В. Курятников**

Общность функций органов
конституционной юстиции
как системообразующий признак 75

С.Л. Бехтерев

Трудовые коллективы в системе
советского хозяйствования:
историко-правовой аспект 79

**ИНФОРМАЦИЯ
ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ****Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала и касаться различных (политического, социального, экономического, правового и др.) аспектов состояния социума и его взаимоотношений с государственной и муниципальной властью.

В соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Социум и власть» включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по направлениям: философия, политология, социология, юриспруденция, экономика, культурология, история.

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 139.

**Ваши материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

454071, г. Челябинск, а/я 6511

Телефон редакции:

(351) 771-42-30

E-mail: kushtym@rane74.ru

Адрес в Интернете
<http://rane74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке
ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год,
распространяется по подписке
в отделениях почтовой связи.

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Подписано в печать 09.08.2013 г.

Формат 70x108^{1/16}.

Усл.п.л. 8,75. Тираж 1000 экз.

Заказ № 3109

Издание подготовлено к печати
и отпечатано
в ОАО «Челябинский Дом печати»
454080, г. Челябинск,
Свердловский пр., 60

Цена свободная

**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ**А.В. Дубынина**

Проблемы инновационного развития
экономики на региональном уровне 84

Д.В. Федоров

Развитие энергетического сектора
в федеральных округах
Российской Федерации:
детерминация и оценка факторов 90

Е.А. Неживенко, И.А. Новикова

Исследование эффективности
субсидируемой деятельности
региональных сельскохозяйственных
производителей 96

В.Г. Парасоцкая

Каскадный подход в подготовке кадров
для муниципальной службы 103

КУЛЬТУРА**С.С. Загребин**

«Мы живём в ошибочном мире».
Андрей Тарковский о духовном кризисе
современной цивилизации 109

Е.Д. Жукова

Культурологические аспекты современных
проблем системы образования в России..... 113

К.А. Добрикова

Реализация ценностей американской культуры
в языковой картине мира (На материале речей
президента США Б. Обамы) 118

ИСТОРИЯ**А.Н. Данненберг**

Католицизм на Кубе в условиях
революционных преобразований (1959 г.).... 124

Н.В. Дмитриев

Религиозно-нравственное воспитание в
Русской армии на Дальневосточном
театре военных действий в начале XX века ... 131

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ**А.Н. Кабацков, О.Л. Лейбович**

В эпоху информатизации, медиатизации и
мягких технологий властвования
О книге О.Ф. Русаковой «Современная
политическая философия: предмет,
концепты, дискурс» 136

**Scientific journal
«SOCIUM and POWER»**

№ 4 (42) 2013
ISSN 1996-0522

Founded by

The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

Published by

Chelyabinsk branch of
the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- S.V. Borisov – Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)
Yu.G. Ershov – Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.V. Pavlov – Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. Popov – Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.S. Chuprov – Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov – Dr. Sc. (Political
Science), Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Ponedelkov – Dr. Sc. (Political
Science), Professor
O.F. Ruskova – Dr. Sc. (Political
Science), Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.Yu. Sungurov – Ph.D. in Political
Science, Professor
(St.Peterburg, Russia)

Sociology

- E.V. Grunt – Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
N.B. Kostina – Dr.Sc. (Sociology), Professor
(Yekaterinburg, Russia)

Law

- V.G. Grafskiy – LLD, Professor
(Moscow, Russia)
S.V. Kodan – LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev – LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova – Dr. Sc.
(Economics), Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko – Cand. Sc.
(Economics), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
Cultural Studies
S.S. Zagrebin – Dr. Sc. (History), Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.B. Zubanova – Dr. Sc. (Cultural
Studies), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin – Cand. Sc. (Cultural
Studies), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva – Cand. Sc. (History),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
V.N. Novoselov – Dr. Sc. (History), Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov – Dr. Sc. (History), Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprov

Editorial board

- A.N. Lukin – Head of Philosophy Dept
S.G. Zyrianov – Head of Political Science Dept
E.V. Grunt – Head of Sociology Dept
A.V. Ylynykh – Head of Law and State Dept
T.Yu. Savchenko – Economics and management
S.S. Zagrebin – Head of Cultural Studies Dept
V.N. Novoselov – Head of History Dept
A.V. Pavlov – International Relations
Cand. Sc. (Philosophy) A.A. Bobrik

SOCIUM

- A.V. Pavlov**
Polyfocal sociology of modernity..... 5
F.S. Faizullin
Nature of ethnic consciousness and factors
of its formation 14
E.S. Kiseleva
«The ontological perspective» of S.L. Frank’s
and M. Heidegger’s philosophical concepts..... 20
A.V. Savchenkov
Prolegomena to phenomenology of travel 26
Le Thi Tuyet
The ways of formation of Vietnamese
philosophy..... 30
S.P. Paramonova
Perm kray youth’s opinion on space
exploration (students survey and opinions)..... 36
Yu.A. Laamarti
Social aspects of narcotization in Orlovsky
region..... 42

POWER

- T.V. Duran, V.A. Kostin**
Informational and project policy concept..... 48
A.V. Novokreshchyonov
Centralization of authorities and future of Russia
(analysis of survey of Novosibirsk
agglomeration inhabitants)..... 53
A.A. Khmelinin
Features and discourse of Russian
neoliberalism: the establishment of “hybrid”
model..... 59
A.A. Koryakovtsev
Revolutionism of working class: Marxist theory
and modern reality..... 65
Yu.V. Vasilenko
Andres Borrego – conservative ideologue of
political center 69

STATE AND LAW

- V.V. Kuryatnikov**
Community of constitutional justice bodies
as a core feature 75
S.L. Bekhterev
Labor collectives in the system of soviet
economy: historical and law aspect 79

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIMUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the

«SOCIMUM AND POWER» journal is included in the **list of leading reviewed scientific journals and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science:

philosophy, political science, sociology, law, economics, cultural studies, history.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIMUM AND POWER» scientific journal are located at page 140

Please send your articles to the editor's office at:

454071, Chelyabinsk, PO 6511
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: kushtym@rane74.ru

Website:
<http://rane74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved.

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices

Certificate of Registration

PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
Issued by Russian Surveillance Service for Mass Media and Communications

Passed for printing on 09.08.2013.

Format 70×108^{1/16}
Reference sheet area. 8,75. Issues – 1000.
Order № 3109.

This edition has been designed and printed at
454080, Chelyabinsk,
Sverdlovskiy prospekt, 60.

Free price

**Subscription index in
Russia
46536**

ECONOMICS AND MANAGEMENT

A.V. Dubynina

Issues of economy innovative development on the regional level 84

D.V. Fedorov

Energy industry development in federal districts of the Russian Federation: determination and factors evaluation..... 90

E.A. Nezhivenko, I.A. Novikova

Research of the effectiveness of subsidized activity of regional agricultural producers..... 96

V.G. Parasotskaya

Multistaged approach to training personnel for municipal service..... 103

CULTURE

S.S. Zagrebin

«We live in the erroneous world».
Andrey Tarkovsky about spiritual crisis of modern civilization 109

E.D. Zhukova

Cultural aspects of modern problems of educational system in Russia 113

K.A. Dobrikova

American cultural value orientation in the language world view (based on the speeches of the U.S. president B. Obama).....118

HISTORY

A.N. Dannenberg

Catholicism in Cuba under revolutionary changes (1959) 124

N.V. Dmitriev

The religious component of military units of the Imperial Russian Army in the Far Eastern theater of war in the early twentieth century..... 131

CRITICISM AND REVIEWS

A.N. Kabatskov, O.L. Leibovich

In the era of informatization, mediatization and soft technologies of power
About the book by O.F. Rusakova
“Contemporary political philosophy:
the subject, concepts, discourse” 136

*Однажды лебедь, рак и щука
Везти с поклажей воз взялись.*

И.А. Крылов.

УДК 167

ПОЛИФОКАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Павлов Александр Валентинович,

Тюменский
государственный университет,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, профессор,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Аннотация

В статье очерчиваются контуры парадигмы социальной философии и общесоциологической теории современности, пригодной в качестве методологической основы социальных исследований в России.

Ключевые понятия:

полифокальная парадигма,
Я-субъект, площадка, навязанная
коммуникация, общественная жизнь,
социальный мир.

1.

Подход к исследованию общественной жизни в России, представленный в данной статье, отчасти перекликается с идеями фигурации Н. Элиаса [1; 8], мозаичной культуры А. Моля [4], полифокальной социологии [7] и развивает концепцию современности, кратко изложенную в «Заметках о современности и субъективности» [5; 6]. Как показывалось в «Заметках», современность – это Я-субъективность, ее проблемы и ее связь с другими Я-субъектами, понятая и формально как сеть коммуникаций, и содержательно как экзистенциальный полилог.

Очевидно, исследования в контексте одной только современности так же абстрактны, как и аналогичные работы с позиций исключительно исторического подхода, созданные в теории формации и многих теориях цивилизации. Однако если исторический подход к общественной жизни в российской социальной философии прекрасно развит благодаря марксизму, то о теории современности этого сказать нельзя.

И как следствие, историзм, абстрагированный от современности, вынуждает любое социокультурное явление рассматривать под углом его неизбежного самоуничтожения в силу внутренней противоречивости, и этим, лишая его смысла, делать изначально нелегитимным. Абстрактный историзм как бы повторяет Екклесиаста с его знаменитым рефреном: «Всё – суета и томление духа. Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?». А причина проста: вопрос о смысле и ценности имеет значение только для живых человеческих индивидов, имеющих своё бытие в современности, даже если они в поисках смысла создают историю. У истоков же историзма не живые, а абстрактные индивиды с однотипными интересами, группирующиеся в массы и классы. У абстрактного индивида смысл подменяется формальной целью.

Для того чтобы любой историзм – идеалистический, марксистский или какой-либо другой – полноценно работал и не терял легитимности в глазах людей, он должен вырастать из тщательно развернутой теории современности. В этой статье мне бы хотелось показать возможность концептуального представления общественной жизни в аспекте именно современности, на основе органичной для нее полифокальной парадигмы.

Полифокальная («многофокусная») парадигма в своих исходных основаниях, в силу неотрывного от нее индивидуализма, может быть представлена только метафорически. Ее рационально-теоретическое конструирование неизбежно предполагает базовую метафору, дающую возможность осуществить редукцию теории к личному опыту, а значит, и провести параллель между экзистенциальным опытом общественной жизни человека и ее модельным представлением. А такой опыт, в свою очередь, продукт экзистенциального диалога и полилога, такого соучастия индивидов, в котором каждый из них, опираясь на ограниченные знания о партнере, творчески создает целостное представление о нем, позволяющее предвосхищать и его возможную активность.

Общественная жизнь в самом простом виде является отношением между Я-субъектами. Уже по этой причине, потому что субъекты как свое необходимое качество имеют свободу, понимаемую прежде всего в смысле их определенности по отношению к другим субъектам и обладания условиями собственного бытия, отношения между ними не являются причинно-следственными и не подчиняются строгой детерминации. Их скорее можно представить как игру сил. Увеличение или уменьшение каждой силы, их взаимодействие, наступление-отступление демонстрируют картину реальности как сложного и динамичного социального процесса, развертывающегося и в пространстве, и в историческом времени из своеобразной сингулярной точки, которой является каждый участвующий в коммуникациях субъект. Именно поэтому современность непрерывно меняется, а ее изменение, собственно говоря, и рождает как социальное пространство, так и историю. Но начинать придется с конструирования первичной абстрактной социологической схемы, изображающей современность в ее опытным восприятии. Что именно необходимо непрерывно держать в поле зрения, говоря о таком предмете на любом уровне абстракции и обобщения?

2.

Нетрудно провести параллель между общественной жизнью людей и пассажирами в переполненном автобусе, где тоже есть и «общество», и коммуникации, и границы, обуславливающие необходимость сосуществования.

Когда новый пассажир протискивается в переполненный автобус, он преследует

свою цель, ему надо занять удобное место, чтобы доехать до нужной остановки. При этом его появление в автобусе изменяет пространственную конфигурацию остальных пассажиров: кто-то подвинется, кто-то другой повернется, пропуская новичка, кто-нибудь, напротив, оттолкнет его или прижмет к креслу.

Вместе с этим меняется не только телесная конфигурация пространства, но и его «ментальное» содержание. Кто-нибудь обрадуется, увидев старого друга или симпатичную женщину. А кто-то рассердится из-за того, что ему заехали локтем в бок, причем сделал это не новичок, а другой пассажир, который неловко повернулся потому, что ему на ногу наступили. Причем на ногу наступил не новичок, а третий пассажир, которого стукнули портфелем. И снова это сделал не новичок, а четвертый пассажир, которого толкнули. А толкнул его уже новичок, протискиваясь в переполненный автобус.

Складывается цепочка контактов, сопровождаемых мыслями, чувствами, переживаниями, а то и словами: первый рассердившийся пассажир нашего новичка не видит, не знает и знать не желает, но конечной причиной его эмоции оказывается все-таки новичок.

В этой мешанине переживаний, обусловленной непрерывными взаимными провокациями, возникают два устойчивых представления. Они оказываются принципами, вокруг которых образуется система норм, определяющих поведение в автобусе и уже не полностью совпадающих с личностной мотивацией. Каждый пассажир поначалу обладал Я-субъективностью, сложившейся до посадки в автобус и организующей его внутренний мир. После посадки в этот личностный мир вторгается мощный фактор, поведение других пассажиров, и Я-субъективность в какой-то степени перераспределяется, а ее мир изменяется.

Эти два представления осознанно или неосознанно характеризуют мировосприятие каждого пассажира и, вместе с тем, всех одновременно, от отдельного сознания они не зависят и по отношению к нему объективны. Они обусловлены требованиями, а точнее предписывающими ожиданиями всей группы пассажиров как одного целого, предъявленными персонально каждому. Их нормообразующий характер гораздо сильнее перечня правил поведения пассажира, что в советских автобусах некогда вывешивали на кабине водителя. Эти правила читаются лишь тогда, когда толпа прижи-

мает к ним носом, а действительные нормы существования в автобусе предчувствуются и угадываются каждым, вне зависимости от его места в салоне.

И этих принципов всего два: пассажир и автобус.

Во-первых, каждый знает, каким должен быть пассажир. И каждый понимает, что если хочешь доехать до своей остановки, то не вертись, не толкайся, не ругайся, будь скромен и стой смиренно, иначе тебя из автобуса выкинут.

Во-вторых, каждый понимает, что такое автобус данного конкретного маршрута. И если водитель, будучи свободным человеком, вместо того чтобы ехать строго по маршруту, свернет к себе на дачу, пассажиры ему сразу объяснят, что такое автобус, и куда конкретно водитель должен направляться.

3.

Образ переполненного автобуса удобен для базовой метафоры, позволяющей понять, как формируется целостная общественная жизнь из массива частных поступков, мнений и переживаний. Позволяет понять по-человечески осмысленно, а не путем теоретических интерпретаций, т.е. на самом исходном и важном уровне понимания. Понять «по-человечески» – это значит, во-первых, редуцировать абстрактную концепцию к личному опыту, найдя в самом себе ее аналогию, а во-вторых, стать субъектом ожидания *практической реализации* этой концепции и выступить источником личных экспектаций по отношению ко всем другим, с кем приходится сосуществовать, принять участие в конструировании той социальной целостности, которая потом начнет познаваться и представляться в виде абстракций.

В конце концов человеческий социум, будь то коллектив корпорации, общество страны или человечество, легко представить в виде огромной толпы, чье движение ограничено твердыми рамками морали, религии, права, хозяйства, государственных границ, природных условий или размерами планеты и где, в силу масштабов этой толпы, возникают несколько независимых друг от друга центров ее самоорганизации и упорядочения. Общество – это тоже автобус, только такой, где каждый пассажир имеет свои маршруты и конечную остановку.

Метафора автобуса позволяет понять первый важнейший факт общественной жизни: в любой устойчивой совокупности людей непременно образуются столь же

устойчивые и совместные представления о ней самой и о нашем месте в этой совокупности. А между ними формируются нормы, определяющие человеческие взаимоотношения. Но как только сообщество распадается, только перестают действовать факторы, обуславливающие ее устойчивость, исчезают и представления, и нормы. Устойчивость же общества поначалу всегда определяется границами, в которых оно располагается.

4.

В межличностном экзистенциальном диалоге в рамках устойчивого пространства складывается своеобразная полифокальная социология, опытно улавливаемая в простом движении толпы и восходящая к индивидуальной жизнедеятельности составляющих толпу людей (рис. 1).

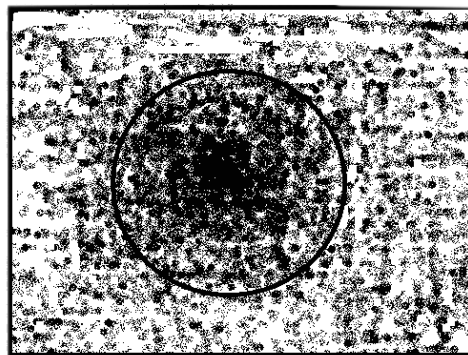

Рис. 1. Общественная жизнь, уровень опыта

Объективность общественных законов непосредственно обусловлена, по известному мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, столкновением воли и интересов стихийно действующих индивидов и классов [2; 3]. Она напоминает объективность движения веза, который тянут в разные стороны лебедь, рак и щука. Вез при этом движется не туда, куда они хотят, а туда, где их стремления хоть в какой-то степени совпадают. Ф. Энгельс обнаружил это стихийное столкновение, непосредственно наблюдая общественную жизнь в условиях классического капитализма XIX века с минимальной степенью госрегулирования. В начале же XXI века с его транспортом и телекоммуникациями, суживающими социальное пространство настолько, что, например, Европа XIX века сегодня управляется как одна небольшая страна того времени, как какая-нибудь Бельгия, влияние субъекта управления выросло так, что, казалось бы, уже опровергает наблюдение Энгельса. Однако

социальная стихия никуда не делась, она просто ушла в сферу современности, откуда по-прежнему направляет ход общественной жизни. Только выглядит она теперь не так откровенно материалистически, как в классическом капитализме, и исследовать ее надо уже неклассическими средствами.

Действуя на основе присущих ему представлений, человек обнаруживает встречные поступки и предполагает скрытые за ними чужие взгляды. Необходимость совместного существования побуждает людей корректировать свои действия. Человек как субъект собственной жизни оказывается перед выбором: или жить ради других, или идти на некоторые уступки ради совместного бытия с другими, или отказываться от компромисса. При этом любое принятое решение тоже на проверку становится проблемой. Решиться жить ради других – значит, либо согласиться принять чужие требования и утратить себя ради партнера, либо идти на компромисс и искать способ и меру сохранения своей личности в партнерстве, либо отказаться от компромисса, а значит, или вообще выпасть из любых коммуникаций, или посчитать себя вправе ломать и давить партнеров, уничтожая их самобытность и подгоняя под свои взгляды.

Общественная жизнь существует как динамичное сочетание компромиссов и конфликтов с эскапизмом, с общественным служением и с жизнью ради других. Это полилог, в котором «Я» участвует в качестве индивидуальной и исключительной личности. «Другой» при этом воспринимается как персонификация природы и общества, его личность социальна и типична. Думается, любой психолог, изучая пациента, легко подводит его под определенный личностный тип, но никогда не может подвести под такую же типологию самого себя, во «мне» всегда находится масса характерных черт, ломающих любые классификации. Проще сказать, «Я» – это просто «Я», а личность «Другого» биологична, социальна, исторична, космична, а то и божественна. «Я» всегда текуче, не завершено и стремится найти устойчивую форму. «Другой» же определен и завершен, он – острое того клинка, который мир нацеливает на нас. «Я» – субъективен, «Другой» – объективен и инструментален, «Я» – анонимен, «Другой» же – воплощение внешне воспринимаемой чужой нормальности.

Если человек не соответствует общепринятой норме и не умеет договориться, его будут бить, и тут уже беги, отбивайся или падай на колени. А если он лишен воли к самобытию, то у него одна жизненная перспектива – перестать быть личностью

и раствориться в других, исчезнуть в толпе. И при этом существование в общественной жизни, каким бы оно ни было, конфликтным ли, компромиссным, эскапистским, любым другим, непрерывно меняет личность. Достаточно посмотреть хотя бы на подростковые «тусовки».

Человек может отказаться от партнерства, замкнуться в себе и жить по известной поговорке: «Моя хата с краю». В этом случае социум в ответ игнорирует его существование, вместе с его взглядами и мнениями. Пассажиры автобуса допускают его соседство, но только в качестве «резервного» пустого места, которое пока никому не нужно, и для него есть единственная оптимальная тактика – быть незаметным. Понадобится – и его выгоняют из переполненного салона. Человек может использовать силу, и если ее достаточно, то уже он принуждает других к своему порядку и диктует маршрут. Но если же он слаб, то оказывается заявившим о себе «козлом отпущения».

Так организуется криминальное сообщество, устанавливается порядок в лагерях. На этом держится армейская «дедовщина» и феномен «хорошего сержанта – опоры армии». Истории известны целые государства, организованные полицейской силой и военной диктатурой, группирующейся вокруг «сильной личности». Но известны и такие страны, где множество самобытных личностей так или иначе, но достигли паритета друг с другом.

Чем диктатура принудительней, тем короче жизнь страны, тем легче она разваливается от малейшего потрясения, и тем труднее потом восстановить и народное хозяйство, и уничтоженный в ней потенциал личной человеческой самобытности, называемый в литературе «духом народа», «душой нации», «национальным характером» и т.д. А без личной самобытности граждан нет тех субъектов кто может выражать взгляды разных слоев и групп, вести диалог, отстаивая их право быть самими собой, договариваться и участвовать в становлении общепринятой легитимной нормы, в формировании «нормального» общества из хаотического материала толпы.

Так, легитимность любой власти придает организованная оппозиция и обоюдная способность к диалогу. Если есть организованная оппозиция, то у власти есть кого уговаривать, подкупать, убеждать, угрожать, подставлять, запугивать, объяснять, на кого сваливать свои грехи и т.д., у экзистенциального диалога на практике

много форм. Но если оппозиции нет или она не организована, то у власти есть только угрожающий гул легко возбуждающейся огромной толпы и нет никаких средств точно определить, где именно и по какой причине произойдет критическая вспышка. Оппозиция – необходимый компонент политического управления, и чем она критичнее, тем лучше.

В диалоге человеческих субъектов, в координации собственных поступков и взглядов происходит их сближение. Разные взгляды не становятся одинаковыми, так как за ними скрываются разные люди, но они интегрируются в то мозаичное целое, какое потом составляет общую социокультурную субъективность и какое представлено в сознании человека. Сам процесс диалога, ожидание и предугадывание чужой субъективности, образующиеся точки совпадения взглядов, организация коммуникационных каналов, циркуляция по этим каналам множества различных, но уже взаимно согласованных мнений является «интерсубъективностью» – сетью взаимно легитимных коммуникаций вместе с их экзистенциальным содержанием.

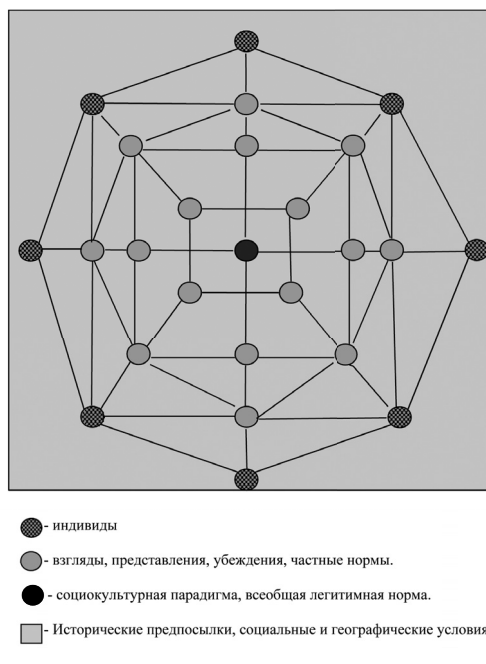
Интерсубъективность предпослана изначально тем фактом, что человек рождается другими и существует среди них с первого момента жизни. Уже здесь содержится возможность дальнейшей социализации, и в этом смысле Ж.-П. Сартр прав: «Я» – это «Другие». Интерсубъективность, хотя онтологически и существует только в сознаниях людей, но как продукт объективации и независимое от личных предпочтений качество человеческой социальности, она объективна. А тот ее фрагмент, за которым скрываются формирующие ее Я-субъекты, оказывается своеобразным абстрактным субъектом нормотворчества и организации, легитимным субъектом рациональности или «социокультурной парадигмой» – матрицей, по образцу которой хаос толпы превращается в устойчивое общество.

Социокультурная парадигма предметно представляет собою некий центр притяжения социальных сил, который на рис. 1 очерчен кружком, независимо от того, реален этот центр или мним. Это может быть, например, политическая власть. Но это может оказаться и простой точкой равновесия между властью и оппозицией подобно той точке, вокруг которой вращаются Земля и Луна, будучи в астрономическом смысле двойной планетой. В этой точке ничего нет, даже маленькой космической станции, но оба огромных не-

бесных тела вращаются вокруг нее. Например, таким центром способен стать миф или «овладевшая массами идея», будь то идея коммунизма, нацизма, демократии, инопланетного захвата или конспирологии «тайных всемирных правительств и заговоров». Степень совпадения власти с парадигмой – тоже показатель ее легитимности. Если не совпадает, то значит, совпадает какая-то другая идея, и тут уже остается думать и выбирать, что предпочтительней.

5.

В теории же парадигма представляет собой как бы «схему» общественной жизни, ту самую абстракцию и форму современности, о какой писалось выше. Отдельно ее можно изобразить так, как на рис. 2, ранее опубликованном в «Логике и методологии науки» [5]. Картина общественной жизни, как рисунок, статична и неизменна, в реальности она на самом деле чрезвычайно подвижна и во многом случайна. В философии Ж.Делеза и Ф.Гваттари она, например, обозначается концептом «ризомы».

Рис. 2. Парадигма полифокальной социологии

Общество как целое складывается и существует под влиянием трех условий, которые можно считать постулатами общесоциологической теории, способной адекватно описать современную общественную жизнь в России.

1. *Я – субъекты*, упрощенно – индивиды, включая их стремление отстаивать собственное право на самобытность и личную уникальность, их способность признать других такими же самобытными существами, имеющими право на существование, несмотря на свои отличия.

2. *Площадка* – ограниченное и ясно очерченное локальное пространство, в котором располагаются индивиды: государственные границы, границы культурного региона, корпорации или группы, религиозные, юридические и моральные границы, географические препятствия для переселения, природно-географические и климатические условия, ресурсы, в целом ограниченные размеры земного шара и т.д.

3. *Навязанные коммуникации* – взаимная обусловленность и экспектации, адресованные Я – субъектами, живущими на одной площадке, друг другу.

И тогда, *в любой совокупности людей, находящихся на одной площадке, непременно возникают столь же устойчивые и совместные представления и о ней самой, и о человеческом месте на ней, у каждого человека – своё*. А между ними устанавливаются коммуникации, начинается экзистенциальный полилог, в котором складывается культура общественной жизни и формируются нормы, регулирующие взаимоотношения индивидов.

При этом чем больше Я – субъектов находятся на одной площадке, тем более навязанными являются коммуникации между ними, тем активнее они разрушают субъективность одних и побуждают других к все более энергичной защите своей свободы и своих прав. Но стоит границам площадки исчезнуть, вместе с ними исчезают и коммуникации, и нормы, представления устаревают и уходят в прошлое, и сообщество распадается.

Всё остальное: климатические особенности, состав природных ресурсов, исторические предпосылки и ранее сложившиеся традиции, отношения общества с его соседями и т.д. играют огромную роль для определения своеобразия этого сообщества, *но только через Я – субъекты и их активность*. А для того чтобы общество появилось, думается, достаточно названных трех условий. При их наличии возможно одно из двух: либо острый межиндивидуальный конфликт, ведущий в конце концов к гибели всех его участников (тогда и о социуме говорить не приходится), либо же они все-таки найдут способ «притереться» друг к другу и существовать совместно,

образуя социум. Так появляются трудовые коллективы, поселенческие общности, криминальные группировки, нации и т.д.

В реальности конфликт, сосуществование и конформизм как три ориентира человеческой жизнедеятельности трудно делимы, из-за чего при любых социальных изменениях некоторая часть населения подвергается остракизму, тем большая часть, чем кардинальнее и глубже перемены. Новое общество создается субъектами, а те, кто отказывается от субъективности во имя сиюминутного благополучия, отвергаются. Новое общество – не для них.

Чем многочисленнее общество, тем больше оно структурируется достигнутыми соглашениями, образуя устойчивые коммуникации и вторичные социумы, кластеры, группы, слои или, по марксистской терминологии, классы. Они заняты разными делами, благодаря той комплементарности, какая давно названа «разделением труда», они по-разному обеспечены и приспособлены к жизни, у них разные взгляды и способы существования. Но главное, чтобы индивиды и социумы достигали и поддерживали жизнеобеспечивающую меру комплементарности, то есть были нужны друг другу и не теряли при этом собственного лица.

6.

Думается, что за классической парадигмой субъект-объектных отношений, лежащей в основе многочисленных теорий как формации, так и цивилизации скрываются именно Я – субъекты и площадка. Полилог между Я – субъектами формирует *вторичных* социальных и институциональных субъектов, теоретически представляемых как разного рода социумы от коллектива до народа и нации, и как различные институты от небольшого организованного предприятия или общественного объединения до государства. А на предельном уровне абстракции появляются философы Высшей Духовности и столь же абсолютной материальности Мироздания, философских субъекта и объекта. Однако важно учитывать то обстоятельство, что в основе любых субъективистских или объективистских абстракций и теорий находятся, говоря языком К. Маркса, «действительные индивиды и условия», то есть Я – субъекты, и ограниченная площадка, на которой они живут. В их совместном поиске способов сосуществования складываются представления о глобальной субъективности или объективности их мироустройства, а потом

через нормы и коммуникации они возвращаются назад к индивидам, формируя их личность, культуру и цивилизованность.

Благодаря такому механизму в обществе появляются уже не просто классы или абстрактные социумы, а ясно очерченные «социальные миры», нечто вроде корпораций со своей организацией, образом жизни и ценностями: город, армия, правоохранительная система, спортивные общества, система образования, церковь, предприятия, государственная бюрократия, политические партии, формальные и неформальные общественные объединения, союзы и т.д. Это уже не просто социальные сферы, выполняющие общественно признанные функции, но сферы, организованные и скрепленные собственными коммуникациями, развитой или неразвитой институцией и населенные своими «жителями». Каждый социальный мир старается вырастить у себя все структуры, необходимые для максимально достижимой самообусловленности, то есть, для свободы, создают собственную экономику путем договоров, союзов, а то и строительства или захвата производства, проводят свою политику, развивают собственные системы образования и воспитания, сам поддерживает внутри себя порядок и т.д.

Социальный мир становится своеобразным вторичным «социальным организмом» со своей культурой, целями, ценностями и личностными типами и с собственными социокультурными субъектом и объектом в основе. Лишь тогда он способен к самостоятельной практике и может существовать. А общество в этом случае состоит из более-менее институционализированных и частично автономных социальных миров, взаимодействующих мини-обществ или коллективов, групп и входящих в них индивидов. И тогда общественная жизнь становится полилогом социальных миров и социокультурных субъектов, а их взаимоотношения, так же стремятся либо к конфликту, либо к комплементарности, носителями которых являются все-таки не сами социокультурные субъекты, а представляющие и выражающие их индивиды.

И в то же время социальный мир – это не мир-экономика Ф. Броделя и не мир-система И. Валлерстайна. Их подходы нацелены на макроанализ, в то время как социальный мир характеризует больше микроуровень общественной жизни, и способен переходить к макроуровню только через взаимоотношения конкретных социальных миров, пошагово выстраивая их иерархию снизу доверху. Они прежде всего локальны (поселенческое

общество) и интертерриториальны, пересекаются друг с другом (правоохранительная система, транснациональные корпорации, Министерство путей сообщения, политические партии, криминальные сообщества). В их основе находится необходимость индивидов сосуществовать, сохраняя личную самобытность и по-прежнему идентифицируя себя как «Я».

Макроуровень здесь образуется в результате хаотического взаимодействия множества индивидов и социальных миров и самоорганизации путем выработки однотипных норм и правил и создания все более крупных аттракторов, где по-прежнему действуют отношения компромиссов и конфликтов, только в рамках принятых и легитимных норм. Социальная система формируется не сверху вниз, а наоборот, снизу вверх, от разнообразия индивидов, органы власти в ней не выше исполнителя, а по соседству с ним. Они, безусловно, вносят коррективы в общественную жизнь, по мере их становления, но они не способны строить общества, так как не способны создавать людей. Их попытка строительства – всегда оборачивается социальной селекцией, устранением из общественной жизни неудобных.

8.

Социальный мир образуется в ходе горизонтального или вертикального полилога – взаимоотношений субъектов друг с другом или, например, власти с населением. Это не абстрактное, а вполне конкретное пространство, населенное индивидами, принявшими его нормы жизни. Полноценными индивидами, а не просто работниками, нуждающимися во всем, в чем нуждаются живые люди. Отсюда этот мир, например, церковь или всевозможные госслужбы, вынужден своими силами создавать всё, необходимое для жизни, как это делали в СССР социальные миры Академии наук или, скажем, Миннефтегаза, строившие целые города с жилыми комплексами, школами и больницами. Или ему приходится вступать в комплексные и многоаспектные отношения с другими мирами, создающими необходимое, осваивать их и либо подчинять, либо достигать комплементарности. Например, власть нередко использует политический и коррупционный ресурсы в отношениях с другими мирами, криминальное сообщество использует силовой ресурс и т.д., хотя отношения могут быть и моральными, и правовыми.

В большом социуме, в обществе сложность социальных связей приводит к от-

носителем автономии ряда социальных миров. Из-за этого любое общество отличается склонностью к созданию целого ряда центров, задающих свои парадигмы и остро конкурирующих друг с другом. Так, хозяйственные предприятия со своей экономикой, политические партии с их идеологией, госучреждения с иерархией, церковь с традицией и обрядом, армия с уставом, правоохранительные органы и т.д., каждый стремится поставить себя во главе всей социальной системы. Каждый хочет положить в ее основу и свои интересы, и собственный тип организации. Завод заинтересован в прибылях и рассматривает всё общество как потенциальных работников, конкурентов, смежников и потребителей. Партии необходима цель, ясная и привлекательная для масс и политическая организация народа вокруг цели. Силовым структурам требуется беспрекословное подчинение исполнителя воле начальника, а человека на улице – воле остановившего его полицейского, городской власти нужна максимальная автономия от центра и одновременно возможность использовать его ресурсы и т.д.

В период расцвета цивилизации разные миры тесно взаимодействуют и их парадигмы интегрируются, но в условиях межвременья они расходятся и вступают друг с другом в борьбу. И тогда силовики, госчиновники и партии стараются подчинить себе, например, предприятия как единственных производителей материальных благ и основной источник дохода, а те, в свою очередь, норовят подкупить полицию, чтоб использовать ее как инструмент конкуренции, или партию для создания лобби в парламенте, или чиновников. Кто из них в реальности победит, тот и создаст облик будущей цивилизации.

Множество центров, полифокальность общественной жизни в межцивилизационные времена распространяется не только на отношения между социумами или институтами, но и между освоенными и заселенными территориями, тоже выступающими в качестве социальных миров. На них складываются относительно самостоятельные социально-территориальные организмы, стремящиеся к максимальной возможной автономии. Распад цивилизаций всегда чреват распадом стран и их геополитической перестройкой. Наиболее успешные территории демонстрируют свои способы эволюции и становятся антикризисными центрами со своей идеологией, борьба между которыми может доходить до накала гражданских войн: Париж и Вандея во Франции XVIII в., Север и Юг в США XIX в., Петербург и Омск в России эпохи граждан-

ской войны, Москва, тюменские нефтегазовые округа, Калининградская область, Северный Кавказ, Дальний Восток, Забайкалье в России конца XX и начала XXI века.

9.

Таким образом, получается, что в основе общественной жизни всегда находится самоорганизация Я – субъектов в жестких рамках площадок. При этом каждый Я – субъект сохраняет право выбора своей жизненной траектории. Он верующий или атеист, убежденный националист или интернационалист, сторонник диктатуры или демократ, фанатик рок-звезд или футбола, и он вынужден одновременно участвовать в общественной жизнедеятельности на целом спектре площадок разного типа и уровня от поселенческого до государственного, от научного до религиозного, от экономического до художественного. Своего самоопределения на разных площадках ему не избежать, однако у него сохраняется свобода выбирать конкретные площадки или создавать свои собственные и определять их приоритетность для себя. Он вправе участвовать в качестве активного субъекта на одних площадках и предпочесть конформизм и пассивность на других.

Создавая нормы и ценности в одном социальном мире, он может отказаться делать это в другом. Ученый не обязан быть художником, профессор – бизнесменом или чиновником, а священник – политиком. Более того, чем теснее каждый из нас связан с какой-то группой социальных миров, тем менее он способен быть субъектом в других мирах, где он в лучшем случае занимает оборонительную позицию. Социальные миры наполняются людьми только соответствующего им характера и морали, комплементарной с их базовыми ценностями, они попросту формируют нужные им типы личности. Так, если моральной нормой христианского священника является любовь, а моральной нормой политика – цинизм, то священник-политик рождает оксюморон циничной любви и любовного цинизма.

Социальный мир неразрывен с людьми, достигшими именно в нем комплементарного согласия. А следовательно, организационная свобода Я – субъекта свобода созвучна с автономией социального мира. Характерная же для межвременья персонификация индивидов оборачивается усилением автономии социальных миров и их распадом, когда связь между ними обрастает все большим числом степеней свободы, все большей неопределенностью и непредсказуемостью их поведения и все меньшей легитимностью друг для

друга, вплоть до тех пор, пока не разрывается окончательно в социальном взрыве, распаде и деградации.

* * *

Классические теории, описывающие общество как социальное целое, когда-то, как и у Маркса с Энгельсом, опирались на современность и работали вполне удовлетворительно. Однако современность с тех пор изменилась. Новое вино не влеешь в старые мехи, или мехи прохудятся, или вино испортится. Изменившаяся современность требует построения новых теорий и существенного видоизменения старых. Невозможно анализировать XXI век средствами, разработанными для исследований века XIX. Надо возвращаться к единственному, что не менялось веками, к полифокальной парадигме современности и изучать новые, ранее не замеченные ее возможности, чтобы наметить новые легитимные перспективы.

1. Козловский В.В. Фигуративная социология Норберта Элиаса. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 40–59.

2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. // Т. 40. М.: Изд-во полит. литер., 1975. С. XIX.

3. Маркс К., Энгельс Ф. Деньги как средство обращения. // Сочинения. Т. 46. Ч.1. М.: Изд-во полит. литер., 1968.

4. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.

5. Павлов А.В. Заметки о современности и субъективности. Модерн и пластичность. // Социум и власть, 2012, № 6. С. 5–12.

6. Павлов А.В. Заметки о современности и субъективности. Критерий современности. // Социум и власть, 2013, № 1. С. 5–15.

7. Павлов А.В. Логика и методология науки. Современное гуманитарное познание и его перспективы. // М.: Флинта; М.: Наука, 2010.

8. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб.: Университетская книга, 2001.

1. Kozlovski. V.V. Figurativnaja sociologija Norberta Jeliasa. // Zhurnal so-ciologii i social'noj antropologii. 2000. T. 3. № 3. S. 40–59.

2. Marks K., Jengel's F. Sochinenija. // T. 40. M.: Izd-vo polit. liter., 1975. S. XIX.

3. Marks K., Jengel's F. Den'gi kak sredstvo obrashhenija. // Sochinenija. T. 46. Ch.1.

4. Mol' A. Sociodinamika kul'tury. M., 1973.

5. Pavlov A.V. Zametki o sovremennosti i sub#ektivnosti. Modern i plas-tichnost'. // Socium i vlast', 2012, № 6. S. 5–12.

6. Pavlov A.V. Zametki o sovremennosti i sub#ektivnosti. Kriterij sovremennosti. // Socium i vlast', 2013, № 1. S. 5–15.

7. Pavlov A.V. Logika i metodologija nauki. Sovremennoe gumanitar-noe poznanie i ego perspektivy. // M.: Flinta; M.: Nauka, 2010.

8. Jelias N. O processe civilizacii. Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovanija. M.; SPb.: Universitetskaja kniga, 2001.

UDC 167

POLYFOCAL SOCIOLOGY OF MODERNITY

Pavlov Aleksandr Valentinovich,

Tyumen State University,
Chair of Philosophy,
Doctor of Science (Philosophy),
professor
Tyumen, Russia
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Annotation

The article outlines the paradigm of social philosophy and sociological theory of modernity that is used as methodological basis for social research in Russia.

Key concepts:

polyfocal paradigm, I-subject, ground, compulsory communication, public life, social world.

УДК 316.65

СУЩНОСТЬ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ И ФАКТОРЫ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

Файзуллин Фаниль Саитович,
Уфимский государственный авиационный
технический университет,
заведующий кафедрой философии,
доктор философских наук, профессор,
академик АН РБ, г. Уфа, Россия.
E-mail: philosugatu@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются сущность и особенности этнического самосознания как отражение бытия, специфических условий существования и взаимодействия этнических общностей. Раскрываются основные факторы формирования этнического самосознания и роль исследуемого феномена в развитии этноса и стабилизации развития многонационального общества.

Ключевые понятия:

этнос, этническое сознание и самосознание, этнические общности, стабилизация развития общества.

Важнейшим фактором, способствующим существованию и функционированию этнических общностей, является этническое сознание. Оно выступает не только как необходимое условие их организации, но и является неотъемлемым признаком этнических общностей. Благодаря этническому сознанию общности становятся единым организмом, позволяющим им стать активным участником социальных, политических и культурных процессов. Этническое сознание выступает как рефлексия этнического бытия, как результат социально-исторической практики общности. В нем сконцентрированы основные интересы и потребности, идеология, авто- и гетеростереотипы многих поколений общностей.

Люди, образующие ту или иную этническую группу, проживая на общей территории, в едином социальном пространстве, ведя сходный образ жизни, создавая в процессе длительного взаимного общения общий язык, традиции, обычаи, формируя свое бытие, свое отношение к окружающей духовной, культурной, природной среде, вырабатывают специфические формы отражения, которые становятся элементами их сознания. Это сознание отражает их чувства, мысли, идеи, интересы, и именно оно вызывает чувство общности со своим народом, пробуждая сознание единства [11, с. 87].

Будучи идеальным по форме, этническое сознание выражает самобытность определенного этноса, отражает его внутреннюю структуру и внешние связи. Повседневная практика, предполагающая разнообразие действий, побуждает людей разных этнических групп вступать в связи между собой. В ходе этих связей, общаясь друг с другом, люди различной этнической принадлежности вместе с тем соприкасаются с чужими нравами, образом жизни, быта, с незнакомыми традициями и обычаями. При этом происходит, хотя и бессознательно, сопоставление, сравнение последних со своими собственными этно-духовными ценностями. Именно в ходе сравнения рождается то чувство, при помощи которого индивид идентифицирует себя с определенной этнической общностью. Учитывая все это, можно определить, что этническое сознание есть отражение бытия, специфических условий существования и взаимодействия этнических общностей; оно выработано и закреплено осознанными поступками, практикой и действием неосознанных внутренних, психологических процессов и выражается

посредством идей, теорий, взглядов, проявляющихся в интересах, потребностях, намерениях и целях этносов.

В структурном отношении можно выделить такие компоненты этнического сознания, как этническое самосознание, этническая духовная культура, этнические потребности и интересы, этническая система взглядов, представлений, этническая психология, этнический характер, этнические чувства. Каждый элемент этнического сознания, выполняя определенную функцию, сам выступает в качестве многоуровневой подсистемы со своими элементами.

Среди компонентов этнического сознания особое значение имеет этническое самосознание. Его сила и действенность уже многократно были доказаны на практике реальной жизнью этнических общностей. Оно проявляется всегда – и в открытой, и в латентной форме, при этом выступает как социально активная форма, помогая этническим общностям добиваться поставленных целей, и как политическая сила, поскольку в его структуре могут превалировать и политические мотивы. В области социальной жизни этническое самосознание способствует и выравниванию (равно как и снижению) статусных ролей. Чем выше статус этноса, тем больше у него и возможностей для реализации собственных потенциалов, и наоборот.

Однако следует отметить, при всей значимости в развитии общества этническое самосознание остается недостаточно исследованным феноменом. Если проблема этнического самосознания в отечественной литературе в недалеком прошлом рассматривалась в большей степени этнографами, то в настоящее время она постепенно становится предметом активного изучения философов, социологов и психологов [10, с. 47].

Выделяя этническое самосознание, исследователи по-разному определяют его сущность, особенности и структурные элементы. Одни утверждают, что этническое самосознание – это осознание «принадлежности людей к определенному народу, конкретно проявляющееся в употреблении ими единого названия народа» [7, с. 111], другие определяют его как «осознание общностью ценностей некоего культурного круга» [4, с. 33]. Что касается структуры этнического самосознания, то в ней некоторые ограничиваются выделением таких элементов, как круг представления об общности культурных достижений и произведений устного народного творчества [6, с. 154], другие – самоидентификацию,

этнические автостереотипы, представления об общности языка, традиций, обычаев, художественной литературы, территории проживания [9, с. 369–370].

Расхождение мнений, наблюдаемое при определении сущности этнического самосознания и его структурных элементов, отнюдь не означает, что данное явление есть предмет дискуссий лишь научных школ и пристального внимания к этой проблеме ученых обществоведов. Скорее наоборот, оно связано с малоизученностью этнического самосознания как сложного социального и психологического явления, которое приобретает огромное значение в развитии общества и его стабильности.

Этническое самосознание, в нашем понимании, вообще представляет собой приобретенное индивидом в ходе интернализации чувство принадлежности к определенной общности, помогающее ему самоопределиться и самореализоваться в сложном мире общественных отношений и межэтнических в особенности. Этническое самосознание, являющееся вторичным по отношению к бытию этноса, приобретает не только относительно самостоятельный характер, а является одним из главных и основных условий при конструировании и функционировании этноса. Оно является тем аккумулирующим средством, которое поддерживает единство этноса, культуру, язык в период его существования. Возникнув в недрах индивидуального сознания, реализуясь только в своих конкретных носителях, этническое самосознание приобретает надличностный характер и отражает ту идеологию, те ценности, убеждения, мировоззрение, обобщенные представления, на которые ориентируются члены этноса, воспринимая их как свой внутренний мир.

Этническое самосознание, являясь одним из главнейших компонентов этноса и характеристики этноса, будучи продуктом духовного производства, подвержено изменению в зависимости от постоянно меняющегося бытия. Не всегда изменение содержания приводит к изменению формы, которая хотя и относительно подвижна, но более консервативна. И, очевидно, этническое самосознание в течение длительного исторического периода могло по своим внешним формам оставаться устойчивым, изменяя при этом свое содержание. Изменчивость, подвижность содержания самосознания способствовали расширению культурного обмена, внешним информационным связям, общению и развитию этноса.

Этническое самосознание, возникнув на заре человечества, претерпев немалые изменения, и по сей день играет важную роль в жизни народов. В ходе длительных исторических процессов, в силу специфических условий существования каждого отдельного этноса, этническое самосознание приобрело черты индивидуальности, неповторимости. В разные эпохи, в конкретно-исторические периоды развития этносов, в укреплении этнического самосознания большую роль играл тот или иной структурный элемент, отражая в самосознании народа объективное бытие и выражая его интересы, обеспечивающие жизнеспособность и удовлетворяющие его потребности.

Основными факторами, которые оказывали и оказывают влияние в настоящее время на этническое самосознание, являются общность происхождения, этническая территория и границы, язык, этноним, культура, некоторые антропологические характеристики и религиозные принципы.

Общность происхождения как наиболее естественная и важная основа формирования этнического самосознания не вызывает сомнений. Однако следует заметить, что современная этническая общность необязательно основана на реальных родственных отношениях. Это убедительно доказано многими исследователями [3]. Так, например, история формирования башкир показывает, что древнебашкирское ядро составили многочисленные ираноязычные и финно-угорские роды и племена, впоследствии сильно разбавленные тюрками. Кроме того, входящие в состав башкирского народа различные племенные объединения (кипчаки, минцы, бурзяне, каттайцы) также имеются в составе других тюркских народов: казахов, узбеков, татар, каракалпаков и т.д. [8, с. 67]. Но вместе с тем, общее происхождение или общность своих начал всегда присутствует в этническом сознании. «Хотя бы в критериях, определяющих «чистоту» и «нечистоту» соплеменника, как правильно отмечает Б.С. Ерасов, – также в силу своей близости к природно-биологическим истокам этническое начало, проникшее в самосознание и ставшее источником самоорганизации народа, обеспечивает его выживание в трудовых, природных и исторических условиях» [5, с. 334].

Другим важнейшим фактором формирования этнического самосознания являются территории проживания, этнические

границы в прошлом. Как справедливо отмечает Н.М. Бусыгина, территория может творить с национальным сознанием почти чудеса, изменяя его во многих направлениях, и подчас весьма серьезно. Поэтому учет территориального фактора при анализе этнического самосознания неизбежен [2, с. 47]. На том географическом месте Земли, где в течение длительного исторического периода этносы не просто живут и осваивают его, а слагают легенды, сказания, эпосы (Урал-Батыр, Манас, Калевала), посвящают ему песни, танцы и т.д., бережно передаваемые из поколения в поколение, формируются чувства родины, единства этнической общности. Среди причин многочисленных башкирских восстаний XVII – XVIII вв., предпосылок возникновения башкирского национального движения начала XX века, например, особую значимость имел земельный (т.е. территориальный) вопрос. Именно стремление сохранить свои вотчинные земли от дальнейших захватов спланивало башкир, пробуждало у них национальное самосознание.

Со временем этническая территория, в известной мере, может потерять свое значение как фактор формирования самосознания. Тем не менее, она как место формирования этнической общности, как символ не теряет своего значения.

Следующим фактором, определяющим самосознание этноса, является его культура. В процессе формирования самосознания любого этноса огромное значение имеют специфические компоненты его культуры. При этом здесь культура понимается в самом широком смысле этого слова, она охватывает и образ жизни людей, включает материальные и духовные аспекты жизнедеятельности и оказывает свое непосредственное влияние на целостность человеческого поведения, на адаптацию людей к окружающей среде. Этническая культура проявляется практически во всех областях жизни этноса: в устройстве жилища и одежды, в фольклоре и в воспитании детей и т.д. По мнению Н.Г. Скворцова, именно в своей совокупности «культурные атрибуты и поведенческие стереотипы... обуславливают формирование на субъективном уровне осознание членами группы особой формы коллективной идентичности» [10, с. 59].

Среди компонентов этнической культуры язык наиболее отчетливо выражает этнические функции и способствует выработке этнического самосознания. Язык эт-

носа возникает и формируется в процессе исторического развития и является самым древним в их жизни. Этнический язык является плодом и результатом развития этноса, выраженным в особенностях, своеобразии и специфике его формирования и становления. В языке проявляется всё духовное содержание общности, он не только средство общения между людьми, но и своеобразный показатель всего богатства жизни этноса.

Этнические языки отличаются друг от друга специфическим знаковым устройством. Система знаков дает соответствующее обозначение понятиям, является их носителем. К этническому языку относится определенная совокупность слов и грамматических средств, являющихся общими для данного народа. Язык является не только этноразличительным фактором, как это утверждают некоторые исследователи, он выступает прежде всего средством, которое аккумулирует всю совокупность исторического, социального и культурного опыта, накопленного данной общностью на всем протяжении ее исторического развития. Этим и определяется роль языка в формировании и развитии этнического самосознания.

Среди факторов, оказывающих влияние на формирование этнического сознания, является также этноним, или по-другому – название народа. Наличие названия свидетельствует об осознании членами этнической общности своего единства и отличия от других подобного рода общностей. Без этнонима не существует ни одна нация, ни одно племя, поскольку, кроме чисто внешнего различительного фактора, он несет и важную роль, смысловую нагрузку. Он отражает происхождение народа, его этнические связи, среду обитания и характер этнической общности, ее ценности.

На определенных этапах развития этнических общностей существенную роль в формировании этнического самосознания играла и продолжает играть в настоящее время религия. При этом следует отметить, что в современной ситуации в процессе взаимодействия религиозного и этнического сознаний религиозное все больше приобретает этнонациональные особенности. При этом этническое начало, по нашему мнению, все больше приобретает приоритетность.

Этническое самосознание проявляет свою индивидуальность при соприкосновении с другими этносами. Вне этого контекста проявление этнического самосознания

невозможно. Только сравнивая свой образ жизни, культуру, язык, свое мировоззрение, осознавая свое место среди других народов, этнос ощущает свою особенность, самобытность.

Как известно, не осознав себя, не выделившись из окружающего мира, невозможно сравнивать себя с другими. Именно в процессе познания себя человек ощущает, осознает свою индивидуальность, свою уникальность, созданную в результате кропотливой, длительной творческой работы. Этот процесс, представляющий единство противоречий в системе «Мы-Они», оказывает огромное влияние на формирование этнического самосознания.

Самосознание позволяет индивиду выделить себя из объективного мира, осознать не только мысли и чувства, но и сравнить себя с другими, отождествляя с определенной группой или же противопоставляя им. В ходе практического освоения мира, общественного производства он уже начинает ощущать себя не только как человек вообще, а как часть определенной группы, определенной общности, связанный с ней не только социальными нитями, но и по признаку духовной близости.

Не только этническое самосознание, но и самосознание вообще является тем признаком, без которого не может существовать ни один индивид, ни одна общность. В этом случае самосознание выступает как необходимый признак, означающий невозможность существования ни одного индивидуума [12, с. 23], ни одной общности без него.

Следует отметить, что самосознание – всеобщее, неотъемлемое свойство индивидов, общностей, не только позволяющее отличать одного индивида от другого, одну общность от другой; но и явление, содержание которого направлено на познание себя, своей внутренней сущности, познание своего этноса, его истории.

На идеальном уровне этнического самосознания фокусируются представления общности о самой себе (автостереотипы), о единстве происхождения ее членов, об общности культуры и языка, представления об историческом прошлом. Источниками, поддерживающими его функционирование, являются, в основном, единая территория проживания, географические условия, единство хозяйственного уклада, иногда и общая государственность. То есть, этническое самосознание общности обусловлено внешними факторами существования самой общности, ее экономическим,

научным и творческим потенциалом. Представления о своем единстве в целостности закреплены в самоназвании (этнониме) этноса.

Выделяя самосознание общности, в его структуре необходимо выделить прежде всего те элементы, которые можно проследить в течение жизни нескольких поколений. Такими элементами, на наш взгляд, являются на идеальном уровне представления об общности происхождения, круг представлений о культурной самобытности, языковом единстве, историческом прошлом, представления о самом себе, позволяющие на каждом новом этапе общественного развития сохранить себя как общность, не ассимилироваться и не растворяться среди множества других этносов мира. Рядом исследователей в понятие самосознания общности, на наш взгляд, обоснованно включаются и представления о территории этногенеза и проживания, государственного суверенитета в зависимости от конкретных внешних условий.

Идеальный уровень этнического самосознания общности поддерживает ее существование, объединяет индивидов в этнос. Отражая наиболее общие представления членов этноса, оно является тем образованием, которое позволяет индивидам осознанно идентифицировать себя с конкретным этносом, поддерживать духовное и моральное единство с носителями данного этнонима.

Этническое самосознание, актуализированное в деятельности конкретных его носителей, чутко реагирует на изменившиеся условия внешнего бытия. Если в повседневной жизни оно проявляется лишь в таких мероприятиях, как фольклорные праздники, сабантуи, масленицы и т.д., то в эпоху перемен оно приобретает массовую форму. Активизация массового этнического самосознания, связанная с социально-экономическими, политическими изменениями в государствах, проявляется во всех сферах деятельности. И в таких случаях активизируются те элементы этнического самосознания, которые ранее не казались столь важными, первостепенными (политические, государственные, экономические, территориальные и другие).

Этническое самосознание в период важных событий жизни общности приобретает иногда и воинствующий характер, выражающийся в противостоянии этносов, конфликтах, этнических преследованиях, массовых беспорядках, связанных со сведением счетов за старые обиды. В период политических бурь и экономических кри-

зисов растут этнические предрассудки, взаимные оскорбления, религиозные столкновения. Зачастую они имеют под собой реальную почву, коренящуюся в историческом развитии государства. Нарушение принципа социальной справедливости, прав и свобод этнических меньшинств, игнорирование потребностей и интересов малочисленных народов и т.д. – это те многие причины, способствующие возникновению ксенофобии.

Государства, стремящиеся избежать таких поворотов событий в своей истории, должны регулировать и учитывать в своей политике все нюансы, связанные с межэтническими взаимоотношениями. Все это зависит от того, каким оно будет, как оно будет развиваться, какие политические взгляды и течения возьмут в них верх. Только стабильная политическая и экономическая ситуация при сочетании с демократией дадут возможность избежать конфликтов и будут способствовать гармонизации межэтнических отношений.

Этническое сознание, являясь одним из главных структурных элементов этноса, выполняет огромную роль в существовании и функционировании всех этнических общностей. Оно не только поддерживает единство этноса изнутри, но и становится ведущим фактором объединения индивидов вокруг ценностей той или иной группы, формирования этнической идентичности.

В заключение следует отметить, что этническое самосознание как феномен и как реально существующий признак этноса, конечно же, нуждается в глубоком и планомерном исследовании. В современном обществе это более чем необходимо: чтобы правильно ориентироваться в межэтнических проблемах, предотвращать возможные столкновения на этнической почве, необходимо знать, изучать, учитывать особенности формирования и функциональной деятельности этнического самосознания, одного из самых действенных факторов современного общественного развития.

1. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 416 с.; Козлов В.И. Проблемы этнического самосознания и его место в теории этноса // Советская этнография. 1974. № 2, с. 79–92; Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М. Многообразие культурной жизни народов СССР. М.: Мысль, 1987, 304 с.; Хабибуллин К.Н., Скворцов Н.П. Испытания национального самосознания. СПб: Петрополис, 1993 119 с. и др.

2. Бусыгина Н.М. О состоянии немецкой нации (Территориальный фактор в национальном

самосознании немцев) // Polis. 1999 № 1. С. 42–51.

3. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Мишель и К., 1993. 504 с.; Eriksen T. *Etnicity and Nationalism*. London, 1993. 361 с.; Скворцов Н.Г. Проблемы этничности в социальной антропологии. СПб: СПбГУ, 1997. 184 с.

4. Дьяков Н.М. Все мы люди // Знание – сила. 1989. № 4. С. 31–37.

5. Ерасов Б.С. Цивилизации: универсалии и самобытность. М.: Наука-2002, 421 с.

6. Иорданский Б.В. Этническое самосознание изнутри: его структура // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 4. С.151–161.

7. Козлов В.Н. О понятии этнической общности // Советская этнография. 1967. № 2. С. 100–111.

8. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 572 с.

9. Русские. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 1992. 464 с.

10. Скворцов Н.Г. Испытания национального самосознания. СПб: Петрополис, 1993. 119 с.

11. Файзуллин Ф.С., Зарипов А.Я., Асылгузин Р.Р. Этническое сознание и этническая идентичность. Уфа: Гилем, 2009. 252 с.

12. Формальная логика. Л.: ЛГУ, 1976. 345 с.

1. Bromlej Ju.V. Oчерki teorii jetnosa. M.: Nauka, 1983. 416 s. (Russian); Kozlov V.I. Problemy jetnicheskogo samosoznaniya i ego mesto v teorii jetnosa // Sovetskaja jetnografija. 1974. № 2. S. 79–92 (Russian); Arutjunjan Ju.V., Drobizheva L.M. Mnogoobrazie kul'turnoj zhizni narodov SSSR. M.: Mysl', 1987, 304 s. (Russian); Habibullin K.N., Skvorcov N.P. Ispytaniya nacional'nogo samosoznaniya. SPb: Petropolis, 1993. 119 s.; i dr. (Russian).

2. Busygina N.M. O sostojanii nemeckoj nacii (Territorial'nyj faktor v nacional'nom samosoznanii nemcev) // Polis. 1999. № 1. S.42–51 (Russian).

3. Gumilev L.N. Jetnogenez i biosfera zemli. M.: Mishel' i K., 1993. 504 s. (Russian); Eriksen T. *Etnicity and Nationalism*. London, 1993. 361 s. (English); Skvorcov N.G. Problemy jetnichnosti v social'noj antropologii. SPb: SPbGU, 1997. 184 s. (Russian).

4. D'jakov N.M. Vse my ljudi // Znanie – sila. 1989. № 4. S. 31–37 (Russian).

5. Erasov B.S. Civilizacii: universalii i samobytnost'. M.: Nauka-2002. 421 s. (Russian).

6. Iordanskij B.V. Jetnicheskoe samosoznanie iznutri: ego struktura // Rabochij klass i sovremennij mir. 1990. № 4. S.151–161 (Russian).

7. Kozlov V.N. O ponjatii jetnicheskoi obshhnosti // Sovetskaja jetnografija. 1967. № 2. S.100–111 (Russian).

8. Kuzeev R.G. Proishozhdenie bashkirskogo naroda. Jetnicheskij sostav, istoriya rasseleniya. M.: Nauka, 1974. 572 s. (Russian).

9. Russkie. jetnosociologicheskie oчерki. M.: Nauka, 1992. 464 s. (Russian).

10. Skvorcov N.G. Ispytaniya nacional'nogo samosoznaniya. SPb: Petropolis, 1993. 119 s. (Russian).

11. Fajzullin F.S., Zaripov A.Ja., Asylguzhin R.R. Jetnicheskoe soznanie i jetnicheskaja identichnost'. Ufa: Gilem, 2009. 252 s. (Russian).

12. Formal'naja logika. L.: LGU, 1976. 345 s. (Russian).

UDC 316.65

NATURE OF ETHNIC CONSCIOUSNESS AND FACTORS OF ITS FORMATION

Faizullin Fanil Saitovich,

Ufa State Aviation Technical University,
Head of Chair of Philosophy,
Doctor of Science (Philosophy), Professor,
Academician at the Academy
of Sciences of Belarus,
Ufa, Russia.

E-mail: philosugatu@mail.ru

Annotation

This article examines nature and features of ethnic consciousness as the reflection of existence, special features of conditions of ethnic communities existing and interacting. It reveals the main factors of ethnic identity and the role of the phenomenon in the development and stabilization of ethnic groups in multi-ethnic society.

Key concepts:

ethnicity, ethnic consciousness, ethnic communities, stabilization of society.

УДК 1 (09)

**«ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ
РАКУРС»
ФИЛОСОФСКИХ
КОНЦЕПЦИЙ
С.Л. ФРАНКА И
М. ХАЙДЕГГЕРА**

Киселева Елена Сергеевна,
Российский университет
дружбы народов,
аспирант кафедры истории
и философии,
г. Москва, Россия.
E-mail: eleskis@mail.ru

Аннотация

В статье проводится сравнительный анализ философских позиций С.Л. Франка и М. Хайдеггера. Рассматривается их общая онтологическая направленность в европейском дискурсе XX столетия.

Ключевые понятия:

онтология, человеческое бытие, забота, философия С.Л. Франка, философия М. Хайдеггера.

XX век, как известно, ознаменовался возобновлением онтологической проблематики. Вопрос о бытии, впервые поставленный Парменидом, развиваемый Платоном и Аристотелем, был и остается существом греческой мысли. Он проходит через творчество Плотина, решается в логических штудиях мыслителей Средневековья, к нему в символической форме обращается Николай Кузанский. Философская мысль Нового времени открывает «парадигму сознания» и начинается «забвение бытия», как говорит Мартин Хайдеггер. Именно его философия станет «рубежом» в этом вопросе. Но, как отмечает П.П. Гайденко, «еще задолго до того как в европейской философии наметился поворот к онтологии у М. Шелера, Н. Гартмана, М. Хайдеггера и других, этот вопрос занимал видных русских мыслителей конца XIX – первой половины XX века: Вл. Соловьева, С.Н. Трубецкого, Л. Лопатина, Н.О. Лосского, С.Л. Франка» [2, с. 245].

В одной из своих публицистических работ, посвященной анализу русского мировоззрения, С.Л. Франк выделяет особенность русского духа – онтологизм. Здесь необходимо обратить внимание на то, что для западноевропейской философии со времен Рене Декарта первичным, непосредственным является не бытие, а сознание индивида. По словам Франка, новый западноевропейский человек ощущает себя как индивидуальное мыслящее сознание. Он не чувствует себя укорененным в бытии, не ощущает «внутренней» связи с ним, находится в отрыве от него и, тем самым, теряет его из виду, расходится с ним в разные стороны.

Совершенно иная ситуация наблюдается в русской мысли, где дух начинает свое развитие не с «*sojito*», а с «*sum*». Именно бытие выходит на первый план, оно является живительным источником всего, все непосредственно укоренено в нем. Чтобы что-то познать, необходимо сначала быть. Франк пишет: «В конечном счете человек познает постольку, поскольку он сам есть, что он постигает бытие не только идеальным образом через познание и мышление, а прежде всего он должен реальнее укорениться в бытии, чтобы это постижение вообще стало возможным» [9, с. 479]. Поэтому для Франка первичной категорией выступает именно бытие, но не в смысле мертвой конструкции, а в смысле живой реальности.

Эти строки были написаны Франком в 1925 году, а в 1927 вышла работа «Бытие и время» М. Хайдеггера, сделавшая бытие главным вопросом мысли. Предложенная

в «Бытии и времени» концепция философии стала одновременно синтезом важнейших открытий современной (феноменология Э. Гуссерля; герменевтика В. Дильтея) и классической (практическая философия Аристотеля) мысли и прокладыванием нового пути в философии, а именно, переориентацией мысли на постижение бытия и конкретно человеческого существования.

Как известно, Франк и Хайдеггер никогда не были знакомы, хотя была возможность встречи через их общего друга психотерапевта Л. Бинсвангера (основа его философии – концепция Хайдеггера), но она так и не состоялась. Их, казалось бы, ничего не должно и не может связывать, но они оба выросли в религиозной среде (отец Хайдеггера был звонарем в католическом храме; дед Франка был глубоко религиозен и отлично знал Библию), оба прошли через гонения и лишения в период формирования тоталитаризма в своих странах, их мысль развивалась в едином русле поворота к онтологии в XX веке без прямых заимствований и непосредственных влияний. Поэтому небезынтересно провести сравнительный анализ концепций этих двух выдающихся мыслителей современности. На взаимосвязь С.Л. Франка и М. Хайдеггера указывают как отечественные (М.А. Маслин, С.А. Нижников, П.П. Гайдено, Н.С. Мотрошилова, И.И. Евлампиев, С.В. Никулин, А.П. Глазков), так и зарубежные (П. Элен, Ф. Буббайер и др.) исследователи.

В русской мысли именно С.Л. Франку принадлежит несомненная заслуга в четкой формулировке «онтологической парадигмы», осуществленной им в трудах «Предмет знания» и «Непостижимое». Интерес к Хайдеггеру со стороны Франка был вызван несколькими обстоятельствами: во-первых, дружбой с М. Шелером, который первый из европейских мыслителей отметил важность работы «Бытие и время» для современной философии; во-вторых, знакомством Франка с работами Хайдеггера и обсуждением их в переписке с Л. Бинсвангером.

В существующем наброске лекции о Хайдеггере Франк отмечает основную дилемму «Бытия и времени» – экзистенциализм и онтологизм. Ему удается уловить по существу самое главное в мысли немецкого философа. Вопрос о бытии становится главным для Хайдеггера, рассматриваемый через призму экзистенциалов человеческого существования, через то, что ближе всего нам, что окружает нас, что нам подручно. Через все это человек должен услышать «голос бытия». Франк говорит, что работу Хайдеггера «Бы-

тие и время» отличает абстрактность стиля и трудность анализа, но за этим скрывается «живое, простое, понятное духовное содержание» [7, с. 177].

Точкой отсчета в мысли, в философии, в жизни и для Франка, и для Хайдеггера становится бытие. Работа «Бытие и время» является экспликацией основного вопроса Мартина Хайдеггера. Он указывает, что сегодня в отношении «бытия» сложились определенные предрассудки: во-первых, «бытие есть наиболее общее понятие», во-вторых, «понятие бытия неопределимо», в-третьих, бытие есть само собой разумеющееся понятие» [11, с. 3–4]. Это означает, что вопрос о бытии необходимо заново поставить и сделать его максимально прозрачным. Всякое спрашивание, по Хайдеггеру, есть искание, которое должно отталкиваться от искомого, поэтому «смысл бытия должен быть нам уже известным образом доступен» [11, с. 5]. Подобного рода суждения мы можем обнаружить в работах Франка, когда он пишет, что в нашей мысли уже присутствует потенциальное знание о предмете, что мы уже изначально знаем бытие в его единстве. И только на основе этого знания, или точнее непосредственного обладания, человек выстраивает дальнейшие суждения и заключения о реальности.

Суть подхода Хайдеггера Франк определяет как «переход от познания сущего к познанию бытия». Франк обращает внимание на то, что Хайдеггер ставит вопрос не о смысле особого рода сущего, именуемого человеческой экзистенцией, а о смысле бытия этого сущего. Сам же Хайдеггер указывал на построение подлинной онтологии – «фундаментальной онтологии», из которой могут возникнуть все другие и на основе которой строится аналитика присутствия. В контексте этого немецкий мыслитель поясняет: «Правильно понятое онтологическое исследование само придает бытийному вопросу его онтологическое преимущество» [11, с. 11]. Сходную позицию мы встречаем в фундаментальном труде Франка «Непостижимое», где он отмечает, что «всякая философия есть по своему существу онтология», которая взаимосвязывает и воспринимает все как целое. Здесь же Франк указывает на недавнее и справедливое введение термина «фундаментальная (основополагающая) онтология» [8, с. 305], которое отсылает к простому термину Аристотеля «первая философия». Таким образом, мысль обоих философов развивается в едином направлении – онтологии XX столетия.

Неслучайным поэтому кажется и путь постижения бытия как такового, выбран-

ный Хайдеггером в «Бытии и времени» и Франком в «Непостижимом», через онтологическое осмысление человека, поиск истины через его бытие. Поскольку, как полагает Хайдеггер, бытие, анализ которого нам предстоит, – это, прежде всего, мы сами. Первое, с чего начинается осмысление нашего бытия, на этом настаивают и Франк, и Хайдеггер, это предметный мир или мир «подручный». Вещи окружают нас, мы всегда уже погружены в них, наш взгляд уже изначально обусловлен ими. Франк, как и Хайдеггер, говорит о том, что «предметный мир» есть мир иллюзорный, фантомный, но, вместе с тем, более привычный для «повседневного человека», его сознание определено существенным уровнем предметности. Такое положение заводит homo sapiens в непроглядный тупик, где все кажется таким осязаемым, таким верным, настоящим, что человек уже не может себе представить другого положения вещей. «Наше сознание, – пишет русский философ, – настолько заполнено предметным бытием и приковано к нему, что оно с самого начала склонно воспринимать все вообще, что как-либо ему доступно и открывается, как составную часть предметного мира» [8, с. 318]. Это очень хорошо видно в хайдеггеровском понятии *map*, в которое погружен человек, делает так, как принято, думает так, как принято.

В аналитике присутствия Хайдеггер констатирует, что человек всегда уже захвачен миром повседневности (можно даже сказать «модусом повседневности»). Он (человек) всегда рядом с другими (с людьми), захвачен общим делом, направленным на сохранение и устойчивость повседневности. Способ бытия повседневности – публичность, которая, по словам М. Хайдеггера, «замутняет все и выдает так скрытое за известное и каждому доступное» [11, с. 127]. Похожую характеристику мы встречаем, когда читаем исследования Франка в области непосредственного самобытия. Человек живет как бы в двух мирах, – поясняет русский философ. С одной стороны, в «публичном», видимом всеми и для всех открытом мире, который являет собой лишь малую, несущественную часть реальности. Другой же мир характеризуется «интимной» областью бытия человека, который сокрыт, сконцентрирован во «внутренней» жизни со всеми ее желаниями, стремлениями, потерями и радостями. Именно здесь сосредоточена истинная ценность и индивидуальность человеческой личности, именно здесь происходят самые важные и существенные события, тогда как

в «публичной» жизни все имеет утилитарно-прикладной характер.

При этом, как полагает Семен Франк, многие даже не догадываются о том, что познание непосредственного самобытия впервые начинается там, где мы уже вышли за рамки предметного мира. Только при таком подходе возможно переживание «внутреннего» бытия как совершенно иного пласта реальности, чем тот, что мы вынуждены наблюдать каждый день. Аналогичные мысли мы встречаем у Хайдеггера, для которого мир повседневности – мир неподлинный, из него человек должен выбраться, должен услышать зов бытия, став тем, что он есть на самом деле. В «Бытии и времени» он пишет: «Прояснение бытия-в-мире показало, что не «бывает» ближайшим образом и никогда не дано голого субъекта без мира. И так же в итоге не дано сначала изолированное Я без других» [11, с. 116].

Рассматривая специфику непосредственного самобытия, Франк улавливает ту же нить. «Я» осуществляет себя только тогда, когда выходит за свои пределы, то есть происходит акт трансцендирования. Тогда становится ясным, что самобытие (или то, что мы зовем «я»), преодолевая свои границы, стремится к «ты»; ибо только это позволяет ему быть тем, что оно есть. Оно, конечно же, не может оставаться в пределах самого себя, поскольку тогда не будет возможности осуществить себя во всей полноте. Само существо непосредственного самобытия нуждается в дополнении, прикосновении к чему-то иному, и в этом смысле достигает самого себя. «Я» находится в постоянном процессе становления, незавершения и стремления, то есть в «активной» потенциальности. Именно здесь происходит встреча «я» и «ты».

В восприятии «другого», по мысли Франка, возможны две формы отношения «я-ты». Первая представлена тем, что «ты» переживается мною как нечто «жуткое», «чуждое» и «угрожающее». «Я» воспринимаю «ты» как то, что вторгается в мои «личные владения», посягает на мою свободу и жизнь. Возникает чувство опасности и необходимости защиты. В этих условиях «ты» никогда не воспринимается как нечто самостоятельное и уникальное, а есть лишь предметное бытие, объект, который нужно освоить и включить в свой мир. При таком потребительском отношении невозможно полноценное раскрытие «я» и усмотрение в «ты» самостоятельного существа.

В противоположность первому моменту «ты» можно рассматривать как что-то родное, близкое, сходное с существом «я».

Возникает чувство симпатии, сопринадлежности реальности «ты». Здесь «я» смотрит на «ты» как на самостоятельное существо, уважает его права, бережно охраняет его. Если назвать первое отношение положительным, а второе – отрицательным, то любому конкретному отношению «я-ты» принадлежит как то, так и другое. Так как даже в самой враждебной установке «я» уже заинтересовано в «ты», всегда стремится в направлении к нему.

Несмотря на всю близость и онтологическую направленность философских установок Франка и Хайдеггера, все же наблюдаются существенные отличительные особенности и критика со стороны Франка. Исследование «самобытия», предпринятое в «Непостижимом», обнаруживает непримиримость философских позиций обоих мыслителей. Из трех образов явленности Непостижимого – «предметное бытие», «наше непосредственное самобытие» и «первооснова» (Божество), лишь первые два могут быть соотнесены с аналитикой здесь-бытия в «Бытии и времени» – анализом «бытия-в-мире» и модусов экзистенции. Как раз здесь и возникают различия.

В аналитике присутствия Хайдеггер выделяет два основных модуса человеческой экзистенции – забота и страх. Человек всегда чем-нибудь или кем-нибудь озабочен. По поводу этого он пишет: «Забота как исходная структурная целостность лежит экзистенциально-априорно «до» всякого присутствия, т.е. всегда уже во всяком фактичном «поведении» и «положении» такового» [11, с. 193]. Но если против модуса заботы у Франка нет возражений, то с выделением модуса страха он совершенно не согласен. На это он сетует в одном из писем к Л. Бинсвангеру: «Я спрашиваю постоянно: почему страх, а не доверие? Почему страх должен быть «онтологически» обоснованным состоянием, а доверие – уже проклятой «теологией»? Как будто на войне или в опасности паника является нормальным состоянием! Ведь для человека значительно естественнее стоять на твердой почве, а не висеть над пропастью или трепетать от страха» [10, с. 338–339]. Именно забота, по мысли Франка, является выходом из этой ситуации, преодолением ее положительным образом: забота о себе как преодоление нужды, забота о другом как проявление любви. Хайдеггеру не знакомы истинные истоки трагического и злого, как полагает Франк, и поэтому он сосредоточивает свое внимание на страхе и его модификациях, а истинная основа должна быть больше, чем мое непосредственное самобытие.

Указывая важность феномена любви в жизни человека, Франк, тем самым, еще больше расходится с Хайдеггером. Непостижимость непосредственного самобытия открывается в своей последней глубине в явлении любви, в котором сполна осуществляется отношение «я-ты». В этом Франк показывает себя как подлинно русский и христианский философ, ибо тема любви очень широко представлена в русской философии (Вл. Соловьев, И.А. Ильин, Н.О. Лосский и другие), и является самой сутью христианского учения, в котором главное имя Бога – Любовь. Любовь – не просто психический акт или эмоциональное переживание, она «есть актуализованное, завершенное трансцендирование к «ты» как подлинной, я-подобной, по себе и для себя сущей реальности» [8, с. 374]. «Ты» становится для «я» «онтологической опорной точкой», если бы его не было, то существование «меня» было бы под вопросом.

В любви человек подлинно раскрывается и реализует себя, он начинает видеть глубину любимого существа. Франк говорит не о романтической влюбленности, а об истинном и искреннем чувстве, без которого человек был бы обречен на гибель. Благодаря любви трансцендирование к «ты» наполняется «душой» и «светом», который озаряет собой все вокруг. «Впрочем, все слова, в которых мы пытаемся через понятия описать и определить чудо любви, остаются неадекватными ее таинственной сверхрациональной природе» [8, с. 375]. Любовь есть всегда больше, чем о ней говорят, всегда интимнее и таинственнее, чем может показаться. Любовь – это всегда единение, взаимопроникновение, она «убивает» ненависть, эгоизм, злобу. По Франку, любовь есть творческая сила, расцвет души, радостное приятие другого. Она всегда невыразима, многозначна и индивидуальна по своему существу. «Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» [1 Кор. 13:8].

В этом как раз коренится еще один существенный момент критики фундаментальной онтологии Франком, а именно, отсутствие религиозной установки в его философии. Франк характеризует всю немецкую философию после Гегеля, Шеллинга и Баадера как страдающую «антирелигиозным комплексом». В этот список он добавляет Шопенгауэра, Фейербаха, Штирнера, Ницше, Э. Гартмана, Н. Гартмана и Хайдеггера. В философии Хайдеггера Франк наблюдает пессимизм и невозможность выбраться

из одиночества. Ограниченность позиции немецкого мыслителя заключается, с точки зрения Франка, в «конечности и замкнутости человеческой жизни».

Для философии Франка существенным и необходимым является поиск фундаментального первоначала, которое бы обосновывало все. Философия, опирающаяся на личный религиозный опыт, опыт веры, приводит, по убеждению Франка, к позитивному утверждению Абсолютного. Поэтому для непосредственного самобытия, помимо трансцендирования «во-вне», к «ты» и в бытие «мы», огромное значение имеет трансцендирование «во-внутри», где достигается сфера «духа» или «духовного бытия», в котором самобытие пускает корни. Но специфика трансцендирования «во-вне» состоит в том, что это и значит «во-внутри», недопустимо полагать, будто и то, и другое имеют пространственную определенность. Скорее можно сказать, что трансцендирование «во-вне» базируется на трансцендировании «во-внутри», но все же сначала открывается реальность «ты», а уж затем «духовное бытие».

Несомненно, отношение «я-ты» – один из ключевых моментов реализации непосредственного самобытия, но более глубоким считается обнаружение реальности «духа». Поэтому трансцендирование «во-внутри» есть открытие в себе сферы духовного, которая, будучи реализованной, становится основополагающей в человеческой личности. «Это и есть то, что мы переживаем как «дух» или «духовную реальность» и без чего по существу не может обойтись наше субъективное непосредственное самобытие» [8, с. 392]. Даже если человек не имеет ни малейшего представления о «духовном бытии», даже если его мышление определено естественно научной установкой, «дух» все равно принадлежит к самому существу непосредственного самобытия, он «живет» внутри нашего существа.

Присутствие Бога в жизни человека, важнейший постулат философской позиции Франка, не разделяется Хайдеггером ни в раннем его творчестве, ни в позднем. По Франку же, Бог является той первоосновой, благодаря которой все существует и коренится в нем. Человеческая личность непосредственно связана с ним. Так рождаются отношения между Богом и человеком. Имеется в виду не отвлеченный момент Его отношения к человеку, а целостный, живой, ни с чем не сравнимый акт общения «меня» и «Бога». Здесь проявляется, по мнению Ф. Буббайера (единственный европейский

полноценный исследователь жизни и творчества Франка), «попытка философской защиты идеи личного Бога» [1, с. 194]. Мы не можем рассматривать Бога как личность в привычном значении слова. Поскольку Он есть первоначало, определяющее саму возможность каждой отдельной личности, то Его можно охарактеризовать как начало сверхличное. Таким образом, Он не допускает в своем существе ни разграничения (как это можно наблюдать в человеческой личности), ни ограничений, ни какой-либо определенности, ибо Он есть вся полнота конкретности, есть жизнь.

Франк говорит о том, что даже если «я» покинуло, оставило Бога, все равно сохраняются нерушимые связи Бога со «мной». Он всегда есть. Он присутствует во «мне», Он есть «мой Бог». Франк отмечает следующее: «Человек есть существо, укорененное в сверхчеловеческой почве, – таково единственное значимое определение существа человека; он есть такое существо, все равно, хочет ли он этого или нет» [8, с. 508]. В этом контексте становится более ясным момент присутствия духовного в человеке, ибо он причастен духу и в этом смысле то же есть дух. Это есть путь от «меня» к Богу.

В позднем творчестве Франк вновь обращается к идеям Хайдеггера, анализируя проблему трансцендирования в книге «Реальность и человек». И вновь, при общей положительной настроенности к Хайдеггеру, Франк отмечает неизменность позиции немецкого мыслителя и ее некоторую «наивность». Для Франка было важно, чтобы слово Мартина Хайдеггера было услышано, чтобы его «дело» было продолжено, и очень бы хотелось, чтобы философия Хайдеггера отыскала религиозный путь.

Ненапрасными оказались ожидания С.Л. Франка. В 1950 году (незадолго до смерти Франка) выходит сборник статей М. Хайдеггера «Лесные тропы», который глубоко взбудоражил и обнадежил духовные искания русского мыслителя. И он незамедлительно откликнулся на него в письме к Бинсвангеру: «Я пишу Вам главным образом под сильнейшим впечатлением от новой книги Хайдеггера «Holzwege». Полагаю, она является настоящим событием в истории европейского духа, для меня же особенно значительным. Вы знаете, что меня прежде отталкивало от Хайдеггера: представление о замкнутости души, «экзистенции» как бы в безвоздушном пространстве – прямо в противоположность моей метафизической картине жизни. Теперь весь смысл новой книги в том, что Хайдеггер

вырвался из этой темницы и нашел путь на волю, к истинному бытию. Это направление осталось недоступным для всей немецкой философии последних ста лет. Поэтому его книга – событие» [10, с. 343].

1. Буббайер, Ф. С.Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. М.: РОССПЭН, 2001. 326 с.
2. Гайдено, П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 472 с.
3. Маслин, М.А. История русской философии. М.: Республика, 2001. 639 с.
4. Мотрошилова, Н.В. Мыслители России и философия Запада: В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов [Текст] / Н.В. Мотрошилова. М.: Республика, 2007. 477 с.
5. Нижников, С.А. Онтология веры и преобразование метафизики в русской философии первой половины XX века [Текст] / С.А. Нижников // Вестник РУДН. Серия «Философия», 2008. № 4. С. 58–66.
6. Плотников, Н.С. С.Л. Франк о М. Хайдеггере // Вопросы философии. М.: «Наука», 1995. № 9. С. 169–180.
7. Франк, С.Л. Непостижимое / Сочинения. М.: «Правда», 1990. 605 с.
8. Франк, С.Л. Русское мировоззрение // Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 511 с.
9. Франк, С.Л. Непрочитанное... / Статьи, письма, воспоминания. М.: Московская школа политических исследований, 2001. 590 с.
10. Хайдеггер, М. Бытие и время [Текст] / М. Хайдеггер. СПб.: «Наука», 2006. 451 с.
11. Хайдеггер, М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 448 с.

1. Bubbajer, F. S.L. Frank. Zhizn i tvorchestvo russkogo filosofa. M.: ROSSPEN, 2001. 326 s. (Russian).
2. Gajdenko, P.P. Vladimir Solov'ov i filosofiya Serebrjanogo veka. M.: Progress-Tradiciya, 2001. 472 s. (Russian).
3. Maslin, M.A. Istoriya russkoj filosofii. M.: Respublika, 2001. 639 s. (Russian).
4. Motroshilova, N.V. Mysliteli Rossii i filosofiya Zapada: V. Solov'ov, N. Berdjaev, S. Frank, L. Shestov [Tekst] / N.V. Motroshilova. M.: Respublika, 2007. 477 s. (Russian).
5. Nizhnikov, S.A. Ontologiya ver# i preobrazovanie metafiziki v russkoj filosofii pervoj polovin# XX veka [Tekst] / S.A. Nizhnikov // Vestnik RUDN. Seriya «Filosofiya», 2008. № 4. S. 58–66. (Russian).
6. Plotnikov, N.S. S.L. Frank o M. Hajdeggere // Vopros# filosofii. M.: «Nauka», 1995. № 9. S. 169–180. (Russian).
7. Frank, S.L. Nepostizhimo# / Sochineniya. M.: «Pravda», 1990. 605 s. (Russian).
8. Frank, S.L. Russkoe mirovozzrenie // Duhovn#e osnov# obshhestva. M.: Respublika, 1992. 511 s. (Russian).
9. Frank, S.L. Neprochitannoe... / Stat i, pis ma, vospominaniya. M.: Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij, 2001. 590 s. (Russian).
10. Hajdegger, M. B#tie i vremja [Tekst] / M. Hajdegger. SPb.: «Nauka», 2006, 451 s. (Russian).
11. Hajdegger, M. Vremja i b#tie. M.: Respublika, 1993. 448 s. (Russian).

UDC 1 (09)

«THE ONTOLOGICAL PERSPECTIVE» OF S.L. FRANK'S AND M. HEIDEGGER'S PHILOSOPHICAL CONCEPTS

Kiseleva Elena Sergeevna,

Peoples' Friendship University of Russia, graduate student at the Chair of History of Philosophy at the Department of Humanities and Social Studies, Moscow, Russia.

E-mail: eleskis@mail.ru

Annotation

The article presents a comparative analysis of the philosophical positions of S.L. Frank and M. Heidegger. Here their common ontological focus in the European discourse of XX century is examined.

Key concepts:

ontology, human being, concern, the philosophy of S.L. Frank, the philosophy of M. Heidegger.

УДК 111.6

ПРОЛЕГОМЭНЫ К ФЕНОМЕНОЛОГИИ ПУТЕШЕСТВИЯ

Савченков Александр Витальевич,

Челябинский государственный педагогический университет, старший преподаватель кафедры экономики управления и права, г. Челябинск, Россия.
E-mail:academy-fp@yandex.ru

Аннотация

Путешествие рассматривается как способ бытия человека.

Это скитание по миру, пребывание на экзистенциальной границе, где происходят самые важные события жизни путешественника. В статье раскрываются основные аспекты феноменологии путешествия.

Ключевые понятия: феноменология, экзистенция, означаемое и означающее, смысл и значение.

Прежде чем приступить к исследованию темы, нужно наметить и прояснить суть соотношения понятий в следующей логической последовательности: «чувства – воображение – память – мышление». Будем исходить из определений, данных М. Хайдеггером («Что зовется мышлением») и Г. Фреге («О смысле и значении»).

Фреге артикулирует три вида различий, которые могут существовать между словами, выражениями и целыми предложениями. «Различие относится либо только к представлениям, либо только к смыслам, либо только к значениям» [6, с. 217]. На примере астрономических знаний древних греков Фреге разбирает выражения «утренняя звезда» и «вечерняя звезда» и показывает, как различаются в данном случае смысл и значение. Вместе с тем он подчеркивает, что «от значения и смысла некоторого знака следует отличать связанное с ним представление. Если значением знака является чувственно воспринимаемый предмет, то мое представление этого предмета есть внутренний образ, возникший из воспоминаний о чувственных впечатлениях» [6, с. 135]. С точки зрения Фреге, знак или означающее, репрезентируя означаемое, в качестве своей смысловой компоненты вместо понятия может иметь также и представление. Фреге намечает путь к анализу механизма развертывания или обогащения трансцендентального означаемого. И заключается он в том, что поток времени преобразует представления о со-бытии и трансформирует его в культурный код, который, в свою очередь, наделяет значение новым смыслом.

Хайдеггер размышляет иначе. Вначале он говорит о том, что память есть собранность мышления в том, что нас хранит, поскольку это оно нами помыслено. Результатом мышления становится суждение. В этом смысле, «судить – значит правильно представлять» [7, с. 52]. Таким образом, представление задает тон направлению мышления. Далее Хайдеггер перепрыгивает очередную логическую ступеньку и задается вопросом: «Соответствуют ли вообще представления в нас действительности вне нас?» [7, с. 53], естественным образом приближаясь к логике Фреге.

Мы считаем целесообразным дополнить исходную логическую последовательность концептом «путешествие». Путешествие здесь следует рассматривать как познавательный метод, который задается хайдеггеровским выражением: «Призывающее мыслить в наше сомнительное время – это то, что мы еще не мыслим» [7, с.

37]. Со-мнительное – это то, что дается для размышления. Упущение человека заключается в том, что мы недостаточно обращены к тому, что должно быть помыслено, и потому сущность со-мнительного не может быть осмыслена. Еще одна причина «недоосмысления» заключается в том, что «данное для осмысления само отвращается от человека», оно «оттягивается в удаление», скрывая свою трансцендентальную сущность. «То, что от нас оттягивается, тянет же и нас за собой, независимо от того, замечаем ли мы это вообще или не замечаем». Находясь в стоянии «в тяге к...» мы погружаемся в со-стояние постоянного указывания на самооттягивающееся. Дру-

природу. Трансцендентальное означаемое существует за пределами любого опыта, подразумевает то, как вещь существует для себя самой, содержит референт, являющийся гарантом семантических конструкций набора означающих. Трансцендентальное означающее – это то означающее, которое выхватывает феномен из трансцендентального бытия и вскрывает его внутреннюю структуру и логику. Ярким примером в данном случае может стать цитата из Дионисия Ареопагита о «Пресветлом Мраке» [1, с. 107]. Означающее «Пресветлый Мрак» указывает на Бога и является трансцендентальным, который, в свою очередь, само-достаточен, т.е. имеет

ПРИРОДА ПУТЕШЕСТВИЯ							
Типы дискурсов							
I		II		III		IV	
Чувства		Представление		Память		Мышление	Г. Гегель
Фланер	<=>	Турист	<=>	Паломник	<=>	Бродяга	З. Бауман
Аналитический		Истерический		Господский		Университетский	Ж. Лакан

гими словами, самооттягивающееся – это то, что мы стремимся схватить в мышлении как призывающее нас помыслить и на что мы указываем этим схватыванием. В таком положении человек становится знаком. И если исключить из процесса мышления рефлексивность о мышлении, то можно приблизиться к основной цели путешествия – поиску трансцендентального означаемого, которое, в свою очередь, может наделять знак значением и сообщить ему природу трансцендентального означаемого.

В философии стоиков любой концептуальный персонаж/путешественник разыгрывает себя в роли мудрого, двигаясь чередой привязанностей, ойкумен и воспоминаний только для того, чтобы по-детски забывать и помнить – «стирать и записывать».

Поскольку вся цель путешествия сводится нами к охоте за трансцендентальным означаемым, то следует прояснить природу последнего. Согласно феноменологии Гуссерля [3] феномен обладает двумя атрибутами – это означаемое и означающее, которые имеют трансцендентальную

природу трансцендентального означаемого. Иными словами, трансцендентальное означающее – это означаемое, освобожденное от эффектов означаемого.

В контексте нашей темы особый интерес приобретают четыре полюса путешествия как объекта логической последовательности: «чувства – представление – память – мышление». Это благодаря им, несущим в себе тотальность и неизбежность смысловой деформации восприятия, трансцендентальное означающее всегда ускользает.

Исходя из классификации, заданной З. Бауманом в статье «От паломника к туристу», можно провести ассоциацию полюсов путешествия с социальными группами: чувства – «фланер»; представление (воображение) – «турист»; память – «паломник»; мышление – «бродяга» [2]. Будет еще интереснее, если мы соотнесем это разбиение с лакановским разбиением дискурса [4] и запишем результат образования дискурсивностей следующим образом.

Приведенная в таблице классификация требует пояснений.

I тип: фланер – это праздношатающийся, находящийся под влиянием чувств и эмоций, человек, который не придает никакой серьезности миру и его вещам. К деятельности его побуждает прибавочное наслаждение.

II тип: турист всегда живет представлением о том, чего еще не видел и не знает. Его мир – мир воображаемой реальности, построенной на конструкциях, заданных путеводителем, флайерами с картинками-симулякрами достопримечательностей. Турист – потребитель логики готовых ответов.

III тип: паломник живет законом и памятью о законе. Его манит господское означающее, его конечная цель – Бог в любом его проявлении. Путешествие паломника полностью Эдипово. Оказывается, люди едут в горячие точки, в места катастроф, энергетические зоны и т.д. в поисках Отца. Иначе говоря, в поисках той фигуры, к которой можно припасть со всей своей онтологической неуверенностью, комплексами, неврозами.

IV тип: бродяга идет вслед за мышлением; его жизнь – накопление знаний о мире, о том, как в этом мире выжить. Выжить во всех мыслимых интерпретациях. Знание – сила, а со-знанием Я – Господин.

Исходя из данной классификации, для нас важно построить логику исследования гносеологического путешествия не во времени, а в пространстве. Отделяя время от пространства и от явления, мы тем самым позволяем себе представить это самое время в качестве континуально разворачивающейся чистой формы чувственного созерцания, в которой начало совпадает с концом, превращаясь в «кольца Сатурна». Несмотря на подстерегающую нас опасность впасть в осуждение «историкоманов» и создателей всевозможных форм и структур, мы проводим процедуру запараллеливания времён, существующих последовательно; рассматриваем их в качестве пространств, существующих одновременно. Результатом такой перверсии (прокола) должно стать чистое созерцание нескольких времен одновременно, которое, согласно кантовской логике, лежит в основе всякого понятия.

Представленная таким образом феноменология путешествия превращается в философию становления человечности (духовности, талантов). В путешествии человек обретает себя, проходя сквозь «проколы» пространств, замыкая их на себя. Принимая на себя функции собирателя

пространств в точке «прокола», путешествующий человек становится сингулярностью. Он уже есть складка, как минимум, двух пределов разных смысловых миров, соединение которых есть новое социальное изобретение.

Например, если попытаться взглянуть на мир глазами ребенка, то обнаружится, что весь мир объектов – это бессмысленные означаемые, для которых нет означающих в связи с отсутствием их в вождениях ребенка. Поскольку все объекты мира пусты до тех пор, пока не касаются жизненного пространства ребенка, они не требуют речи, не артикулируются. Следовательно, они подчиняются логике трансцендентального означающего, задающего векторы смысла.

Наш феноменологический экскурс совершен в «область» между чувствами и памятью. Здесь происходит реновация, обновление старого опыта в новых условиях в путешествии как перемещении своего тела не только в физическом, но и в духовном (ментальном) пространстве культуры.

Предлагаемая феноменологическая методология нацелена на то, чтобы «просто принять то, что есть». Путешествие имеет своей целью разоблачение. Как и любая эффективная техника разоблачения (в смысле моментального снятия покровов), наиболее подходящей в этом случае является психодрама, как она интерпретирована Я. Морено [5], позволяющая использовать ряд методов интенсивного проживания собственных переживаний путешественника. И в результате то, что там раньше оттягивалось и ускользало от мышления как со-мнительное, поднимается на поверхность, обнажая свою трансцендентальность.

Жизнь и смерть, исповедь и проповедь, власть и бессилие, индивидуальное переживание и «умозаключение каталога» по своему представлены в любом путешествии. Каждая экспозиция здесь является частью целого – образа, созданного мышлением, воображением и усилиями кого-то иного. Если это забыть, то мир путешественника оказывается совокупностью частей, пакетом подробностей, контекстом деталей, призванных отобразить его историческое время. И тогда трансцендентальное означающее предстает под маской классификатора и «паноптикона». Так что охота за ним – как предмет философии путешествий – может продолжаться до последних дней путешествующего. И эта охота тем интересней, чем более мы болеем модными ныне болез-

ниями – национально-этнической исключительностью, имперским комплексом, борьбой с «фальсификациями» истории и прочими социальными проблемами. Суть всех этих проблем – в ксенофобии и отсутствии здравого смысла. Следствием становится нетерпимость к чужой точке зрения и, самое главное, неуважение к местной (локальной) культуре как к своей, так и к чужой.

1. Ареопagit Дионисий. Очерк мистического богословия [Текст] / Ареопagit Дионисий // Пленэр. Журнал. Челябинск: Изд-во ОАНО «Академия философии и права», 2012. Вып.1 (1). С. 107–110.

2. Бауман, З. От паломника к туристу [Текст] / З. Бауман // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133–154.

3. Гуссерль, Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология [Текст] / Э. Гуссерль. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. 725 с.

4. Лакан, Ж. Еще (Семинар, Книга XX (1972/73)) [Текст] / Ж. Лакан / пер. с фр. А.Черноглазова. М.: Издательство «Логос», 2011. 176 с.

5. Морено, Я. Психодрама [Текст] / Я. Морено / пер. с англ. Г. Пимочкиной, Е. Рачковой. М.: Апрель Пресс; Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 528 с.

6. Фреге, Г. О смысле и значении [Текст] / Г. Фреге // Логика и логическая семантика: Сборник трудов. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 230–246.

7. Хайдеггер, М. Что зовется мышлением? [Текст] / М. Хайдеггер / пер. с нем. Э. Сагетдинова. 2-е изд. М.: Академический проект, 2010. 351 с.

1. Areopagit Dionisij. Oчерk misticheskogo bogoslovija [Tekst] / Areopagit Dionisij // Plenjer. Zhurnal. Cheljabinsk: Izd-vo OАNO «Аkademija filosofii i prava», 2012. Vyp.1 (1). S. 107–110.

2. Bauman, Z. Ot palomnika k turistu [Tekst] / Z. Bauman // Sociologicheskij zhurnal. 1995. № 4. S. 133–154.

3. Gusserl', Je. Logicheskie issledovanija. Kartezianske razmyshlenija. Krizis evropejskih nauk i transcendentalnaja fenomenologija [Tekst] / Je. Gusserl'. Mn.: Harvest; M.: AST, 2000. 725 s.

4. Lakan, Zh. Eshhe (Seminar, Kniga XX (1972/73)) [Tekst] / Zh. Lakan / per. s fr. A.Chernoglazova. M.: Izdatel'stvo «Logos», 2011. 176 s.

5. Moreno, Ja. Psihodramma [Tekst] / Ja. Moreno / per. s angl. G. Pimochkinoj, E. Rachkovej. M.: Aprel' Press; Izd-vo JeKSMO-Press, 2001. 528 s.

6. Frege, G. O smysle i znachenii [Tekst] / G. Frege // Logika i logicheskaja semantika: Sbornik trudov. M.: Aspekt Press, 2000. S. 230–246.

7. Hajdegger, M. Chto zovetsja myshleniem? [Tekst] / M. Hajdegger / per. s nem. Je. Sagetdinova. 2-e izd. M.: Akademicheskij Proekt, 2010. 351 s.

UDC 111.6

PROLEGOMENA TO PHENOMENOLOGY OF TRAVEL

Savchenkov Aleksandr Vitalievich,
Chelyabinsk State Pedagogical University,
senior lecturer at the Chair of Economics,
Administration and Law,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: academy-fp@yandex.ru

Annotation

Travelling is regarded as a means of human being. It is wandering around the world, staying on existential border where all the most important events in life of a traveller happen. The article reveals basic aspects of phenomenology of travel.

Key concepts:

phenomenology, existence, signified and significant, sense and meaning.

УДК 1

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ ВО ВЬЕТНАМЕ

Ле Тхи Туэт,

Российский университет
дружбы народов,
аспирант кафедры
истории философии
факультета гуманитарных
и социальных наук,
г. Москва, Россия.
E-mail: le.tuyet@mail.ru

Аннотация

Автор статьи ставит своей задачей выявить характерные черты, качества и особенности философской мысли Вьетнама. Для обоснования выводов делается экскурс в прошлое, рассматриваются важные этапы истории. Анализируется история критического изучения современной западной философии во Вьетнаме. Исходя из цели превращения марксизма-ленинизма в официальную государственную идеологию, аналогично тому, как это было в других социалистических странах, западная философия определялась как враждебная, ставилась задача ее критики и минимизации влияния. Сложная социальная атмосфера жизни вьетнамского общества обусловила преобладание духа патриотизма в культурной сфере, который сказался и на особенностях философии во Вьетнаме.

Ключевые понятия:

азиатский способ производства, марксизм-ленинизм, мировоззрение, религия, культура, национальный дух, современная западная философия, социализм.

Как показывает изучение истории Вьетнама, это страна с богатой культурой, выдающиеся представители которой давно проявляли способность к обобщенному мышлению, что является условием формирования мировоззрения в целом и философии в частности. Вьетнамские мудрецы и мыслители умели делать выводы из наблюдений над природными явлениями, многообразными событиями из жизни общества и отдельного человека; благодаря анализу прошлого понимать свое настоящее, на основе чего ориентировать себя уже и на ближайшее и отдаленное будущее [4].

Наблюдения над природой, рассмотрение многообразных феноменов, активная социальная жизнь, насыщенная религиозная практика, богатая традиция и развитая сфера искусства привели в итоге к формированию философии, к развитой теории познания. При этом Вьетнам на протяжении всей своей истории «состоял в культурном диалоге со многими странами, обращаясь то к великой китайской культуре, то к буддизму и великой индийской культуре, что не исключало и принятия христианства через вторжение западного колониализма» [2, с. 59]. Таким образом, вьетнамскую философскую мысль следует рассматривать как итог развития национальной культуры, отражающей многие виды общечеловеческой деятельности. На ее формирование влияли и исторически изменяющиеся типы производства, экономических отношений, социальной сферы и классовая борьба, постоянная борьба с природой, рецепция идей зарубежной философии, рефлексия в процессе творческого обмена с западной и восточной культурами [1].

Мы исходим из того положения, что философия в целом определяется «инфраструктурой общества», социальным существованием. При этом в современном Вьетнаме существуют разные мнения относительно происхождения общества. Так, некоторые вьетнамские историки полагают, «что период государства Ван Ланг, управлявшегося королями Хунг (700–285 г. до н.э.) и Ан Зыонг Выонг (267–208 до н.э.), является периодом перехода от первобытного к классовому типу обществу. На основе этого способа производства отношения постепенно привели к созданию в XV веке феодализма» [8, с. 17]. Здесь следует отметить, что Вьетнам не имел такого социального явления, как рабство. Причина этой особенности видится в том, что в

конце эпохи цивилизации Красной Реки, на основе процветающей культуры Донг Цон, возникло государство Ван Ланг, хотя по структуре и относящееся к типу примитивных общностей, но из-за внешней агрессии достаточно рано объединившееся в единое целое. Так внешняя угроза содействовала ранней консолидации общества в единое национальное целое. Победа Бак Данг (938 г.) над китайскими феодалами (на Севере) не означала мира, было еще множество войн, вызванных вторжениями извне. Вследствие этого «производство, наука и технология Вьетнама находились на невысоком уровне из-за медленного развития» [8, с. 18].

Также следует отметить, что помимо постоянной внешней агрессии, сдерживающей общественный прогресс, Вьетнам является сельскохозяйственным обществом – «системой деревень» [8, с. 18]. Это преобладание деревенской жизни, где господствовал патриархальный способ организации семьи, изолированность и самодостаточность, приверженность традиционным правилам, которые часто ограничивают человеческий разум, – все это не способствовало прогрессу, создавая условия для сохранения массы предрассудков в жизни как отдельной личности, так и общества в целом [12]. Как отмечают специалисты, «если на Западе существует расслоение общества по экономическому фактору, по производственным отношениям и производительным силам, то на Востоке подобная дифференциация в первую очередь была обусловлена типами правления» [8, с. 21]. И данный тип дифференциации общества также способствовал усложнению общественной жизни: общество развивалось, социальная структура дифференцировалась, формировались классы и новые типы сознания. Эти процессы находили свое отражение и в мышлении [14].

Формирование государства во Вьетнаме по существу было таким же, как и образование государств на Востоке: «Вьетнам формируется в первую очередь не за счет преобразования производительных сил, инфраструктуры, а в значительной степени путем борьбы против иноземных захватчиков, посредством борьбы за освобождение страны. В итоге победы над колонизаторами и возникает единое государство Вьетнам» [8, с. 22]. Таким образом, в основании государственности Вьетнама – народно-освободительная борьба. Как формирование государства Ван Суан

(создатели Ли Би и Нго Куэн) и династии Ле, как и создание Демократической Республики Вьетнам после поражения французов, как и возникновение Социалистической Республики Вьетнам после поражения империализма в целом и США в частности, дают достаточно оснований для доказательства правоты выше приведенного положения – именно национально-освободительная борьба формировала вьетнамское государство, укрепляла национальный дух, определяла и формы философствования.

Президент страны и социальный мыслитель Хо Ши Мин (1890–1969) утверждал, что экономические структуры Востока отличаются от западных обществ и Средневековья, и Нового времени, поскольку классовая борьба на Востоке не является значительным фактором. Классовая борьба скорее явление западного типа культуры. Таким образом, структура общества во Вьетнаме принципиально отлична от западной, что обуславливает и внутреннюю, и внешнюю политику, сам тип общественного бытия и способ его осознания [6]. Присущий нашему региону «азиатский способ производства приводил лишь к компромиссу, а не революции. И с этим правом использования, а не правом собственности, многие страны Востока перешли скорее и легче к социализму, чем к капитализму» [8, с. 24].

Черты вьетнамской традиционной философской мысли определяются выше обозначенными общественными, социально-экономическими факторами и культурными особенностями. Их можно представить следующим образом.

Во-первых, вьетнамская философская мысль тесно связана с идеей патриотизма, духом совместного строительства справедливого общества и его защитой от посягательств врагов.

Во-вторых, вьетнамская философская мысль доводит до уровня систематического мировоззрения обыденные представления о человеческой жизни, не утрачивая при этом доступности восприятия картины мира. Центральным вопросом для вьетнамского мыслителя являются общечеловеческие проблемы, общечеловеческая мораль.

В-третьих, философские идеи оказываются «текучими», «подвижными», они с трудом поддаются жесткой систематизации, поскольку мыслители отражают в своих представлениях человеческую жизнь, мировоззрение народа, имеющего долгую

историю: от примитивного наивного понятия до представления о жизни на уровне теоретического конструирования.

В-четвертых, дихотомия материального и духовного, тела и сознания не имеет той остроты, что на Западе, и так называемая «борьба между материализмом и идеализмом» происходит не во всех сферах, не по всем вопросам, и бывают периоды, когда религиозная, идеалистическая тенденция преобладает над атеистической, материалистической [7].

В-пятых, вьетнамская традиционная философская мысль, опираясь во многом на идеализм, обращаясь внутрь самой себя, достигая глубин самопознания, не склонна к высокой степени абстрагирования и формализации.

В-шестых, вьетнамская философская мысль опирается на единство, а не на борьбу, на синтез, а не дихотомию, склонна к обретению общего, чем к поискам различия. И мы замечаем, что развитие философской мысли во Вьетнаме осуществляется скорее по кругу, а не по «спирали».

После победы над агрессией французских колонизаторов в 1954 году Север Вьетнама под руководством Коммунистической партии был полностью освобожден и вступил в этап строительства социализма. Помимо активного развития производства, экономики страны, продолжения строительства мощных сил национальной обороны для надежной защиты Севера, строившего социализм и оказывавшего помощь Югу, Коммунистическая партия и государство также уделяли внимание созданию теоретических основ, которые бы служили политическим задачам страны. С идеологической точки зрения, осознавая, что без марксистско-ленинской теории невозможно построить социализм, «Коммунистическая партия Вьетнама выдвинула задачу превращения марксизма-ленинизма в официальную государственную идеологию Вьетнама. Основной задачей созданной отрасли философии стало изучение и распространение марксизма-ленинизма во Вьетнаме; разъяснение позиции и политики партии и государства; становление мировоззрения и разработка теоретических положений для кадровых работников и народа на основе марксизма-ленинизма» [1, с. 575]. Отделы пропаганды и просвещения разных уровней, – Партийная школа имени Нгуен Ай Куока (1949), Институт философии при Национальном Цент-

ре общественных и гуманитарных наук Вьетнама (1959), Институт марксизма-ленинизма (1982) – являлись базой научных исследований, преподавания, популяризации марксизма-ленинизма и его изучения. Впоследствии выполнение этой задачи активизировалось с появлением на свет факультетов философии, кафедр марксизма-ленинизма в высших учебных заведениях, колледжах и средних специальных школах по всей стране.

После подписания Женевских соглашений Юг Вьетнама был захвачен американскими империалистами, которые создали здесь марионеточное правительство. «Проамериканские власти Южного Вьетнама вместе с колониционными силами Запада активно атаковали Северный Вьетнам на идейном, культурном и идеологическом фронтах. В этих исторических условиях Коммунистическая партия Вьетнама определила современную западную буржуазную философию как идеологического противника марксизма-ленинизма, поэтому была остро поставлена задача подвергнуть решительной критике западные философские учения и покончить с их пережитками и влиянием во Вьетнаме» [1, с. 576]. В 1960 году в Институте философии при Национальном Центре общественных и гуманитарных наук Вьетнама был создан отдел критики западной буржуазной философии, целью которого было непосредственное выполнение этой задачи. В момент создания отдел включал в себя троих специалистов: Нгуен Данг Лана, Ле Кхак Тханя и Буй Нгока. На следующем этапе, когда современные западные буржуазные философские теории лавиной хлынули в Южный Вьетнам, оказывая негативное влияние на многие группы населения, особенно в больших городах, задача критики этих философских учений стала еще более актуальной. Целый ряд статей, написанных сотрудниками отдела критики западной философии Ву Хоанг Диком, Фонг Хиеном, Буй Тхи Ким Куи, использовались в передаче «Обращение к Югу» радиостанции «Голос Вьетнама».

В изучении и критике современных западных философских учений принимали участие многочисленные ученые и исследователи в научно-исследовательских институтах и других учреждениях, которые подходили к этой проблеме под разными углами зрения, рассматривали ее с позиции самых разных аспектов, таких как литература, изобразительное искусство, сце-

ническое искусство, кинематография и т.д. Было издано множество книг, например: «Критика экзистенциальной литературы» До Дык Хиеу, выпущенная издательством «Литература» в 1963 году; двухтомник Хоанг Чиня «Западная литература и люди Запада», опубликованный в издательстве «Общественные науки» в 1969, 1971 годах; «Литература, освободившая Юг 1954–1975» Фам Ван Ши, опубликованная в издательстве «Высшее и среднее специальное образование» в 1976 году; «Культура и искусство на службе у американского неокolonизма в Южном Вьетнаме 1954–1975», написанная Чан Чонг Данг Даном и выпущенная издательством «Тхонг тин Лонган» («Информация Лонган») в 1990 году. Все это книги, которые в той или иной степени затрагивают тему современных западных философских учений во Вьетнаме, в основном, на Юге страны. Эти произведения действительно обогатили исследование, восприятие и критику современной западной философии во Вьетнаме.

После окончания освободительной войны народа против американских агрессоров (1975), когда Юг Вьетнама был освобожден и страна объединилась, задача изучения западной философии с тем, чтобы «критиковать и критиковать», стала реализовываться еще активней. Поскольку когда стихают залпы орудий на военном фронте, то борьба на фронте идеологическом, фронте культурном и мировоззренческом обостряется. Многие прозападные силы внутри и вне страны предприняли мощную атаку на этом фронте сразу же после объединения Вьетнама. Книга «Философия и мировоззренческая борьба», ответственным редактором которой стал Фам Ныи Кыонг и которая вышла в издательстве «Общественные науки» в 1979 году, и книга «Западная философия сегодня» под редакцией Ву Кхиеу, выпущенная издательством «Теоретическая информация» («Тхонг тин ли луан») в 1980 году, – это исследовательские труды целых коллективов авторов. В этих книгах авторы систематизировали и проанализировали содержание ряда современных западных философских учений и на этой основе подвергли их критике, стремились опровергнуть их положения с позиций марксизма-ленинизма. «Обращение и распространение любой литературы и печатных изданий о современной западной философии было запрещено, поэтому ввоз подобных материалов в страну не осуществлялся. В связи с этим, когда Юг Вьетнама был полностью освобожден и страна

объединилась, на протяжении длительного периода исследователи, преподаватели философии и в целом интеллектуальные круги Вьетнама не имели никакой дополнительной информации о современных западных философских учениях помимо тех теорий, которые были широко распространены в Южном Вьетнаме ранее» [9, с. 580].

Для того чтобы работа по изучению и критике современной западной философии могла развиваться, было совершенно необходимо снабдить сотрудников пропагандистско-просветительных, культурных и идеологических отделов знаниями об этих философских учениях. Поскольку, не зная в полной мере, что представляет собой современная западная философия сегодня, невозможно выполнить задачу по ее критике. Исходя из этой необходимости, Министерство высшего и среднего специального образования Вьетнама опубликовало документ от 19 июля 1982 года, в котором постановило ввести предмет «Критика западной буржуазной философии» в программу подготовки кадров по специальности «Философия марксизма-ленинизма» на уровнях неполного высшего, высшего и послевузовского образования в высших учебных заведениях и научно-исследовательских институтах. В 1984 году издательство «Высшее и среднее специальное образование» издало книгу «Некоторые течения западной философии» Фам Минь Ланга, нацеленную на выполнение задачи преподавания предмета «Критика западной буржуазной философии». Также в 1984 году издательством «Правда» была выпущена книга «Идеологическая борьба – поле боя и оружие борьбы» Буй Данг Зуи, источником вдохновения для исследований которого послужила задача по критике западной философии. Этот труд внес значительный вклад в критику современных западных философских учений во Вьетнаме.

Специалист Ву Хоанг Дик изучал современные западные философские теории в аспекте вопросов эстетики, культуры и искусства. Он опубликовал целую серию исследовательских статей в журнале «Философия», такие как: «Борьба между реализмом и антиреалистическими течениями в буржуазном искусстве» (1970), «Ошибки Р. Гароди в области эстетики» (1970), «Структурализм и искусство и культура» (1971), «Заблуждения современной буржуазной философии в вопросах языкознания» (1975), «От западного экзистенциализма к экзистенциализму как инструменту нового колониализма в

бывшем Сайгоне» (1976), «Критика искажений современной буржуазной философией вопросов демократии» (1978), «Марксизм-ленинизм и идеологическая борьба на современном этапе» (1980), «Некоторые современные формы антикоммунизма» (1982) и др. [10, с. 257–348].

Фонг Хиен – исследователь, который подробно изучал влияние современной западной философии в городах Южного Вьетнама. При этом особое внимание им уделялось рассмотрению идеологического, нравственного аспекта, влияния на образ жизни и культуру жителей Юга Вьетнама. Все написанные им статьи внесли важный вклад в выполнение задачи, поставленной Коммунистической партией Вьетнама как до освобождения Юга, так и после объединения страны и заключавшейся в критике и минимизации влияния современной западной философии во Вьетнаме. Книга «Американский неоколониализм в Южном Вьетнаме – идеологический и культурный аспект 1954–1975», вышедшая в свет в 1984 году, явилась обобщением процесса изучения и критики, проделанного Фонг Хиеном в этот трудный, страшный исторический период. Фонг Хиен и Буй Тхи Ким Куи не только изучали и критиковали философские теории, но также исследовали и подвергали серьезной критике влияние католицизма на Юге Вьетнама, использовавшей теологические аргументы западной философии для противостояния марксизму-ленинизму.

После объединения Вьетнама в 1975 г. и вплоть до 1986 года доминирующим взглядом вьетнамских исследователей философии на современные западные философские учения было восприятие их как учений идеалистических, метафизических, антинаучных и очевидно направленных против марксизма-ленинизма. Однако крайние, односторонние взгляды, видевшие только ограничения и негативные стороны и не замечавшие всего того положительного и прогрессивного, что содержали в себе современные западные философские учения, были пересмотрены в период осуществления политики обновления («дой мой») в 1986 г. В сфере обновления мышления проводилось множество научных семинаров, на которых обсуждалась работа в области теоретических и философских исследований. Было прямо сказано о таких негативных явлениях в сфере изучения и преподавания философии во Вьетнаме, как догматизм, односторонность, экстремизм, волюнтаризм, поверхностность, сектантство, был

извлечен опыт и предприняты шаги для постепенного изменения ситуации.

XX век был столетием больших перемен, одним из важнейших периодов в истории вьетнамского народа, а также временем активного развития философии во Вьетнаме. Страна стала своеобразным культурологическим узлом, в котором переплелись наиболее значимые идейные течения, существующие в мире – как на Востоке, так и на Западе.

История вьетнамской философской мысли, как относительно новая дисциплина, требует дальнейших эмпирических изысканий и обобщений [11]. Имеющиеся достижения в истории философской мысли Вьетнама отчасти и заслуга государственных деятелей, и теоретиков-специалистов в различных областях гуманитарного знания. Преодолев исторические трудности и цивилизационные ограничения, они создавали новую теорию нации, причем в условиях постоянной борьбы за независимость родины [13]. Не удивительно, что вьетнамская философская мысль мало обращала внимание на гносеологию, на методологию мышления, не ставила перед собой задач построения сложных теоретических систем высокого уровня абстракции, и даже можно сказать, что «во Вьетнаме не было крупных философов, не было выдающихся, своеобразных философских школ и направлений» [5, с. 130]. Но это не значит, что их не может быть. На данном этапе развития вьетнамской философской мысли имеются задачи, решение которых должно плодотворно сказаться на нашем философском будущем: изучение и дальнейшее развитие философии марксизма-ленинизма, творческое применение основных положений философской мысли Хо Ши Мина в созидательной деятельности и практике социалистического строительства Вьетнама. Необходимо применить творческий подход к изучению богатого наследия истории всемирной философии исходя из реальной практики строительства социализма во Вьетнаме. Главное, что мы должны иметь в виду всякий раз, когда речь заходит о вьетнамской философии, это ее практический характер, ориентация мыслителей на реалии жизни. Жизнь страны должна осуществляться по принципам справедливости, социального равенства и всеобщего благополучия. И важную роль в созидании этого играют современные вьетнамские философы [15].

1. Ву Нгок Хань. Народные верования Вьетнама. Ханой, 2001.
2. Доан Куанг Тхо. Философия. Ханой, 2007.
3. Коммунистическая партия Вьетнама. Документ VII общегосударственного съезда. Ханой, 1991.
4. Ле Ван Лой. Взаимодействие культуры и религии. Ханой, 1999.
5. Нгуен Зуи Куи. Марксистско-ленинская философия. Учебник. Ханой, 2004.
6. Нгуен Куанг Нгок. Процесс вьетнамской истории. Ханой, 2010.
7. Нгуен Тай Тхы. История вьетнамской мысли. Ханой, 1993.
8. Нгуен Хунг Хау. История вьетнамской философской мысли. В 2-х т. Т. 1. Ханой, 2002.
9. Нгуен Чонг Тюан. Полвека изучения и преподавания философии во Вьетнаме. Ханой, 2001.
10. Нгуен Чонг Тюан. 40 лет Институту философии: некоторые результаты научных исследований. Ханой, 2002.
11. Нгуен Хый Вуй, Нгуен Нгок Лонг. Философия. Ханой, 2005.
12. Тоан Ань. Обычай культа предка во вьетнамских семьях. Ханой, 1996.
13. Традиционная вьетнамская философия и общественная мысль в современной историко-философской науке СРВ. М., 1989.
14. Фан Нгок. Культурная самобытность Вьетнама. Ханой, 2004.
15. Чан Ван Жау. Духовные и традиционные ценности вьетнамцев. Ханой, 1980.

1. Vu Ngok Han'. Narodnye verovanija V'etnama. Hanoj, 2001. (Vietnamese).
2. Doan Kuang Tho. Filosofija. Hanoj, 2007. (Vietnamese).
3. Kommunisticheseskaja partija V'etnama. Dokument VII obshh'esgosudarstvennogo s#ezda. Hanoj, 1991. (Vietnamese).
4. Le Van Loj. Vzaimodejstvie kul'tury i religii. Hanoj, 1999. (Vietnamese).
5. Nguen Zui Kui. Marksistsko-leninskaja filosofija. Uchebnik. Hanoj, 2004. (Vietnamese).
6. Nguen Kuang Ngok. Process v'etnamskoj istorii. Hanoj, 2010. (Vietnamese).
7. Nguen Taj Thy. Istorija v'etnamskoj mysli. Hanoj, 1993. (Vietnamese).
8. Nguen Hung Hau. Istorija v'etnamskoj filosofskoj mysli. V 2-h t. T. 1. Hanoj, 2002. (Vietnamese).
9. Nguen Chong Tjuan. Polveka izuchenija i prepodavanija filosofii vo V'etname. Hanoj, 2001. (Vietnamese).
10. Nguen Chong Tjuan. 40 let Institutu filosofii: nekotorye rezul'taty nauch-nyh issledovanij. Hanoj, 2002. (Vietnamese).
11. Nguen Hyj Vuj, Nguen Ngok Long. Filosofija. Hanoj, 2005. (Vietnamese).
12. Toan An'. Obychai kul'ta predka vo v'etnamskih sem'jah. Hanoj, 1996. (Vietnamese).
13. Tradicionnaja v'etnamskaja filosofija i obshhestvennaja mysl' v sovremennoj istoriko-filosofskoj nauke SRV. M., 1989. (Vietnamese).
14. Fan Ngok. Kul'turnaja samobytnost' V'etnama. Hanoj, 2004. (Vietnamese).
15. Chan Van Zhau. Duhovnye i tradicionnye cennosti v'etnamcev. Hanoj, 1980. (Vietnamese).

UDC 1

THE WAYS OF FORMATION OF VIETNAMESE PHILOSOPHY

Le Thi Tuyet,

Peoples' Friendship University of Russia, graduate student at the Chair of History of Philosophy at the Department of Humanities and Social Studies, Moscow, Russia.
E-mail: le.tuyet@mail.ru

Annotation

The author tries to identify the characteristics and qualities of Vietnamese philosophical thought. To justify the conclusions, the author makes excursion into the past, examines some of the stages of local and regional history. The author analyzes the history of the study and criticism of contemporary Western philosophy in Vietnam. With the purpose of turning Marxism-Leninism doctrine into the orthodox ideology, like in other socialist countries, Vietnam looked at modern Western philosophy as an opponent and set out a mission to criticize and to minimize its influences in the country. The objectivity of the existence of Vietnamese society causes the prevalence of the spirit of patriotism in the cultural sphere that affects the understanding of the philosophy in Vietnam.

Key concepts:

Asian mode of production, contemporary western philosophy, history of ideas, Marxism-Leninism, religion, culture, national spirit, socialism.

УДК 316.7

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ ПЕРМСКОГО КРАЯ К ПРОБЛЕМАМ ОСВОЕНИЯ КОСМОСА (данные опроса студентов и их суждения)

Парамонова Светлана Павловна,
Пермский национальный
политехнический университет,
профессор кафедры
социологии и политологии,
доктор философских наук,
г. Пермь, Россия.
E-mail: gf@pstu.ru, spp45@mail.ru,
guman2@pstu.ru

Аннотация

В статье показан взгляд студентов на космос и космическую гонку. Исследование прояснило студенческие установки на отношение к земной и космической реальности, уровень информированности студентов в сфере науки и техники, глобальных проблем человечества. Саморазвитие и самосохранение общества в его деятельности по освоению космического пространства должны спасти от саморазрушения человечество.

Ключевые понятия:

ресурсы планеты, мотивы исследования космоса, применение результатов космических исследований на Земле, новый космический бизнес, экономическая игра.

Креативность – призвание человека. Дерзновение – свойство молодых социальных систем. Окрыленность системы проявилась в оптимистической концепции развития В.В. рлова (Пермь) [11], поступательность ее развития – в научно-фантастических прогнозах И. Ефремова и братьев А.Н. и Б.Н. Стругацких. Сожаление по поводу свертывания Големом долгосрочных программ освоения космоса нашло отражение в работах М. Калашникова и С. Кугушева [4, с. 193]. В культуральной концепции Дж. Александера культура выступает в качестве фактора, формирующего общество, но не как производная сторона технологий от типа общества, как это было принято в социологии до сих пор [1, с. 3–10; 6, с. 21]. Постановка об определяющей роли культуры была заявлена В.А. Кутыревым как борьба двух миров: естественного и искусственного, борьба природы и культуры. При неуправляемом самим человечеством техническом прогрессе, в т.ч. космическими исследованиями, природное сжимается перед натиском искусственного – технологической культурой. В результате поставлена дилемма: либо существование, либо исчезновение человечества вследствие развития искусственного как неуправляемой стихийной технологической силой общества [7]. Проявились крайние точки подходов – философский оптимизм и противоположный ему рационально-прогностический пессимизм. На свертывание атомных проектов, космических программ государств, использование движения и партии «зеленых» направлена деятельность «Римского клуба», о чем с тревогой пишет Дж. Коулман [5]. Космические программы как самоорганизующиеся системы зарождаются, дифференцируются, разрастаются. Н. Луман отмечает, что смыслы систем находятся лишь в коммуникациях людей. Уловить способ существования системы можно через системную дифференциацию, двойную контингенцию и ирритацию [8, т. II, с. 7–33, с. 220–233]. З. Бауман также с позиций структурного функционализма оценивает изобретательность культур: «неутоляемая» жажда смысла жизни может стать материалом, из которого строятся разнообразные формы «культурного капитала» [2, с. 7].

Нет ничего, что ценилось бы более чем культура, но и сама культура требует огромных вложений, в том числе – в космические исследования. «Социологическое понятие культуры, – отмечает Т.Б. Любимова, – включает в себя все нормы и цен-

ности, все стандарты и формы общения, в том числе и универсального посредника в общении, т.е. деньги» [9, с. 92]. Студенческое мировоззрение в снятом виде содержит эти позиции, но оно характеризуется практически-ориентированной философией – прагматизмом в осмыслении сопряженных сторон земной и космической реальности.

Цель эмпирического исследования – выявление философской триады отношения к миру: мировоззрения, мироотношения и миропонимания студентов на примере осмысления ими места космических исследований в жизни социума. Задача исследования: понимание ими взаимосвязи земного и космического в деятельности общества. Новизна в ответах – приоткрытая связь мотивов государств в освоении космоса с самостоятельной жизнью общества: политическими, экономическими и культурологическими коррелятами. Метод структурирования ответов осуществлен по трем основным ценностным ориентациям групп студентов: креативным, прагматическим, гедонистическим.

Каков смысл выхода человечества в космос – проблема, включающая вопросы, поставленные перед студентами–третьекурсниками двух вузов Перми и Соликамска*. Исследование вышло на глобальные проблемы человечества: амбициозно-властные – индивидуалистические и противостоящие им – коммюнитарно-коллективистские** [10].

Общий интеллектуальный кругозор студентов по данной теме представил следующую картину. В ответе на вопрос: «Каковы предпосылки полетов в ближний и дальний космос?» получена следующая картина информированности. В основе теории ракетной тяги лежит закон сохранения импульса А.Д. Засядько, он установил в ракете деревянные стабилизаторы, вел расчеты полетов на Луну (1814). Инженер-конструктор Н.И. Кибальчич разработал пилотируемый летательный аппарат, пред-

полагал возможность полета в космос на ракетах (1853–1881). К.Э. Циолковский в 1920–1930-е гг. проводил расчеты выхода на околоземную орбиту. С.П. Королев открыл многоступенчатую систему преодоления земного притяжения при выходе в космос (в 1950–1960-е гг.).

Студентами названы первопроходцы выхода за пределы Земли – конструкторы, космонавты и астронавты полетов, перечислены писатели-фантасты, проектировавшие утопии будущего и полеты в космос, просматриваемые современные фильмы. Информированность выявлялась и при перечислении стран, которые осваивают космос: США, Россия, Китай, ЕС в целом, Япония, Индонезия, Бразилия, Казахстан, Куба, Северная и Южная Корея, Израиль, Иран, Франция. Вполне вероятно, в полетах космонавтов студентами учитывались представители стран, совместно участвовавшие в проектах исследований на российских космических кораблях.

Зачем нам нужен космос? Мотивы разделились на креативно-познавательные и утилитарно-прагматические – космос нам нужен для поиска ответов на фундаментальные вопросы человечества: кто мы, как появился человеческий род, есть ли жизнь на других планетах? Студенты отмечают, что в космосе столько загадок и тайн, которые еще неведомы человечеству, и их разгадка может дать бесценную информацию. Космос приоткрывает безграничные возможности познания. Космос – это то пространство, куда в случае угрозы на Земле могло бы переселиться человечество. Космические полеты и исследования позволяют открывать новое, но при этом нельзя забывать о родной планете, которая требует решения конкретных проблем.

Является ли процесс освоения космоса закономерностью: проявлением креативности – научно-технической мощи или демонстрацией военной силы государств? Двойственной позиции придерживается более 2/3 юношей технического универси-

*Исследование «Земная и космическая реальность» проведено автором в марте 2013 г. в студенческой среде двух вузов Пермского края по инструменту, представляющему открытые вопросы. Опросник состоит из 20 позиций, включающих вопросы личностного блока. Сплошная выборка охватывала студентов 3 курса химико-технологического факультета (ХТФ) Пермского национального исследовательского политехнического университета – ПНИПУ, N=85 (муж. 2/3, жен. 1/3), Соликамского государственного педагогического института – СГПИ, N = 45, при этом (муж. 1/3, жен. 2/3). Это студенты 3 и 5 курсов: информатики и филологии. Опрос, проведенный в гуманитарном и техническом вузе, позволил сопоставить ответы по гендерному принципу. Информация, полученная в результате исследования, дает представление об основных ценностных ориентациях молодого поколения: креативных, прагматических и гедонистических.

** Идея коллективности обосновывалась в 1980-е гг. в ППИ-ПНИПУ З.И. Файнбургом и Г.П. Козловой как сущностная черта социализма – социально-ориентированного общества.

тета. Акцент в их ответах сделан на том, что до этапа космических исследований шла борьба на небе, на суше, в море, наконец, ведущие страны добрались до демонстрации боеспособных сил через космос. Это переросло в состязательное освоение космического пространства.

Освоение космоса – это *выражение саморазвития человечества на Земле*, по замечанию значительной части студентов. С одной стороны, это овладение новым пространственно-временным ресурсом. С другой стороны, деятельность-творческая сторона человека тесно связана с социальным процессом. Встает вопрос, кому нужно ведение космических проектов? Кто разрешает заниматься данными исследованиями? Возможность, казалось бы, есть у всех, но заниматься космическими исследованиями позволено явно не всем. Определенные силы мировой общественности по всем СМИ высказывают возмущение тем, что Северная Корея продолжает запускать ракеты. В Ираке под угрозой «разоблачения» устроили войну, разбомбили и скупили по дешевке нефть, – отмечают юноши-студенты. Возможно, корейцам «помогают» другие страны с целью сравнить Северную и Южную Корею, устроить войну и «проредить» население, – отмечают другие студенты.

«Символическая среда – это не простая репродукция внешнего мира, – отмечал Т. Шибутани, – благодаря способности пользоваться символами люди в состоянии изменять свое окружение. Они живут в субститутном окружении, которое является в основном продуктом коммуникаций [13, с. 117]. Космические технологии – это манипулирование экономическими возможностями народов при сокращении средств на удовлетворение их потребностей. Определенные силы управляют вопросами перераспределения земных ресурсов: материальных и нематериальных, в т.ч. человеческих. Несомненно, развитие космоса – это решение практических задач выживания человечества. Однако возникает вопрос, какой именно части человечества? Вопрос в том, кто должен жить, а кто – умереть?

«На мой взгляд, – отмечает студент-политехник, специализации химико-биологических технологий, – значительное воздействие на экстремистские взгляды мирового сообщества оказывают СМИ, в т.ч. Интернет. Зрелость науки при демонстрации космических полетов присутствует, но она вторична и вытекает из задач промышленности и военной стратегии,

требующих все более изощренных и глобальных методов воздействия на людей. Например, США прямо публикуют свои военные патенты по последствиям космических программ, влияющих на природу и климат Земли при помощи спутников и подземных СВЧ-излучателей. Это явное запугивание мира. Очевидным является то, что это не демонстрация лишь того, что в США есть умные головы. Откуда смерчи и пожары под Москвой? Почему возрастает покупка генномодифицированного зерна РФ из США? Даже такие маленькие нации-государства, как Корея и Япония, обладая атомным оружием, дают понять другим народам, что следует опасаться данных государств». Таким образом, земная и космическая реальность разворачивается в противоречии целей и средств, технологического прорыва и социально-хищнических целей «сильных стран» овладения космосом в условиях глобализма.

Освоением космического пространства начата новая эра в истории человечества, – замечают пермские третьекурсницы, – однако платить за это приходится негативными процессами – угрозами самой жизни на планете. Исходные причины освоения космоса обретают критическую оценку: так, одна из студенток ХТФ (МАПП), дочь бывшего военного, отмечает: «Освоение космоса, явление элитное и дорогостоящее, доступное только самым мощным странам, владельцам ядерных технологий: США, России, Китаю. Для рядовых граждан освоение космоса – это параллельный их жизни процесс. Это необходимо для развития страны среди стран в мире. Однако после событий в Челябинске мое отношение к исследованию космоса – никакое! Какой смысл в этих исследованиях, если космические службы не смогли предупредить о падении астероида и защитить обычных людей?!» Юноши более деликатно заметили: «Пока космические исследования не смогли предупредить о Челябинском метеорите».

Прагматическая мотивация освоения космоса выражена юношами в следующих позициях: а) запасы ресурсов на Земле не бесконечны, а в космосе они обширнее, чем на Земле. Освоение космоса решает задачу ресурсо-выживания; б) освоение космоса ведется с целью защиты от других стран; в) найти планету, где можно жить; г) освоение космоса вызвано тем, что все боятся атаки из космоса.

Космос в осмыслении студентов выступает как некий целостный феномен: аллю-

зии нахождения себя в космосе выявляют, во-первых, потребительское отношение к «космической ойкумене», во-вторых, страх перед неизведанным черным пространством космоса. В ответах трети юношей освоение космоса принимает следующую рационально-прагматическую трактовку:

– Развитие технологий на Земле – это следствие подъема космонавтики. Полученные человеческим сообществом знания и технологии используются для навигации, телетрансляции, апробирования земных технологий в космосе: сварка, работы с биологическими объектами в условиях невесомости etc.

– Освоение космоса позволяет сделать жизнь проще, удобнее, безопаснее: это прогнозы погоды исходя из наблюдения за атмосферой, выявление различных запасов – из изучения литосферы; исследования с помощью спутников позволяют пользоваться Интернетом, системой позиционирования GPS, навигацией. Без точек связи в космическом пространстве, без спутниковой навигации «Шаттлы» и другие космические станции в черном космосе бездейственны.

– Способность современных государств к освоению дальнего космоса невелика, всё это довольно дорогостоящие проекты. Некоторые страны не могут себе позволить разрабатывать и использовать такие технологии. Выход в дальний космос диктуется необходимостью в связи с перспективой истощения ресурсов Земли. Само освоение космоса приобретает характер глобализации.

– Атомные, ракетные и космические исследования взаимосвязаны: выход в космос, где очень велико содержание радиации, позволяет изучать атомную энергетику за пределами Земли. Это безопаснее, чем на Земле, – возможно меньшее заражение радиацией живого.

– Если нет возможности получить пользу от космических исследований, то нет необходимости и их проведения, поскольку эти исследования сами по себе очень дороги. Идет борьба за перспективу монополизации ресурсов.

– Прогностически-прагматическая мотивация близка к выраженной С.Ю. Глазьевым позиции: «оседлать» длинную Кондратьевскую волну на повышательной стадии цикла и освоить переход российского общества к шестому технологическому укладу, включающему космические исследования [3, с. 5].

Здоровый гедонизм – самосохранение и защита жизни (избегание боли и страдания, по Эпикуру) – выражен студенткой

ХТФ (ХТТ-1): «В настоящем важна информация для защиты от солнечных и магнитных бурь и реальных угроз метеоритных дождей, которые напрямую влияют на здоровье людей. Космические технологии внедряются в повседневную жизнь в виде систем автономного жизнеобеспечения, аэропнных и гидропнных установок, применения космических сталей в медицине. Вместе с тем резкое развитие многими странами космических программ небезопасно для планеты. Чрезмерное количество полетов и всевозможных запусков в один прекрасный момент окончательно уничтожит атмосферу, и мы окажемся на грани исчезновения. Мы неспроста созданы такими и в таком месте, и с такими возможностями, и не стоит идти дальше возможного».

Внедрение искусственного в наш природно-естественный человеческий мир выражено в следующем суждении студентки: «В настоящем времени в мире активно исследуются психо-физические излучения человека. Я думаю, это будет последним этапом, верхом манипулирования, если удастся им управлять». Это согласуется с позицией В.А. Кутырева. Против манипуляций свободой человека разведслужбами США поднялась волна выступлений в защиту Э. Сноудена.

Социально-этическая незрелость человечества проявилась в антагонизме коллективизма и индивидуализма целей освоения космоса и поведения стран на планете. В размышлениях студентки ХТФ (ХТТ-2) это выразилось следующим образом: «Освоение космоса связано с возможностью продолжения жизни землян вне нашей планеты. Уже сейчас появились космические туристы. Осуществляется продажа звезд, участков на Луне и Марсе, покупка имен для звезд, что делает освоение космоса экономической игрой, новым модным бизнесом. Идет борьба за превосходство на космических просторах. Путь перевода космических технологий в практику земных эффективных результатов возможен, но для развития новых технологий нужна моральная готовность правительств, это произойдет не в ближайшее десятилетие, а в течение 50–100 лет».

Идея земного и космического призвания человечества прорастает сегодня в другом измерении, с новыми мотивами. Юноши из Румынии, обучающиеся на химико-технологическом факультете ПНИПУ, сделали акцент на коллективности: космос нужен для развития человечества. Личностно-заинтересованное отношение юношей проявилось в следующих высказываниях: «К

космическим исследованиям отношусь положительно, на их проведение даже деньги я бы давал». «Мне интересно все знать». «Найден метеорит с большим содержанием газа». «Я думаю, ПНИПУ многосторонне связан с изучением космоса, не думаю, что единично». «Экологи думают о чистоте планеты, т.к. люди сами всё испортили».

Пермский регион делает много для создания космических кораблей и системы безопасности страны. Пермский национальный исследовательский политехнический университет готовит специалистов, следящих за качеством топлива для ракет. В университете производятся биотехнологические исследования, имеется крупная школа порошковой металлургии. Следует заметить, что к обогащению страны и группы ученых космические проекты не ведут, расходы преобладают над доходами. Государственная Дума сочла излишней для России Академию наук.

На предприятиях региона создаются запчасти к космическим кораблям и двигатели к кораблю «Протон». «Ависма» создает стратегический сплав для космических кораблей. Победой был лишь процесс, выигранный Владиславом Тетюхиным над Кеннетом Дартом, после скупки финансовым авантюристом акций стратегического объекта, выпускающего титан [12, с. 123–128].

Всякая монополия опасна (например, монополия государства на насилие, монополия экономическая – на ресурсы, монополия религии и идеологии – на мировоззрение), в том числе и космическая монополия. Юношей-студентом, сыном авиатехника, заявлена собственная версия коллективности: «Будет лучше, если освоение космоса пойдет с пользой для всей планеты, а не отдельных стран, только это выражает зрелость науки и техники. Ведь освоение космоса – это расширение Земли до космических масштабов». В настоящем времени коллективность планетарного сообщества прогнозируется как обережение общекосмического дома человечества – Земли.

Знание о космосе переживает переоценку ценностей. В старшем поколении выход первого человека в космос обозначил точку отсчета космической эры человечества, вызвало подъем в отечественном национальном самосознании. Сегодня новое поколение подходит к освоению космоса с позиций рационально-критического прагматизма. Наметился существенный сдвиг, обусловленный взрослением космонавтики и преобладанием утилитарных ориентаций по-

ления, получающего образование в рамках Болонской системы.

Выявлено три типа оценок студентами: креативных, прагматических и гедонистических относительно ведущихся космических исследований. Креативная и гедонистическая мотивация характерна для лиц женского пола. Рационально-прагматическая мотивация, значительно превосходящая по количеству ответов, определяет суждения лиц мужского пола. Прагматика закономерности обоснования космических программ как полезности включает расширение возможностей отыскания в будущем планет со сходными условиями для жизни. Полувековой период реализации программ приблизил загадочный космос к повседневной земной реальности и уже встроен в практику землян. В результате исследования очевидно мироощущение нового поколения: обитание человечества на Земле, одного из вариантов сохранения человеческого разума во Вселенной.

Выявлена общемировоззренческая (общефилософская) позиция молодыми политехниками и педагогами. Мистицизма в оценке космических исследований студенты не проявили. Представление о космосе как силе, порождающей Землю и живое, вполне рациональны. Молодые верят, что мы во Вселенной не одиноки, и поиск других совершенных цивилизаций подталкивает людей к освоению космоса. В необходимости исследования космоса никто из студентов не сомневался. Перспектива перенаселенности планеты и поиск условий, близких к земным, для распространения присутствия человека в космосе рассматривается скорее уже как необходимость, условие самосохранения и саморазвития человечества. Таким образом, освоение ближнего и дальнего космоса из возможности перерастает в необходимость. Такова особенность социальной зрелости молодежи в осмыслении земной и космической реальности.

1. Александр, Дж.С. Марксизм и дух социализма: культурные истоки антикапитализма [Текст] / Дж.С. Александр // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 3–16.

2. Бауман, З. Рассказанные жизни и прожитые истории [Текст] / З. Бауман // Социологические исследования. 2004. № 1 (237). С. 5–13.

3. Глазьев, С.Ю. О целях, проблемах и мерах государственной политики развития и интеграции [Текст] / С.Ю. Глазьев // Экономическая и философская газета. 2013, февраль. № 8 (950), № 9 (951). С. 4–5.

4. Калашников, М. Третий проект. Точка перехода: книга-исследование [Текст] / М. Калашников, С. Кугушев. М. АСТ: Астрель, 2006. 773 с.

5. Коулман, Дж. Иерархия заговорщиков: Комитет Трёхсот [Текст] / Дж. Коулман. М.: Древнее и современное, 2011. 608 с.

6. Кравченко, С.А. Культуральная социология Дж. Александра (генезис, понятия, возможности инструментария) [Текст] / С.А. Кравченко // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 13–22.

7. Кутырев, В.А. Бытие или ничто [Текст] / В.А. Кутырев. СПб.: Алетейя, 2010. 496 с.

8. Луман, Н. Общество общества [Текст] / Н. Луман. М.: Логос, 2011. 640 с.

9. Любимова, Т.Б. Религия будущего [Текст] / Т.Б. Любимова // Проблемы российского самосознания. Религиозные, нравственные и правовые аспекты культуры: тр. рос. науч.-практ. конф. светских ученых и теологов с участием зарубежных исследователей (Москва, 2 октября 2012, Пермь, 4-5 октября 2012 г.). В 2 ч. Ч. 2. Москва; Пермь, 2012. 150 с.

10. Файнбург, З.И. Коллективистское общество. Идеал. Теория. Реальность (Мемориальное издание) [Текст] / З.И. Файнбург, Г.П. Козлова. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2013. 352 с.

11. Орлов, В.В. Материя, развитие, человек [Текст] / В.В. Орлов. Пермь: ПГУ. 1974. 397 с.

12. Федотова, С. Вольный путеводитель [Текст] / С. Федотова. Пермь: изд-й дом Компания, 2001. 254 с.

13. Шибутани, Т. Социальная психология [Текст] / Т. Шибутани. М.: Прогресс, 1969. 535 с.

1. Alexander J. S. Marxism i duch sozializma: kulturnye istoki antikapitalizma [Text] / J.S. Alexander // Sociologicheskiye issledovaniya. 2013. № 6. С. 3–16 (Russian).

2. Bauman, Z. Rasskasannye zchizni b prozitye istoriy / Z. Bauman // Sociologicheskiye issledovaniya. 2004. № 1 (237). С. 5–13 (Russian).

3. Glazjev S. U. O zelyach , problemach i merach gosudarstvennoy politiki rasvitiya i integraciy // Jekonomizheskaya i filosofskaya gazeta № 8(950), № 9 (951), fevral, 2013 г. – S. 4–5 (Russian).

4. Kalazhnikov, M. i Kuguzhev, S. Tretiy Proekt. Toschka perechoda: kniga-rassledovaniye. [Text]. M.: AST: Astrel, 2006. 773 с. (Russian).

5. Koulman, J. Ierarchiya zagovorzhchikov: Komitet 300. [Text]. M.: Drevnee i sovremennoe, 2011. 608 с. (Russian).

6. Kravzchenko, S.A. Teoriya Culturalnaya sociologiya J. Alexandra // Sociologicheskiye issledovaniya. № 5. 2010. S. 13–22 (дата обращения 25. 05. 10) (Russian).

7. Kutyrev V.A. Being or Nothing. [Text]. S-Peterburg: Aleteya. 2012. 496 с. (Russian).

8. Luman N. Odzcgestvo odzcgestva. [Text]. – M.: Logos. 2011. – 640 с. (Russian).

9. Lubimova, T.B. Religiya buduzhego. [Text]. // Problemy rossiyskogo samosoznaniya. Religioznye, nraivstvennye i pravovoye asrekty kultury: tr. ros. nauch.-prakt. konf. svetskikh uzchonych i teologov s uzchastiem zarubezhnykh issledovateley (Moskwa, 2 oktabyria 2012, Perm, 4-5 oktabyria 2012 g.). V 2 ch. Ch. 2. [Text]. Moskwa; Perm, 2012. 150 с. (Russian).

10. Faynburg Z.I., Kozlova G.P. Kollektivistskoe obzchestvo. Ideal . Teoriya. Realnost. (Memorialnoe izdanie). [Text]. – Perm: lzd-vo Perm naz.poli techn. un-ta, 2013. – 352 с. (Russian).

11. Orlov, V.V. Materiya, razvitye, cheljvek. [Text]. Perm: PGU. 1974. 397 с. (Russian).

12. Fedotova S. Volniy putevoditel. [Text]. – Perm, Kompanion, 2001. – 254 с. (Russian).

13. Schibutany, T. Socialnaya psichologiya. [Text]. M.: Progress, 1969. 535 с. (Russian).

UDC 316.7

PERM KRAY YOUTH'S OPINION ON SPACE EXPLORATION (STUDENTS SURVEY AND OPINIONS)

Paramonova Svetlana Pavlovna,
Perm National Polytechnic University,
Professor at the Chair
of Social and Political Studies,
Doctor of Science (Philosophy),
Perm, Russia.
E-mail: gf@pstu.ru, spp45@mail.ru,
guman2@pstu.ru

Annotation

The article states the way students consider universe and space race, which is regarded as a reflection of double contingency. The study shows the students' attitude to the Earth-based and space-based realities, the level of students' awareness in the sphere of science and technology and global problems of the mankind. Self-development and self-protection of the society in its activities aimed at space development should help the mankind to escape from self-destruction.

Key concepts:

Earth resources, reasons for space study, application of the results of the space research on the Earth, new space business, economic game.

УДК 316

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НАРКОТИЗАЦИИ В ОРЛОВСКОМ РЕГИОНЕ

Лаамарти Юлия Александровна,
Московский государственный
строительный университет,
старший преподаватель,
кандидат социологических наук,
г. Москва, Россия.
E-mail: Laamarti@yandex.ru

Аннотация

Орловская область привлекательна для наркотрафика из-за географического положения и разветвленной транспортной сети. Оптимизация антинаркотической деятельности (АНД) возможна посредством соблюдения оптимизационных принципов и комплексного организационно-технологического обеспечения АНД в регионе.

Ключевые понятия:
наркомания, наркотрафик,
антинаркотическая деятельность,
наркоугроза, молодежная наркомания.

В России на сегодняшний день не осталось ни одного региона, где не были бы зафиксированы случаи употребления наркотиков или их распространения. Наркомания превратилась в масштабную общенациональную проблему, которая несет прямую угрозу российским регионам.

Наркотики стали неотъемлемой особенностью молодежной субкультуры, компонентом общения в молодежной среде.

Кроме того, масштаб наркопотребления, тенденции и основные векторы его роста также непосредственно коррелируются с потреблением алкоголя и табака, что играет ключевую роль в подготовке и адаптации наркотической субкультуры и вносит свой вклад в общую наркотизацию молодежи.

Остановимся на некоторых общих оп-ределениях наркотизации.

Наркотизация – это степень вовлечения в наркоманию определенной части социальных групп, имеющая эпидемический характер, деструктивную направленность и оказывающая негативное влияние на социально-экономические, политико-правовые и духовно-нравственные основы общества [7].

Наркотизацию населения следует рассматривать как одну из главных угроз национальной безопасности России. Ежегодно почти 75 тыс. человек впервые пробуют наркотики. Специализированными наркологическими учреждениями зарегистрировано почти 138 тыс. детей и подростков, страдающих наркологическими расстройствами [2]. Статистика 2013 года в России такова, что на 100 тысяч жителей приходится в среднем примерно 250 наркоманов [6].

Ряд специалистов в области права рассматривают наркотизацию как преступную деятельность, создающую опасность здоровью и гибели людей, вызывающую негативные последствия, подпадающие под действие уголовного преследования. В научной литературе высказывается много различных точек зрения, подходов и мнений по проблеме наркотизации современного общества.

Наблюдаемые учеными изменения в социально-демографической структуре наркотизации молодежи показали, что потребителями наркотиков становятся достаточно социально адаптированные и благополучные люди. Часто наблюдаются случаи наркотизации элитарной части российской молодежи – студенческой.

По данным Министерства внутренних дел России, подростки и молодежь составляют 70 процентов от всех потребителей наркотиков в стране. По расчетам специ-

алистов, количество наркоманов в России перешло 7-процентный порог и составляет от 10 до 18 миллионов человек [5]. Причем две трети из них составляет молодежь до 30 лет [4]. Возраст приобщения к наркотическим и психотропным веществам, согласно данным ВНИИ МВД России, снизился до 14 лет. Регистрируются случаи наркомании у детей 11–13 лет. Отмечены случаи употребления наркотиков детьми 6–7 лет в результате приобщения со стороны родителей-наркоманов. Как показывают эксперты, каждый наркоман, представитель группы риска, вовлекает в употребление наркотиков 13–15 человек [1]. Особое беспокойство вызывает тот факт, что у наркомании «молодое лицо».

Наряду с массовым вовлечением молодежи в наркосреду к негативным социальным последствиям наркотизации относят, например:

- повышение численности групп риска;
- рост преступности;
- повышение преждевременной смертности населения;
- разрушение семей;
- рост суицида;
- рост ВИЧ-инфицированных и т.д.

Цель статьи – рассмотреть влияние наркотизации в Орловском регионе на дестабилизацию общественного порядка, распространение опасных форм делинквенции среди разных возрастных групп молодежи, проанализировать численное соотношение категорий, употребляющих разные виды ПАВ, и предложить меры по противодействию росту наркотизации.

Как сообщили сотрудники Управления Государственного антинаркотического комитета по ЦФО, особую тревогу вызывает рост числа подростков и молодых людей в России, впервые попробовавших наркотики. Достаточно обратиться, например, к результатам социологического исследования, проведенного в 2010 году по заказу Министерства образования и науки России. Опрос охватывал все

регионы РФ, кроме Кабардино-Балкарской Республики, Республики Северная Осетия – Алания (Северо-Кавказский федеральный округ), Волгоградской, Ростовской областей и Республики Калмыкия (Южный федеральный округ), а также ряда областей Центрального федерального округа. Опрашивались лица в возрасте 11–24 лет*.

Итоги исследования показали, что доля лиц, хотя бы раз употреблявших наркотики, составила 25 %. 15 % имели опыт потребления наркотиков от 1 до 3 раз. 7 % потребляли наркотики с частотой от 2 раз в месяц до 1 раза в неделю. 3 % – с частотой 2–3 раза в неделю или ежедневно. Основная масса наркопотребителей, согласно соцопросу, приходилась на возраст от 18 до 24 лет. Средний возраст первой пробы наркотика колебался в пределах 16–16,5 лет [2].

Однако основной возраст наркозависимых в Орловской области составляет 18–39 лет. Это порядка 93 % от общей численности лиц, стоящих на официальном учете [6]. Количество официально зарегистрированных потребителей в Орловском регионе за период 2011 год – 1 июня 2013 года представлены в таблицах 1 и 2.

Как видно из таблиц, в течение 1,5 лет произошло увеличение численности наркозависимых. Незначительный прирост не должен вызывать споров, так как речь идет об официально зарегистрированных лицах. Известно, что выявление и учет потребителей наркосредств связан со сложностями организационного характера и ограниченностью ресурсов по их реабилитации. Значительное число таких лиц оказывается вне учета. По состоянию на 1 июня 2013 г. в Орловской области зарегистрировано 784 потребителя наркотических средств и психотропных веществ*. Количество наркозависимых лиц увеличилось на 1,5 %, женщин – на 6,7 %. Количество лиц, впервые зарегистрированных в связи с употреблением наркотиков, увеличилось на 16 %. Основной возраст

Таблица 1

Распределение лиц из числа взрослого населения, официально зарегистрированные как наркозависимые, по годам (с учетом полового признака)

Лица, официально зарегистрированные как наркозависимые	Год учета		
	31 декабря 2011 г.	1 июня 2012 г.	1 июня 2013 г.
Мужчины, чел.	628	657	662
Женщины, чел.	102	104	111
Итого:	730	761	773

*Опыт тестирования молодежи на наличие в организме наркотических средств и психотропных веществ. Режим доступа: http://www.rsr-online.ru/doc/2011_03_28/8.pdf (дата обращения 21.06.2013).

**Распределение лиц, официально зарегистрированных как наркозависимые,
по годам (с учетом признака совершеннолетия/несовершеннолетия)**

Лица, официально зарегистрированные как наркозависимые	Год учета		
	31 декабря 2011 г.	1 июня 2012 г.	1 июня 2013 г.
Совершеннолетние, чел.	730	761	773
Несовершеннолетние, чел.	8	11	11
Итого:	738	772	784

наркозависимых 18–39 лет, их доля составила 93 %. Это люди, работающие у индивидуальных предпринимателей, либо безработные и не учащиеся. Поэтому организовать с ними профилактическую работу, в связи с отсутствием какого-либо общего центра интересов, крайне сложно. В связи с этим на первое место выходят такие способы профилактики, как наружная агитация, широкомасштабные акции и волонтерские программы.

Острота проблемы наркомании для региона обусловлена также высоким удельным весом молодых людей среди наркозависимых лиц и продолжающимся вовлечением их в незаконный оборот наркотиков. Среди привлеченных за наркопреступления 58 человек, или 50 % – молодёжь в возрасте до 30 лет, в т.ч. 1 несовершеннолетний и 4 учащихся. Ранее совершили преступления 45 человек, из них связанные с незаконным оборотом наркотиков – 5 человек. Почти неизменный уровень рецидива свидетельствует о наличии фактора экономической выгоды наркоторговли, а также трудностях социальной адаптации лиц, освобожденных из мест заключения.

Как показывает опыт, изучение и решение проблемы наркотизации молодежи требует комплексного междисциплинарного подхода. Достижение определенного успеха в преодолении явления возможно лишь при координации усилий всех структур, имеющих отношение к профилактике и преодолению наркотизации молодежи: правоохранительных, медицинских, психолого-педагогических, социологических.

К сожалению, в данный момент мы наблюдаем разрозненность усилий организаций и специалистов, призванных решать эту проблему. До тех пор, пока действия их будут разрозненными, преодоление мо-

лодежной наркотизации не представляется возможным.

Необходима стратегия предупреждения наркомании, включающая выявление групп риска, анализ кризисных ситуаций в молодежной среде и предложения по социально приемлемым способам разрешения этих ситуаций.

Одной из приоритетных задач Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 июня 2010 г. № 690, является создание государственной системы профилактики наркомании. В Орловской области налажен мощный комплекс профилактической работы среди молодежи. Только за 2011 год было проведено более 680 мероприятий, а за 5 месяцев текущего года – более 200. Организовано проведение более 45 широкомасштабных акций и спортивных соревнований, выпущены и размещены листовки и другие виды агитационной продукции, на улицах городов Орел, Ливны, Мценск установлены профилактические баннеры.

Наряду с уже принятыми мерами необходимо сформировать у молодежи стили и модели образа жизни, социально приемлемые и одновременно предоставляющие возможности для наиболее адекватной реализации личности. Выбор таких моделей должен быть свободным, не навязанным извне и одновременно ответственным.

Финансовая, законодательная, информационная, кадровая поддержка программ профилактики и преодоления наркотизации молодежи на региональном уровне – залог успеха в борьбе с этим социальным бичом.

В качестве мер, которые должны активно способствовать искоренению наркотизации населения, необходимо предпринять следующие:

*Вести с наркофронта. Итоги пяти месяцев. Режим доступа: <http://www.fskn.57ru.ru/o-information-fskn/developments/333-vesti-s-narkofronta-itogi-pjati-mesjacev> (дата обращения 21.06.2013).

– ужесточить уголовную ответственность за склонение к употреблению наркотических средств и психотропных веществ, ужесточить уголовную ответственность за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ;

– на сегодняшний день в регионах необходимо устранить противоречия современного антинаркотического законодательства;

– разработать и принять законодательные акты, которые бы обязывали органы государственного управления на всех уровнях власти проводить более принципиальную, более эффективную и обдуманную политику, направленную прежде всего на предупреждение наркопреступлений, на профилактику наркотизации среди несовершеннолетних и молодежи.

Итак, организация профилактической и превентивной работы с молодыми людьми возможна на основе знаний, во-первых, их ценностных ориентаций, во-вторых, обстановки, при которой они впервые пробуют наркотики, в-третьих, причин их употребления. Эти вопросы требуют серьезного изучения.

Важнейшим условием эффективности профилактики и коррекции наркозависимости является координация действий всех субъектов управления, участвующих в этом процессе.

Для повышения эффективности и усиления межведомственной координации деятельности по профилактике и коррекции молодежной наркозависимости целесообразно создание и внедрение банка данных субъектов системы управления, что позволит не только автоматизировать учет и контроль внутри ведомств, но и отслеживать ранее неучтенные показатели (к примеру: выявление выпускников, не обучающихся и не работающих, контроль своевременного проведения коррекционно-профилактических мероприятий и т.д.) [3].

Прозрачность и своевременность отчетности позволит выявлять наиболее слабые звенья цепи в системе противодействия наркомании, точно контролировать ситуацию, выявлять не только общие, но и личностные причины наркозависимости в молодежной среде, а режим напоминания снижает влияние человеческого фактора и систематизирует коррекционно-профилактическую работу.

Возможность построения любой взаимосвязи между субъектами управления позволит надежно контролировать ситуацию по взаимодействию всех заинтересованных служб и ведомств.

Полезно вовлечение в деятельность по профилактике и коррекции молодежной наркозависимости служителей православной церкви. Они могут делать и делают то, что в силу их специфики влияет на сознание и мотивацию поведения молодежи, и это тесное плодотворное взаимодействие необходимо развивать в сторону организации профилактики наркомании среди молодежи [3].

Также важны другие виды обеспечения противодействия наркотизации:

1. *Нормативно-правовое обеспечение* включает разработку и реализацию правовых норм и механизмов в направлении успешного противодействия наркотизму и наркомании.

2. *Психологическое обеспечение* противодействия молодежной наркозависимости предполагает оказание социально-психологической помощи семье, детям, подросткам: медико-психологическое консультирование, разрешение конфликтных ситуаций, переживаемых детьми и подростками, организацию телефона и служб доверия, психологическую диагностику и психологическую коррекцию наркозависимости.

3. *Педагогическое обеспечение* предполагает создание соответствующих условий эффективного противодействия наркотизму. В рамках отдельного вуза они включают: формирование системы взаимосвязи учебной и внеучебной работы; обеспечение повышения профессиональной квалификации организаторов внеучебной работы и специалистов, осуществляющих профилактическую работу; принятие в вузе следующих документов: концепции внеучебной воспитательной работы, комплексной программы по первичной профилактике наркомании среди студентов и учащихся подшефных школ; выполнение комплексной программы по физическому воспитанию студентов; формирование у студентов мотивации к здоровому образу жизни; обеспечение воспитательного процесса и профилактической работы учебной и научно-методической литературой; изучение динамики ценностных ориентаций студентов; мониторинг состояния здоровья студентов.

Популярными на сегодняшний день являются *информационные технологии* противодействия наркотизму [3]. Цель их разработки и применения – заполнение информационного вакуума. Их содержание сводится к трем основным проектам:

- Необходимо создать постоянно действующий и стабильно финансируемый «конвейер» публикаций и рекламы в СМИ по профилактике наркомании.

• Необходимо организовать телефонное консультирование. Три варианта телефонных служб, работающих в единой методической увязке, послужат не только информационным мостом для населения, но и позволят динамично отслеживать социальные координаты наркотизма: а) телефон «горячей линии», задача которого – широкое информирование населения по всем вопросам, связанным с химической зависимостью, об учреждениях, занимающихся лечением, реабилитацией и социальной адаптацией наркозависимых; б) телефон поддержки для наркозависимых и членов их семей; эта служба должна действовать в круглосуточном режиме, на телефоне должны работать сертифицированные консультанты по химической зависимости; в) телефон доверия, отличающийся от телефона поддержки тем, что на нем работают специалисты, профессиональные психологи.

• Интернет сегодня изобилует как антинаркотической, так и противоположной информацией. По интенсивности воздействия на психику Интернет значительно превосходит все СМИ. Поэтому использование его информационного ресурса просто необходимо, без этого сегодня не работает ни одна солидная организация по профилактике наркомании.

4. *Научно-методическое обеспечение.* Одной из неотложных мер при формировании межведомственной системы антинаркотической деятельности, целью которой является подготовка высококвалифицированных специалистов-практиков антинаркотической деятельности, выступает создание единого организационного методического центра с соответствующими отделами (организационно-методический, учебный, профилактический, реабилитационный, юридический, медицинский, отдел мониторинга, отдел информационной службы и взаимодействия с общественностью).

5. *Аналитическое обеспечение* предусматривает: разработку внутриведомственной статистики, отражающей характер и состояние наркотизма в регионе; обеспечение доступности статистической информации о наркотизме для всех субъектов системы управления; регулярный анализ состояния наркотизма и ее последствий; оценку эффективности системы социальной профилактики и коррекции; прогнозирование качественного и количественного развития всех компонентов системы; создание межведомственного банка данных о подростках из групп социального риска и семей, оказавшихся в экстремальных жизненных ситуациях.

Важной формой аналитического обеспечения являются проведение на региональном уровне мониторинга наркотической ситуации, анализа полученных результатов и прогнозирования.

б. *Кадровое обеспечение* предполагает введение и подготовку новых для нашей страны кадров социальных работников, социальных педагогов, реабилитологов, практических психологов, способных оказывать профессиональную социальную, психологическую и социально-педагогическую помощь, прежде всего семьям, детям и подросткам группы риска.

С целью совершенствования противодействия наркотизации в Орловском регионе и, прежде всего, в молодежной среде рекомендуется:

На федеральном уровне: принятие Федерального закона о профилактике злоупотребления психоактивными веществами; сохранение системы подготовки и повышения квалификации специалистов-превентологов через созданные центры при Министерстве образования и науки РФ с последующим развитием региональных центров и экспериментальных площадок; подготовка кадров по специальности «превентолог»; привлечение СМИ к созданию цикла передач, информационно-публицистических программ по профилактике зависимостей от ПАВ (психоактивных веществ) и пропаганде здорового образа жизни; проведение конкурса моделей (программ, проектов) организации работы по первичной профилактике употребления ПАВ в образовательных учреждениях; введение в типовые штатные расписания образовательных учреждений всех уровней штатных единиц по должностям, необходимым для организации и проведения внеучебной (воспитательной) и социально-психологической работы; разработка норматива на организацию воспитательной работы в вузе на одного студента с дальнейшим его финансированием.

На региональном уровне: организация региональных центров профилактики злоупотребления ПАВ на основании региональных целевых антинаркотических профилактических программ; развитие сети учреждений дополнительного образования, подростковых и молодежных клубов.

На уровне учреждений профессионального образования: создание системы внеучебной (воспитательной) работы и совершенствование ее форм и методов; разработка системы ограничений для поступления абитуриентов, имеющих опыт

употребления наркотиков; введение для студентов первого года обучения обязательного учебного курса «Психолого-педагогические основы профилактики наркомании и ВИЧ-инфекции»; воссоздание эффективной системы кураторства (особенно на младших курсах).

1. Асотова Т.А. Здоровый образ жизни как условие устойчивого развития экономики государства // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2011. № 16. С. 118–123.

2. Дикаев С.У. Некоторые вопросы противодействия наркотизации населения России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 20. С. 98–106.

3. Лаамарти Ю.А., Патрушев В.И., Кофанов А.В. Система антинаркотической деятельности в регионе: социологический анализ. Монография. Германия: Международный издательский центр «LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co.KG», 2012. 152 с.

4. Миронов С.М. Наркотизация – угроза национальной безопасности России // Интернет-журнал «Новая политика». URL: <http://www.novopol.ru/> (дата обращения: 22.06.2013).

5. Позднякова М.Е. Особенности наркотизации населения в современной России. URL: http://www.narkotiki.ru/mir_5495.html (дата обращения: 22.06.2013).

6. Статистика наркомании в России. Всероссийский информационный портал о наркомании и алкоголизме REHAB-CENTR. URL: <http://rehabcentr.ru/statistika> (дата обращения: 22.06.2013).

7. Фролова Н.А. Правовая политика российского государства в сфере социальной безопасности и борьбы с наркотиками: вопросы теории и практики. Монография. М.: ООО «Леминг», 2008. 472 с.

1. Asotova T.A. Zdorovy obraz zhizni kak uslovie ustoychivogo razvitiya ekonomiki gosudarstva // Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 16. S. 118–123. (Russian).

2. Dikaev S.U. Nekotorye voprosy protivodeystviya narkotizatsii naseleniya Rossii // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. 2011. № 20. S. 98–106 (Russian).

3. Laamarti Yu.A., Patrushev V.I., Kofanov A.V. Sistema antinarkoticheskoy deyatel'nosti v regione: sotsiologicheskii analiz. Monografiya. Germaniya: Mezhdunarodnyy izdatel'skiy tsentr «LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co.KG», 2012. 152 s. (Russian).

4. Mironov S.M. Narkotizatsiya – ugroza natsional'noy bezopasnosti Rossii // Internet-zhurnal Novaya politika. URL: <http://www.novopol.ru/> (data obrashcheniya: 22.06.2013). (Russian).

5. Pozdnyakova M.E. Osobennosti narkotizatsii naseleniya v sovremennoy Rossii. URL: http://www.narkotiki.ru/mir_5495.html (data obrashcheniya: 22.06.2013). (Russian).

6. Statistika narkomanii v Rossii. Vserossiyskiy informatsionnyy portal o narkomanii i alkogolizme REHAB-CENTR. URL: <http://rehabcentr.ru/statistika> (data obrashcheniya: 22.06.2013). (Russian).

7. Frolova N.A. Pravovaya politika rossiyskogo gosudarstva v sfere sotsial'noy bezopasnosti i bor'by s narkotikami: voprosy teorii i praktiki. Monografiya. M.: ООО «Lemins», 2008. 472 s. (Russian).

UDC 316

SOCIAL ASPECTS OF NARCOTIZATION IN ORLOVSKY REGION

Laamarti Yulia Aleksandrovna,

Moscow State University

of Civil Engineering,

senior lecturer,

Candidate of Science (Sociology),

Moscow, Russia.

E-mail: Laamarti@yandex.ru

Annotation

Orlovsky region is attractive for drug traffic because of its geographical location and transport links. Optimization of anti-drug activities (OAA) is possible by observing the principles of optimization and complex organizational and technological support of OAA in the region.

Key concepts:

drug addiction, drug and anti-drug activities, drug menace, youth addiction.

УДК 30

ИНФОРМАЦИОННО- ПРОЕКТНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИКИ

Дуран Татьяна Валентиновна,

Университет г. Льеж,
докторант,
г. Льеж, Бельгия.

E-mail: tanyakostina2006@hotmail.com

Костин Валентин Алексеевич,

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Уральский институт – филиал,
профессор кафедры теории и социологии,
доктор философских наук,
г. Екатеринбург, Россия.

Аннотация

Проведен анализ существующих подходов к сущности политики в зарубежной и отечественной социологии и политологии. На основе проведенного анализа предложена информационная концепция политики, в рамках которой последняя рассматривается как проект устройства и функционирования государственной власти. Элементами политического проекта выступают нормы, стандарты, программы, оценки. Выявлен эвристический потенциал проектной интерпретации политики.

Выделены основные условия политики: субъекты, политические отношения, виды политической деятельности, политическая практика.

Ключевые слова:

политика, проект, цель, программа, норма, субъект политики, условия политики.

Понятие политики, несмотря на весьма почтенный возраст, в настоящее время остается одним из самых многозначных, что свидетельствует о многомерности социального феномена, обозначаемого этим понятием.

Совокупность концепций политики, разработанная к настоящему времени, хорошо известна, их содержание представлено и структурировано в значительном количестве научных исследований, что избавляет нас от необходимости их очередного пересказа. Но с целью исключения неопределенности оценок перечислим наиболее распространенные подходы к определению политики.

1. Понимание политики как отношений по поводу государственной власти разрабатывалось такими классиками социально-политической мысли, как Н. Макиавелли, В. Парето, К. Маркс и др. Н. Макиавелли, как известно, заложил основы традиции рассмотрения политики как деятельности, представляющей собой борьбу за власть, которая позволяет ее владельцу получать привилегии и управлять обществом. К. Маркс и Ф. Энгельс, в свою очередь, трактовали политику как сферу борьбы классов, а государственную власть – как выражение интересов экономически господствующего класса.

2. Понимание политики как сферы взаимодействия различных социальных групп и общностей людей, основанное Аристотелем. Именно Аристотелю принадлежит идея государства как общения индивидов, постулирование индивида в качестве субъекта политической деятельности [1, с. 376–644].

3. Функциональный подход к определению политики, при котором ее понимание связано с объяснением выполняемых функций – управления, поддержания порядка, сохранения стабильности социума, авторитарного распределения ценностей и др. Его разработчики – представители американской социологической мысли Т. Парсонс, Д. Истон, Г. Алмонд и другие [3, с. 319–331].

Каждый из концептуальных подходов фиксирует какую-то сторону политики как предмета исследования, но при этом они остаются автономными относительно друг друга, в результате чего формируется феномен теоретического эклектизма. С позиций социальной практики это приемлемый вариант, поскольку для решения различных практических задач можно использовать ту

или иную концепцию политики. В контексте разработки теоретического знания отмеченная ситуация является явно проблемной. При этом обозначенную проблему можно трактовать как «вечную», то есть считать неразрешимой, можно – как исторически обусловленную, стало быть, решаемую. Исходя из современного состояния социального, в том числе – политологического, знания, существуют определенные гносеологические основания для выбора второго варианта оценки перспектив решения данной теоретической проблемы, которые не учитывались в прошлом. Таким основанием выступает гносеологическая позиция, в рамках которой ведется исследование политики, задающее ее определенное видение.

Господствующую гносеологическую позицию для изучения политики условно можно назвать натуралистической. Она заключается в том, что феномен политики описывается исследователем с позиций внешнего наблюдателя, аналогично тому, как это используется при изучении природного мира.

Противоположной является гносеологическая позиция, заключающаяся в том, чтобы рассматривать политику с позиций включенного в нее наблюдателя – с позиций герменевтического метода. Главным результатом изменения гносеологической позиции выступает принципиально иное видение политики, выдвигание на первый план иного вида политического знания. Таким знанием является предписывающее, фиксирующее не то, что уже произошло и происходит, а то, что должно происходить, осуществляться.

Именно эволюция этого вида знания и приводит к рассмотрению политики как социального феномена, именно оно составляет сущностную сторону политики. Описательное политическое знание фиксирует результаты объективации предписывающего политического знания, его внешние проявления. Описательное политическое знание, безусловно, фиксирует какие-то стороны предписывающего знания, в чем-то дополняет его, но в каких-то отношениях, напротив, скрывает или искажает. Из сказанного вытекает, что для характеристики политики как социального феномена, как целого недостаточно знания о внешних ее проявлениях, оно должно быть дополнено предписывающим знанием. Более того, последнее в плане раскрытия сущности политики обладает определенным преимуществом.

Формами предписывающего знания являются проекты и цели. Политика в самом широком смысле – это общепризнанный существующий проект устройства и функционирования государственной власти. Политика всегда имеет нормативный аспект, то, что должно быть, поэтому признак «реализующийся проект» означает, что идеи и нормы этого проекта воплощаются в жизнь, работают в реальной практике, детерминируют поведение различных социальных групп и индивидов. Функционирующий проект – это специфическое качество социального проекта, отличающее его от проектов технических. Технические проекты объективируются в вещах, которые сохраняют в течение определенного времени формы и отношения, заданные человеком, в течение этого времени отсутствует необходимость в действиях по поддержанию уже созданных форм. Социальный проект, в отличие от технического, требует постоянных усилий со стороны участников по его воспроизведению, поскольку он реализуется только посредством действий и отношений людей.

Рассмотрение политики как проекта можно встретить в западно-европейской политологической и социологической литературе, хотя сторонниками данного подхода понятие «проект» применительно к характеристике политики не использовалось. Политика же в рамках ее «проектного» понимания определяется, на наш взгляд, достаточно узко – как программа действий государственных органов. Данный подход развивали Жан - Клод Тонинг, Даниэль Кюбле, Патрик Хэссентеуфель [4, с. 2]. Именно Жан - Клод Тонинг в 1985 году предложил определять политику как программу действия одной или нескольких общественных или правительственных властей.

Представляется, что подобная трактовка политики является концептуально новаторской, но все же достаточно узкой, поскольку политика сводится только к программам действий. Сложившаяся теоретическая ситуация обусловила задачу по дополнению определения политики. Для ее решения необходимым условием выступает прояснение связи между управлением и политикой.

Социальное управление представляет собой форму взаимодействия управляющего и управляемого субъектов, при которой роль управляющего субъекта выражается в выработке проекта деятельности и

создании условий для его реализации [2, с. 23]. Управляемые субъекты – это люди, занимающиеся реализацией программ управления, осуществляющие активную деятельность, соответствующую программе, обеспечивающую ее реализацию.

Специфика социального управления в информационном отношении (в отличие от биологического или технического) связана с двумя главными аспектами: 1) управляющая программа вырабатывается самими людьми (в управлении на уровне клеток или компьютерном управлении ни клетки, ни компьютеры программ не вырабатывают); 2) программа представляет собой осознанный информационный образ (чего, опять-таки, нет ни в биологическом, ни в техническом управлении) [2, с. 12–24].

Действия, направленные на формирование проекта, контроль за его осуществлением следует считать управленческими, тогда как воздействие человека на вещи не является управлением, хотя оно, конечно, опосредовано целью, программой деятельности.

Необходимость производства проекта обусловлена тем, что он позволяет организовать (упорядочить) активность исполнительной деятельности, обеспечить достижение необходимых результатов.

Проект представляет собой сложный идеальный образ, благодаря которому организуется деятельность как самого субъекта управления, так и управляемых субъектов. Проект человеческой деятельности складывается из множества конкретных разнородных решений: целей, норм, оценок, образцов артефактов и субъектов. Рациональный проект обладает таким свойством, как упорядоченность, которую не может обеспечить ни один из элементов сам по себе. Выделение проекта позволяет понять, что рассмотрение управления на уровне отдельных решений – это атомарный подход к управлению, игнорирующий системность управления. Любое конкретное управленческое решение – фрагмент проекта, и должно учитывать проект в целом, «вписываться» в него, если оно принимается автономно [2, с. 17].

На основании сказанного есть основание представить политический проект как управляющую информацию, а это, в свою очередь, позволяет представить управление как сущность политики.

Важнейшими элементами политического проекта являются: нормы, прежде

всего правовые, стандарты, программы, оценки. Функционирование проекта означает, что составляющими элементами политической модели руководствуются индивиды, осуществляющие реальные действия, включенные в реализацию социальных практик. Осуществление проекта связано с двумя его составляющими: постоянной и переменной. Постоянная составляющая проекта – это нормы, оценки, которые реализуются непосредственно, переменная составляющая представляет собой решения и нормы, которые «привязаны» к конкретным ситуациям, вырабатываются представительными органами власти и зачастую не предполагают одобрения со стороны населения.

Понимание политики как функционирующего проекта позволяет выделить основные условия политики. (Под условиями политики будем понимать такие реалии социальной жизни, без которых невозможно ее возникновение и функционирование). Важнейшими и всеобщими условиями политики выступают: субъекты, политические отношения, виды политической деятельности, политическая практика.

К субъектам политики может быть отнесено все взрослое дееспособное население территории, которое организовано на основе политического проекта. Специфика субъектов в политике заключается в том, что они интегрированы в определенные общности: территориальные, деловые, партийные. При этом очевидно, что роли, выполняемые теми или иными конкретными группами, безусловно, различны. В частности, по степени полномочий можно выделить следующие группы: профессиональные и непрофессиональные, полные и частичные субъекты. Их различные сочетания и образуют варианты политических проектов.

В широком смысле слова профессиональные субъекты – это люди, которые участвуют в работе различных органов государственной власти. В узком смысле слова – те, кто получает за это участие определенное вознаграждение. Непрофессиональные субъекты – те, кто не входит в состав различных органов. В свою очередь, полный субъект располагает какой-либо политической властью, неполный ее не имеет. Неполный субъект власти обладает лишь обязанностями, без реализации им обязанностей проект не может осуществляться. Необходимо обратить внимание на тот факт, что политическая власть шире,

нежели государственная. Право на избрание должностных лиц – власть политическая, но не государственная.

Сочетания названных субъектов в политическом проекте дают известные в настоящее время виды политических систем. Например, монархия и республика в их классических формах. При монархической форме непрофессиональные субъекты лишены какой-либо политической власти, она сосредоточена в руках профессионалов. При республиканской форме правления, напротив, непрофессиональные субъекты наделены политической властью, поэтому политическая власть профессионалов ограничена. При парламентской монархии непрофессиональные акторы наделены политической властью на избрание лишь представительного органа, но не монарха. Таким образом, различные политические проекты различаются лишь мерой акторства тех или иных социальных групп.

Понимание политики как проекта в логическом отношении представляет собой информационное определение политики. Информационное определение не относится ни к одному из традиционно выделенных выше подходов к трактовке политики: генетическому, функциональному, структурному, представляет собой самостоятельный подход. Политика в таком контексте выступает как сложный идеальный объект, детерминанта жизни целых сообществ, и эта сложность проявляется как в содержании политики, так и в ее условиях.

Попытка осмысления сложности условий политики, на наш взгляд, проявляется в системном подходе, с позиций которого утверждается, что «политическая система общества или политическая организация общества – организованная на единой нормативно-ценностной основе совокупность взаимодействий (отношений) политических субъектов, связанных с осуществлением власти (правительством) и управлением обществом» [Электронный ресурс: Политическая система. Википедия: <http://ru.wikipedia.org>].

Применение понятийного аппарата системного подхода (понятий «элемент», «взаимодействие элементов», «системы») к рассмотрению условий политики с позиций понимания ее (политики) как проекта позволяет дать следующее авторское определение политическим системам. Политическая система – это взаимодействие на основе политического проекта профессиональных и непрофессиональных

субъектов, объединенных в различные общности.

Политический проект имеет определенные фазы, своего рода жизненный цикл: формирование проекта, его реализация, отрицание. Эти фазы существования проекта могут быть рассмотрены в двух аспектах – генетическом и историческом. Генетический аспект позволяет раскрыть возникновение политического проекта как регулятора человеческой деятельности нового типа, исторический – смену одного вида проекта другим.

Понимание политики как проекта определяет задачу рассмотрения его генезиса, поскольку политика появляется тогда, когда формируются территориальные общности и государства. Создание и реализация политических проектов всегда были связаны с территориальными общностями людей, которые в истории приходят на смену родовым общностям. Формирование территориальных общностей связано с переходом от собирающего хозяйства к производящему. Существование, жизнедеятельность территориальных общностей предполагают иные нормы и правила отношений и взаимодействий людей, нежели в родовом коллективе. При этом проект как регулятор поведения членов территориальной общности с определенного времени преимущественно разрабатывается и контролируется государством. Вполне возможно, что субъектами разработки проекта и контроля его реализации на ранних этапах возникновения политики являются непрофессиональные политические субъекты, например, авторитетные и разбогатевшие семьи. В современной исторической литературе представлен значительный объем фактов, которые свидетельствуют о роли влиятельных людей в управлении общими делами. Со временем усложнение политических функций и содержания проектов приводит к профессионализации деятельности тех, кто эти функции выполняет, к появлению государства. Таким образом, сочетание роли территориальных общностей и государства в формировании и реализации политического проекта в разные исторические периоды различно.

Историческая эволюция политики включает в себя расширение числа не только профессиональных, но и непрофессиональных субъектов, которые участвуют в ее разработке и реализации. Достаточно указать, например, на позднее появление

таких субъектов политики, как политические партии, органы местного самоуправления, политические движения, надгосударственные политические организации. отождествление политики с государственными решениями не позволяет объяснить выполнение этими субъектами политических функций, отнесение их к субъектам политики.

Территориальные сообщества в те или иные исторические периоды были различны по составу, что, однако, не препятствовало их членам находить консенсус и закреплять его в политическом проекте. Этим обеспечивалось воспроизводство территориальных сообществ. Диктатура интересов (и методов их реализации) какой-либо одной группы возможна, но этим исключается устойчивость сообщества. Вследствие этого диктатура может иметь только временный характер. Диктатура интереса одного класса или группы представляет собой угрозу интересам других групп, социальный риск с огромными негативными последствиями.

Таким образом, трактовка сущности политики как политического проекта позволяет, при сохранении ее традиционных интерпретаций, представить политику как вид социального управления.

1. Аристотель. Сочинения в 4 т. Т.4. М: Мысль, 1983. 830 с.

2. Дуран Т.В. Теория социального управления: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 191 с.

3. Политология: Хрестоматия / Сост. проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. М.: Гардарики, 2000. 843 с.

4. Daniel Kubler et Jacque de Maillared. Analyser les politique publiques. Presses universitaires de Grenoble, 2009. 221 с.

1. Aristotel. Sochineniya: V 4 t. T.4. M.: Misl, 1983. 830 s. (Russian).

2. Duran T.V. Teorya sicialnogo upravleniya. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta, 2011. 191 s. (Russian).

3. Politologiya: Hrestomatya/Sostaviteli professor M.A.Vasilik, docent M.C. Vershinin. M: Gardariki, 2000. 843 s. (Russian).

4. Daniel Kubler et Jacque de Maillared. Analyser les politique publiques. Presses universitaires de Grenoble, 2009. 221 s. (French).

UDC 30

INFORMATIONAL AND PROJECT POLICY CONCEPT

Duran Tatiana Valentinovna,

University of Liege,
post-doctoral student,
Liege, Belgium.
E-mail: tanyakostina2006@hotmail.com

Kostin Valentin Alekseevich,

Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration, Ural branch,
Professor at the Chair
of Theory and Sociology,
Doctor of Science(Philosophy),
Yekaterinburg, Russia.

Annotation

The article presents the analysis of different approaches to the concept of policy in foreign and Russian sociology and politology. Hence an informational policy concept was created, where policy is regarded as a project of state authority arrangement and functioning. The elements of this political project are norm, standards, programmes, evaluations. The heuristic potential of project policy interpretation is discovered. Basic conditions of policy are outlined: subjects, political relations, types of political activity, political practice.

Key concepts:

policy, project, purpose, norm, subject of policy, conditions of policy.

УДК 32.019.52

ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ И БУДУЩЕЕ РОССИИ (анализ результатов опроса жителей Новосибирской агломерации)

Новокрещёнов Александр Васильевич,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при
Президенте Российской Федерации,
Сибирский институт управления – филиал,
профессор кафедры государственного
и муниципального управления,
доктор социологических наук, профессор,
г. Новосибирск, Россия.
E-mail: novokreschenov@sapa.nsk.su

Аннотация

В статье, на основе результатов социологического исследования, даётся оценка социального оптимизма различных слоев и групп населения Новосибирской агломерации, их представления о будущем России.

Ключевые понятия:

социальный оптимизм,
качество жизни,
государственный суверенитет,
«вертикаль власти»,
централизация,
децентрализация.

Оценивая ситуацию, сложившуюся в России к концу 1990-х годов, В.В. Путин неоднократно говорил, что страна находилась на грани распада. Вот оценки этого периода, данные им на расширенном заседании Государственного совета 8 февраля 2008 года, когда истекал второй срок его президентских полномочий: «Сама Россия представляла собой «лоскутную империю»; «в большинстве субъектов РФ действовали законы, противоречащие Конституции России»; «статус некоторых территорий определялся как «суверенное государство, ассоциированное с Российской Федерацией»; «было более двух тысяч спорных территорий»; «можно было быть гражданином одного из российских регионов, не будучи гражданином России» [1]. Накануне президентских выборов в 2012 году он ещё раз вернулся к этой теме, и примерно в тех же словах охарактеризовал ситуацию в стране на момент начала его первого президентского срока.

Возвращаясь к началу 2000-х годов, напомним, что одним из его первых программных лозунгов был лозунг «Восстановить вертикаль власти». Тогда очень многие его поддержали, ибо другого способа сохранения целостности России не видели.

Хорошо известны первые шаги на пути восстановления вертикали власти. Сначала был преобразован Совет Федерации. После преобразования он работает на постоянной основе, в его состав уже не входят высшие должностные лица субъектов РФ, председатели региональных парламентов. Но теперь он уже перестал быть фильтром для проектов законов, принимаемых Государственной Думой. Проекты законов все эти годы проходили Совет Федерации, как правило, без затруднений. Затем, после создания партии «Единая Россия» и проведения выборов в Государственную Думу, и нижняя палата парламента «вошла в вертикаль», поскольку большинство депутатов были от «Единой России». Председателем партии, как известно, был В.В. Путин. И далее, в связи с трагическими событиями в Беслане возникла необходимость укрепления исполнительной власти в субъектах РФ. С этого времени губернаторы фактически стали назначаться Президентом РФ. Централизация коснулась и финансовой сферы. Были внесены изменения в Бюджетный кодекс, согласно которым федеральный центр усилил свой контроль над региональными финансами. Региональная власть в свою очередь усилила свое влияние на деятельность муниципалитетов. «Вертикаль» власти

предстала во всей её полноте. Федерализм, местное самоуправление в нашей стране во многом утратили свою сущность.

А когда многие поняли, что на вершине этой «вертикали» на ближайшие 12 лет может оказаться тот, кто эту «вертикаль» воссоздал, всколыхнулись Болотная площадь, проспект Сахарова, другие территории. Волна прокатилась по всей Руси Великой.

Но те, кто сегодня протестуют против «вертикали» власти, ратуют за децентрализацию, не желают оглянуться назад, вспомнить, чем была вызвана эта централизация? Как мы показали, было лишь два варианта – либо централизация, либо развал страны. Но с тех прошло более 10 лет. Сегодня угроза целостности, суверенитету страны по-прежнему остается или такой угрозы уже нет? Насколько серьезны планы националистов по созданию «Великой Черкесии», «Волго-Уральского халифата», заявления писателя Быкова о неизбежности отделения от России Кавказа, Урала, Сибири, Дальнего Востока. В Интернете подобного рода пророчеств несть числа. Что на этот счет думают люди, причем принадлежащие различным слоям и группам общества? Если проблема остается, то надо ли ослаблять централизацию власти? Или такой проблемы уже нет и надо рассредоточить власть по территориям, партиям, некоммерческим организациям?

В августе 2012 года центром «Социологические исследования» (рук. д.с.н., профессор А.В.Новокрещёнов) был проведен опрос населения Новосибирской области и экспертов, по результатам которого мы попытались определить степень социального оптимизма, представления различных социально-демографических групп о перспективах России. (Опрос проводился в городах Новосибирске, Оби, селах Новосибирского района. Опрошено 912 чел. Выборка квотная).

Прежде всего, нас интересовало, с каким чувством люди смотрят в будущее. Как известно, данный индикатор – социальный оптимизм – является основополагающим в концепции «Качество жизни» и так называемой филицитарной политики.

Многие люди с ностальгией вспоминают советское время. Это притом, что большинство жило бедно, о личном автомобиле многие могли только мечтать, в дефиците было все: и одежда, и обувь, и продукты питания. Но у этого времени было одно важное преимущество: уверенность в завтрашнем дне. Не было проблемы с работой, цены на основные товары

и услуги десятилетиями не менялись, бесплатными были медицина, образование, белый хлеб стоил 24 копейки, а проезд на трамвае – 3 копейки. Поскольку большой разницы в доходах не было, то не было и нынешней злобы и зависти. Заметим, что сейчас доброжелательными отношениями между людьми оценивают только 23%. Раньше все друг друга называли – товарищ, что являлось признаком равенства. Конечно, абсолютного равенства не было, главным критерием стратификации было образование. Шанс продвинуться вверх по стратификационной лестнице имел тот, у кого было хорошее образование и профессиональная квалификация. Кто стремился сделать карьеру в органах власти, тот должен был продемонстрировать преданность идеалам коммунизма и делу Коммунистической партии. Всем все было ясно. На этом держался социальный оптимизм.

С каким чувством сегодня люди смотрят в будущее? Обратимся к результатам опроса. Сперва рассмотрим результаты по всему массиву опрошенных, а потом по отдельным социально-демографическим и территориальным группам. *Наибольшая часть среди ответивших на этот вопрос респондентов – 32 %, в будущее смотрят «с надеждой и оптимизмом». Что конечно не может не радовать. Но вместе с тем, 32 % это меньше даже 1/3. Примерно столько же – 29 % (разница в пределах статистической погрешности) в будущее смотрят «спокойно, но без особых надежд». Это люди, смирившиеся со своим положением и положением дел в обществе, для них главное – «лишь бы не было хуже». Надо заметить, что в этой группе и мужчины и женщины думают одинаково. А если рассмотреть этот ответ с точки зрения возраста респондентов, то здесь мы увидим существенную разницу. С надеждой и оптимизмом в будущее смотрят 45 % лиц в возрасте от 18 до 30 лет, 30 % от 31 до 60 лет, и только 19 % в возрасте 60 лет и старше. То есть, явно видно, что по мере увеличения возраста респондентов оптимизм резко падает. Молодым свойственен оптимизм. Но всё же таких всего 45 %. А остальные? Среди остальных 26 % смотрят в будущее «спокойно, но без особых надежд», 12% – «с тревогой и беспокойством», 8 % – со «страхом и отчаянием». Получается примерно поровну оптимистов и пессимистов, причем среди пессимистов есть те, кто занимает совершенно крайнюю позицию. Это то, что касается молодежи.*

Среди других возрастных групп ситуация выглядит иначе. Особого внимания заслуживают варианты «с тревогой и беспокойством» и «со страхом и отчаянием». В совокупности их выбрали 29%. В основном это лица среднего (от 30 до 60 лет) – 32%, и пожилого возрастов (старше 60 лет) – 37%. Среди последних 18 % в будущее смотрят «со страхом и отчаянием». Старшее поколение в своем большинстве не видит позитивного выхода из той ситуации, в которой оказалась наша страна, ни для себя, ни для своих детей и внуков. Может быть потому, что лучшие свои годы они жили в других условиях. Впрочем, как сказал поэт «в прошлом время любое лучше всегда», когда даже плохое – хорошее.

Рассмотрим, как влияет на ответы на этот вопрос уровень образования респондентов. Это важно ещё и потому, что начался новый этап реформы образования, этап, самой заметной идеей которого является сокращение вузов, а соответственно, преподавателей и студентов. Возможно, реформаторы правы: «фабрики дипломов», которых у нас развелось огромное количество, дискредитируют саму идею высшего образования. Но посмотрим на это с другой стороны. В таком важном вопросе, как оценка своей собственной жизненной перспективы, уровень оптимизма прямо пропорционален образованию. Чем выше уровень образования респондентов, тем больше среди них тех, для кого будущее представляется в позитивном свете. «С надеждой и оптимизмом» в будущее смотрят:

среди лиц, не имеющих среднего образования – 18 %,
имеющих среднее образование – 24 %,
имеющих среднее специальное образование – 30 %,
имеющих высшее образование – 40 %.

Соглашаясь в целом с критиками современной высшей школы, мы не можем оспорить тот факт, что у тех, кто имеет высшее образование, социальный оптимизм несравненно выше, чем у тех, у кого этого образования нет.

И ещё один фактор – место жительства респондентов. Мы опрашивали и выясняли мнения населения трех типов поселений: жителей мегаполиса (в данном случае Новосибирска), жителей малого города (г. Обь) и жителей сельских населенных пунктов (сёла Новосибирского района). Все эти три типа поселений находятся в относительной близости друг от друга. И г. Обь, и сёла Новосибирского района тяготеют к мегаполису, это, собственно, при-

город. Но население этих трех территорий существенно отличается друг от друга. Это отличие выразилось в ответах на вопросы. Среди тех, кто «с надеждой и оптимизмом» смотрит в будущее, больше всего жителей Новосибирска – 37 %, меньше среди жителей малого города – 27 %, и еще меньше среди сельских жителей – 24 %.

Резюмируя ответы на данный вопрос, мы должны сделать вывод: социальный оптимизм населения невысок. Только 1/3 в будущее смотрит с «надеждой и оптимизмом», а 2/3 особых надежд на будущее не возлагает, более того, немало наших граждан смотрят в будущее «со страхом и отчаянием». Оптимизм более свойственен лицам в возрасте от 18 до 30 лет, лицам с высшим образованием, жителям мегаполиса, представителям малого и среднего бизнеса. Но, к сожалению, и среди них оптимисты составляют едва ли более 30%.

Будущее конкретного человека неотделимо от будущего страны. Это понимают и выражают свою тревогу за будущее страны все или почти все: и рабочие, и инженерно-технические работники, и учителя, и врачи, и пенсионеры, и другие группы населения. С чем же связана эта тревога? Что, на их взгляд, главным образом угрожает России как суверенному государству? Опрос показал, что на первом месте среди угроз наибольшее число опрошенных – (48 %), называют коррупцию в органах власти и других сферах. Коррупцию как главную проблему государства называл и В.В. Путин [2]. Масштабы коррупции ему известны, конечно, лучше, чем рядовым гражданам. Впервые в ноябре 2012 года кое-что об этих масштабах граждане, да и весь мир, узнали из официальных источников на примере массовых финансовых преступлений в оборонном секторе и некоторых других отраслях. До этого её будто бы и не было. О масштабах коррупции говорила оппозиция, но официальные источники этого не подтверждали. Теперь ясно, почему В.В. Путин назвал коррупцию главной проблемой страны.

Коррупция касается не только органов власти, ею поражены все сферы жизни общества. Бросаются в глаза несоответствия. Вокруг города, как грибы, растут многомиллионные коттеджи, в самом городе строятся элитные жилые дома с дорогостоящими квартирами, и квартиры эти не пустуют. Дороги, дворы, улицы и переулки, как панцирем, покрыты автомобилями иностранного производства самых элитных марок: норковая шуба для российской

женщины стала самой обиходной вещью, растет спрос на золото и бриллианты. Все бы это должно радовать, но средняя зарплата россиян всего 23 тысячи рублей. При таких доходах (это только заплатить за квартиру и питаться в течение месяца одному человеку, экономя на всем) ни о каких квартирах, ни о каких поездках за границу мечтать не приходится. Значит, имеются другие доходы, не учтенные государственной статистикой. Очевидно, это те деньги, что мошенническим образом не попали в бюджет, или украдены из бюджета, или получены в результате завышения цен на некачественные товары и услуги. Среди этих некачественных товаров и услуг и продукты питания, и образование, и здравоохранение, и многое, многое другое, от чего зависит качество жизни и здоровья наших граждан. Было бы наивно полагать, что этого никто не понимает.

Сообщения о хищениях в Оборонсервисе появились уже после того, как был проведен опрос. Возможно, после этих сообщений результаты опроса продемонстрировали бы ещё большую тревогу. *Но и без этой информации среди угроз, которые, по мнению граждан, представляют опасность для России, на первом месте именно коррупция – 48 %, на втором месте – пьянство и деградация населения – 40 %, на третьем – экономическая отсталость – 31 %.* Заметим, что эти ответы примерно одинаковы, независимо от пола, возраста, образования, места жительства респондентов. Пожалуй, все эти три позиции надо воспринимать совместно, тем более что респондентам предлагалось из большого числа вариантов отобрать три главных. Отобрали эти варианты. Если задаться целью и определить, какой из этих трех вариантов для страны хуже, придется, вторя классику, сказать «все хуже». Именно пьянство и деградация населения ведут к экономической отсталости и коррупции.

Среди других вариантов многие респонденты отмечают слабое развитие производства – 22%, национализм (особенно в республиках) – 18%, сосредоточение всей власти в центре – 17%. Еще меньшей угрозой для страны респонденты считают слабость Вооруженных сил (9%), массовые выступления оппозиции (8%). То, что России как суверенному государству ничего не угрожает, отметили всего 5%. Как видим, централизация власти беспокоит совсем не многих. Большинство одобряет такой порядок государственного устройства. Но не беспокоят людей и выступления оппозиции

против нынешней власти. Не беспокоят потому, что не считают эти выступления серьезной опасностью. Беспокоит, как мы уже отметили, коррупция.

В мире известны два основных варианта преодоления этого явления. Демократический и авторитарный. Пример демократического варианта дают Дания, Швеция, некоторые другие европейские страны. Здесь коррупция минимальна. Основная сила, противостоящая коррупции в органах власти, – институты гражданского общества. У чиновников нет никаких тайн от населения, нет никаких иных, кроме зарплат, источников доходов. Другой вариант – авторитарный. Он тоже дает результаты. Много говорят об эффекте борьбы с коррупцией бывшего президента Сингапура Ли Куан Ю, который жестокими силовыми мерами навел в стране чистоту и преодолел коррупцию. Какой путь борьбы с ней выбрать нам: европейский или азиатский? Учитывая, что против централизации власти выступают только 17 %, причем это в основном образованные жители мегаполиса, большинство отдает предпочтение второму варианту и ждет результатов. Первые шаги, сделанные высшим политическим руководством, обнадеживают. Хотя слова В.В. Путина о том, что сейчас не 1937 год, то есть массовых «посадок» не будет, возникает вопрос, как будут сортироваться коррупционеры, кого в тюрьму, а кто пусть ещё погуляет?

Ответы респондентов на вопросы об угрозах для России различаются, в зависимости от принадлежности к тем или иным социально-профессиональным категориям. Мы уже отмечали, что все опрошенные коррупцию поставили на первое место. Но наибольшую нетерпимость к этому злу проявили рабочие (рядовые работники) и инженерно-технические работники – 53 %, наименьшую – бизнесмены – 32 %. Но на такую опасность, как экономическая отсталость, больше всего обращают внимание именно представители бизнеса, их же больше других категорий беспокоит слабое развитие производства. Именно в этом они видят главную угрозу для будущего России.

Мы попытались уточнить сферы, вызывающие неудовлетворенность респондентов, затрагивающие их непосредственную жизнь и быт. Одно дело, когда люди говорят о стране в целом, и другое дело, когда они говорят о самих себе. В этом случае их ответы более определены и конкретны. Назовем самые существенные вопросы, которые беспокоят наших людей. Это материальное положение респондента и его

семьи, работа (её наличие, оплата, условия труда), медицинское обслуживание. Но эти три главных позиции, отмеченные респондентами, в разных местах решаются по-разному. Более или менее терпимо обстоит дело в мегаполисе, похуже – в небольшом городке и совсем плохо в – сельской местности.

Отношения города и деревни сегодня приобретают острый характер. Противоречия нарастают. Местное самоуправление на селе не имеет существенных возможностей для решения жизненно важных проблем. По сути, вопрос организации местного самоуправления не решен. Это ещё одна из угроз России.

Таким образом, проблем много, все не перечислить. Они касаются и каждого в отдельности, и общества в целом. Активность респондентов дает нам основание сказать, что люди проявляют беспокойство не только о себе, но и о стране в целом. Хотя слова песни «раньше думай о Родине, а потом о себе» уже призабыты, многие наши сограждане, заглядывая в будущее, свою судьбу не отделяют от судьбы своей страны.

А теперь рассмотрим вопрос о том, от кого зависит, главным образом, решение указанных проблем? На этот вопрос получено большое число разнообразных ответов. Среди них большинство все-таки сходится на трех: на первом месте (52 %) – местные органы власти, на втором месте (48 %) – Президент РФ и Правительство РФ, на третьем месте (42 %) – органы государственной власти субъекта РФ. То есть, по мнению большинства, во всем виновата власть. Хотя 27 % указали на то, что основная ответственность ложится непосредственно на самих граждан. Надежду на Бога, родственников и прочее высказали лишь единицы.

Итак, патерналистское сознание нашего населения еще высоко. Многие уповают на местные власти, полагая, что они имеют все необходимые возможности для решения текущих проблем, но либо не могут, либо не хотят. А поскольку главная проблема (особенно в малом городе и на селе) это работа и зарплата, то именно на её решение должны быть направлены усилия власти и в первую очередь местной. Все это говорит лишь о политической наивности наших людей, непонимании сущности централизации.

В этой связи важно выделить ту группу граждан, которая действительно ощущает себя не подданными, а гражданами, уповающими не на власть, а на самих себя.

Среди мужчин они составляют 30%, среди женщин 25%. Уверенность в себе, чувство гражданственности возрастает с увеличением уровня образования. Если среди лиц, не имеющих среднего образования, таких нет вообще, то среди тех, кто имеет высшее образование, – 34%. Это ещё раз говорит в пользу образования. Хорошее образование или плохое (конечно, хорошее лучше, чем плохое), но, как видим, этот фактор существенно влияет на становление гражданина, именно из этих людей формируется гражданское общество. 57% из тех, кто уповает не на государство, а на самих себя – бизнесмены, жители Новосибирска. Явление это позитивное, процент людей, надеющихся преимущественно на себя, постоянно растет. Но с другой стороны, эти люди проявляют недовольство работой органов власти. Претензии к органам власти звучат все громче.

Особую озабоченность за будущее страны жители области выразили в ответах на вопрос: «Уверены ли Вы в том, что примерно лет через 10 Россия останется в нынешних границах как единое суверенное государство?». Ответы на этот вопрос требуют глубокого и всестороннего осмысления. Сперва дадим общую картину: «да, уверен» – сказали 36%, «не совсем» – 43%, «нет, не уверен» – 24%. Уклонились от ответа всего 2% опрошенных. Таким образом, мы видим, что респондентов, абсолютно уверенных в том, что Россия лет через 10 сохранится как единое суверенное государство, лишь чуть более 1/3, большинство в той или иной степени не уверены. Надо сказать, мысль о возможности распада России в ближайшем или отдаленном будущем произносится довольно часто. Об этом можно услышать и в политических дискуссиях, которые звучат с экранов телевизоров, и в материалах серьезных исследований, и в речах политических деятелей. Такое впечатление, что народ приучают к неизбежному.

Как реагируют на это различные социальные слои и группы? В зависимости от пола, существенной разницы нет. И мужчины, и женщины думают примерно одинаково. А вот в зависимости от возраста изменения уже есть. Больше всего сомневающихся в том, что Россия сохранится как единое суверенное государство, среди молодежи – 48 %. Это не может не вызывать тревоги. Чувство патриотизма многим представителям молодого поколения привить не удалось. О каком патриотизме можно говорить, когда высшее политическое

кое руководство покупает дворцы за рубежом, там же хранит свои деньги, там же лечится, обучает детей и внуков. Может сложиться впечатление, что представители власти уже готовятся к отъезду на ПМЖ за рубеж.

В зависимости от образования. Больше всего пессимистов на счет будущего России среди лиц, не имеющих среднего образования. Среди них ответ «да, уверен» дали лишь 11%, «не совсем уверен» – 42%, и «не уверен» – 47%. Среди лиц с высшим образованием картина не столь мрачная, но и не оптимистическая: «да, уверен» – 30%, «не совсем уверен» – 42%, «не уверен» – 21%. Другими словами, почти 70% лиц с высшим образованием предполагают, что лет через 10 России как единого суверенного государства может и не быть.

В зависимости от рода занятий. Как ни странно, наиболее патриотичны предприниматели. Среди них 40 % уверены в том, что Россия останется единым суверенным государством, иначе думают лишь 18 %. Все остальные профессии думают примерно одинаково. Для 2/3 опрошенных жителей Новосибирской агломерации будущее страны вызывает большие сомнения.

Когда возникают вопросы, почему на президентских выборах большинство проголосовало за В.В. Путина, почему на сентябрьских выборах 2012 года в региональные и местные органы власти большинство было на стороне «Единой России», могут быть даны простые ответы. Потому что В.В. Путин выстроил «вертикаль власти», установил жесткую централизацию и тем самым не допустил распада страны в 2000-х годах, когда такой распад уже фактически начался. Другой силы, способной не допустить центробежные процессы, у нас просто нет.

1. Путин В.В. О стратегии развития России до 2020 года / В.В. Путин // Российская газета. 2008. 9 февраля.

2. Путин В.В. Мы должны победить коррупцию / В.В. Путин // Вестник российской нации. 2012. № 2/3. С. 49.

1. Putin V.V. O strategii razvitiia Rossii do 2020 goda / V.V. Putin // Rossijskaja gazeta. 2008. 9 fevr. (Russian).

2. Putin V.V. My dolzhny pobedit' korrupciju / V.V. Putin // Vestnik Rossijskoj nacii. 2012. № 2/3. S. 49 (Russian).

UDC 32.019.52

CENTRALIZATION OF AUTHORITIES AND FUTURE OF RUSSIA (ANALYSIS OF SURVEY OF NOVOSIBIRSK AGGLOMERATION INHABITANTS)

Novokreshchyonov Aleksandr Vasilievich,
Russian Presidential Academy
of National Economy and
Public Administration, Siberian
Institute of Administration branch,
Professor at the Chair of State
and Municipal administration,
Doctor of Science (Sociology), Professor,
Novosibirsk, Russia.
E-mail: novokreschenov@sapa.nsk.su

Annotation

The article shows the estimation of various layers and groups of Novosibirsk agglomeration inhabitants, their ideas of future of Russia. The article is based on the survey.

Key concepts:

social optimism, quality of life, state sovereignty, "vertical power structure", centralization, decentralization.

УДК 329

ОСОБЕННОСТИ И ДИСКУРС РОССИЙСКОГО НЕОЛИБЕРАЛИЗМА: СТАНОВЛЕНИЕ «ГИБРИДНОЙ» МОДЕЛИ

Хмелинин Алексей Алексеевич,
Уральский федеральный университет
им. Первого Президента
России Б.Н. Ельцина,
аспирант,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: xalexan@inbox.ru

Аннотация

В статье автор, применяя дискурс-анализ, рассматривает особенности современного российского неолиберализма.

Выдвигается гипотеза о гибридном характере современного российского неолиберализма – как основной его особенности, которая заключается в том, что данная идеологическая доктрина имеет потенциал адаптации к условиям политической реальности, позволяющий ей принимать различные, подчас симбиозные, формы с иными доктринами.

Ключевые понятия:

неолиберализм, дискурс, гибридность, социальная справедливость, политическое пространство.

Дискурс-анализ как одно из актуальных и эффективных направлений политических исследований позволяет проследить формирование и реализацию неолиберальной доктрины в контексте иных идеологических платформ.

Интересной представляется дискурс-теория Я. Торфинга, построенная в русле постструктурализма. Согласно данной теории «не существует первичной, самодетерминированной сущности, которая определяет и упорядочивает все отношения идентичности», поэтому она «образуется в ходе позиционирования в отношении других означаемых явлений» [17]. С данной позиции феномен неолиберальной доктрины может быть раскрыт только в сравнении с феноменами других политических доктрин.

Кроме того, динамический аспект дискурса позволяет рассматривать и объяснять трансформации в политической сфере, в том числе и процессы адаптации политических доктрин к существующей социально-экономической реальности. Подтверждение этому можно увидеть в теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муффа. В их прочтении политическая сфера общества есть не что иное, как поле перманентной дискурсивной «битвы». Исходя из такого понимания политической сферы, российский неолиберализм как идеология и политическая доктрина есть результат конструирования политики именно в России, в современный исторический период и на этих идеологических платформах (консерватизм, либерализм, социализм).

Видный либеральный философ Дж. Грей писал: «Ожидать от России, что она гладко и мирно примет одну из западных моделей, означает демонстрировать вопиющее незнание ее истории, однако подобного рода ожидания, подкрепляемые подслеповатым историческим видением неолиберальных теоретиков, в настоящее время лежат в основе всей политической линии Запада» [6, с. 13].

Неолиберализм был своеобразным откликом политической идеологии развития общества и государства на угрозы современности (кризис индустриализма), если пользоваться терминологией Тойнби. Первые результаты существования этой доктрины в западных обществах позволили в научном плане говорить о доминировании индивидуалистических настроений во всех сферах жизнедеятельности общества (тэтчеризм, рейганомика). М. Фридман утверждал, что: «Позитивная экономическая теория есть или может быть объективной

наукой в том же самом смысле, что и любая естественная наука» [21, с. 20]. Первые результаты привели к восторженному восприятию доктрины и последующей апробации на «незападных» государствах. Однако и начались первые проблемы – неолиберализм затормозил развитие мирового хозяйства и резко перераспределит богатство в пользу богатого меньшинства (стран и населения).

Российское общество последние двадцать лет находится в состоянии перманентной трансформации. За эти годы в РФ также проводились неолиберальные реформы. Уже к середине 90-х годов мнение о «провале» этих реформ, приведшем к социально-экономической катастрофе, стало общепризнанным среди отечественных и западных специалистов. Бывший идеолог неолиберализации Дж. Стиглиц дает ясную оценку: «Россия обрела самое худшее из всех возможных состояний общества – колоссальный упадок, сопровождаемый столь же огромным ростом неравенства. И прогноз на будущее мрачен: крайнее неравенство препятствует росту» [18, с. 45].

По мнению С. Кара-Мурзы, сегодня в России налицо кризис всего «неолиберального капитализма», который зародился в реальном секторе экономики. И он обязательно затрагивает политическую систему, структуру ценностей, идеологию [1].

Попытаемся выделить основные особенности дискурса российского неолиберализма. Среди таковых наиболее значимой выступает *его гибридный характер как особенность конструирования российской политической реальности*.

В 90-е гг. постсоветская Россия столкнулась с кризисом социалистической идеи и разочарованием в либеральной идеологии. Популярность стали получать политико-идеологические симбиозы, состоящие из различных идеологических доктрин (например, консервативно-социалистический гибрид, либеральный консерватизм, социальный либерализм). Матвеева С.Я. в своих исследованиях выделяет такие понятия и идеологические платформы, как «социальный консерватизм», «прогрессивный консерватизм», «демократический консерватизм», «либеральный консерватизм», «консервативный либерализм», «социальный либерализм», «либеральный социализм» и т. д. [16].

В российских условиях традиционно популярными и понятными можно считать доктрины консерватизма и социализма. Однако объединение консерватизма и ли-

берализма будет зависеть от соотношения компонентов и от внешнего воздействия – условий, которые определяют содержание и темпы процесса в зависимости от потребностей конкретного момента или субъекта. П.Б. Струве полагал, что либеральный консерватизм возникает в некоторой точке, где «либерализм и консерватизм, конечно, сходятся» [14, с. 133], однако приоритетными будут являться принципы консерватизма, которые претерпевают некоторые изменения в связи с глобальными переменами. Другие исследователи настаивают именно на варианте «консервативного либерализма», который является одной из форм либерализма и «пытается проработать либеральную парадигму, ее основные идеи и принципы с учетом конкретных нравственных идеалов, исторически сложившегося регионального, культурного и профессионального опыта» [8, с. 6].

Характеристика курса неолиберальных реформ в России имеет в основном негативный оттенок: разные специалисты в разное время называли его «шоковой терапией» [9], «Вашингтонским консенсусом» [7], «модернизацией», «стратегией перехода» [18] и т. д.

Базовыми характеристиками «неолиберальной стратегии перехода» называются три направления экономической политики: стабилизация, либерализация и приватизация государственных предприятий. М.Г. Макарычева отмечает, что к особенностям российского неолиберализма «необходимо также отнести прекращение государственного распределения ресурсов и снятие некоторых барьеров в сфере международной торговли и капиталовложений» [6].

Для российской политической ситуации характерно рассматривать неолиберализм как главный из факторов, способных ввести общество в состояние анархии «Когда те, кому выпала доля пережить то время, вспоминают о нем, в их памяти всплывает картина безграничного, бескрайнего либерализма – всеобщие хаос и анархия, массы людей, бросившихся на улицы продавать все, что у них есть под рукой, чтобы хоть как-то прокорчиться, трескающая демагогия власти о «невидимой руке» рынка, которая, мол, одна только способна спасти страну, и быстрое формирование класса крупных собственников». Так описывает отношение к неолиберальным реформам под руководством Е. Гайдара В. Бушуев [2].

Таким образом, причины кризиса в стране российское общество склонно искать в неолиберальных ценностях, пред-

лагаемых отдельными представителями правящего режима (Б. Ельцин, Е. Гайдар, А. Чубайс) или некоторыми политическими силами («Единая Россия»). Это и послужило причиной того недоверия, которое современное российское общество проявляет как к политическим силам неолиберального и либерального толка, так и к самим идеям и ценностям неолиберализма.

Самое значимое обвинение неолиберальной политике в России предъявляется в отношении социальной справедливости и культурных проблем. Так, например, Т.И.Заславская свидетельствует: «В последние годы в нашей стране наблюдается снижение социальных запросов населения вследствие постепенного свыкания с бедностью и утраты надежд на восстановление прежнего уровня жизни» [10, с. 13].

Однако, по мнению Б.Ю. Кагарлицкого, «эти-то претензии как раз не обоснованы, потому что неолиберализм не обещает нам социальной справедливости, он обещает нам только ускорение экономического роста. Но во всех странах, где проводится экономическая политика в духе неолиберализма, в долгосрочной перспективе наблюдается замедление экономического роста. Вот это – статистический факт» [8, с. 3]. И действительно, этот «факт» можно увидеть в первоначальном «чилийском чуде», в неолиберальных экспериментах в Юго-Восточной Азии и т.д.

Потребность в социальной справедливости в силу постоянно возрастающего неравенства во всех областях жизни общества. Такие ошибки привели к высокому уровню бедности в России. По некоторым оценкам, уровень бедности в стране достигает 65–70 % населения.

Высокий уровень социально-экономического неравенства приводит к недоверию ко всем переменам и лицам, их олицетворяющим, однако для России характерно и то, что растущее неравенство привело к преобладанию авторитаризма. По мнению одного из реформаторов перестроечной волны, А.Яковлева, проблема России заключается в том, что она «находится в состоянии давнего противоборства двух основных тенденций – либерализма и авторитаризма, определяющих на самом деле будущее России» [23, с. 35].

Здесь мы выделяем следующую особенность – *это двойственное восприятие населением либерально-демократических ценностей и институтов в российской современной ментальности. Согласно опросам общественного мнения, либеральные цен-*

ности и демократические институты не востребованы населением, не в полной мере принимаются им, однако и не отвергаются полностью.

К началу XXI века в России произошло накопление, по выражению В.Н. Якимца, критической массы «несправедливых неравенств» [24, с. 114], что повлияло на отторжение населением некоторых либеральных ценностей, провоцирующих и усугубляющих социальное неравенство.

Понимание социальной справедливости и ее востребованность – традиционно злободневная российская тема наравне с такими понятиями, как свобода, конкуренция, демократия. Разнотенность и противоречивость интерпретации понятия социальной справедливости всегда лежат в основе политических российских преобразований. Поэтому и восприятие категории «социальная справедливость» чаще всего происходит по аналогии с «социальным равенством», которое достижимо в условиях демократического общества.

По мнению Бойкова В.Э., признание людьми ценностей, выраженных в понятиях «материальное благополучие», «социальная справедливость», «демократия», ведет к «согласию умов», ценностно-ориентационному единству социума; напротив, существенные разногласия в понимании их смысла, а также большое расхождение между доминирующими в массовом сознании ценностными представлениями с социальной практикой могут, как представляется, повлечь за собой социальную дезинтеграцию общества [3, с. 28].

Отчасти подтверждение этому было получено в результате проведения выборов в Государственную Думу в декабре 2011 и президентских выборов в марте 2012 года. Протестные настроения, общее несогласие, осознание возможности наконец-то «отдать» свой голос и повлиять на ситуацию разделили российское общество на отдельные социумы.

Еще одним итогом прошедших выборов явилось движение российской политической системы в сторону старой, консервативно-патерналистской модели управления. По мнению С. Вилисова, 2 декабря 2011 года произошел крах неолиберализма в России, что, впрочем, отразило глобальные тенденции краха данной идеологии в мировом масштабе [5].

Такое «раскачивание» политического маятника в политической сфере России от радикального либерализма к радикальному же консерватизму находит свое отраже-

ние и в цикличности политического курса. Как отмечает Г. Хейл, в России, вплоть до 2025 года, не представляется возможной реализация подлинной демократии: «Более реальной представляется модель циклической смены режимов, когда период политической открытости, приходящий вслед за отстранением предыдущего режима от власти, прерывается и сменяется чем-то похожим на этот предыдущий режим» [22, с. 31].

Как показывают различные социологические опросы населения, рост оптимистических взглядов на ближайшее будущее, наблюдавшийся в течение нескольких прошлых лет, сменился преобладанием пессимистических ожиданий. Тем не менее, неолиберализм как экономическое направление продолжает активно развиваться, усиливая социальное неравенство.

И в этом проявляется следующая особенность российской модели неолиберализма – его противоречивость. С одной стороны, проводимые реформы были направлены на решение проблем социума (монетизация льгот, реформа ЖКХ, пенсионная и бюджетная реформы), с другой стороны – реализация всех направлений реформирования привела к формированию транснациональных корпораций, коммерциализации социальной сферы, резкому разрыву между доходами населения и способствовала росту социального неравенства. «По данным, приведенным в октябре 2012 года в докладе Global Wealth Report, на долю 1 % самых богатых россиян приходится 71 % всех личных активов – в 2 раза больше, чем в США, Европе, Китае, в 4 раза больше, чем в Японии» [16].

Тенденции, характеризующие дуальный вектор развития российского неолиберализма, можно проследить в последовательном, преемственном реформировании социально-экономической сферы. Б. Макаренко, рассматривая транзитные переходы посткоммунистических стран к неолиберальной модели, высказывает мнение, что их главной специфической чертой является «существенно большая роль субъективных процедурных факторов (agency) политического развития в сравнении с объективными, структурными (structure)» [11, с. 84]. Так, радикальные действия по переходу к демократической либерально-рыночной модели управления начали осуществляться в период президентства Б. Ельцина, и связаны они с именами Е. Гайдара, А. Чубайса. Один из самых значительных «промахов» маркетизации – ваучеризация по

Чубайсу. Фактически неолиберализм стал радикальной доктриной, либертарианством, что противоречит сути идейной его базы – либерализма, поэтому отдельные исследователи называют его эпохой «псевдолиберализма» [4].

Далее политический курс в сторону неолиберализма продолжил преемник Б. Ельцина – В. Путин. В своем послании Федеральному Собранию он подчеркивает: «Определяющие ценностные ориентиры – идеалы свободы, прав человека, справедливости и демократии... Соблюдение принципов справедливости прямо связано с равенством возможностей. И это, в свою очередь, должно быть обеспечено не кем иным, как государством» [15]. Как раз последнее высказывание и подтверждает неолиберальную направленность курса В. Путина. Однако это была уже гибридно-противоречивая модель неолиберализма, адаптировавшаяся к изменившимся условиям социально-экономической жизнедеятельности и политической ситуации, склоняющаяся к консерватизму. Неолиберальный курс реформ был продолжен Г. Грефом, М. Зурабовым, А. Починком, на политической арене активным субъектом неолиберализации выступает СПС.

В. Путин – классический неолиберал наряду с Б. Немцовым, Г. Каспаровым, Е. Гайдаром и пр. Сейчас курс дуалистического неолиберализма осуществляет «Единая Россия», оставаясь внешне партией консервативно-охранительного толка.

В рамках своей предвыборной программы в 2012 г. В.В. Путин опубликовал статью «Строительство справедливости. Социальная политика для России», в которой изложил последовательно, как неолиберальная политика может обогатиться и «прирасти» социальными вопросами и справедливостью. Можно отметить, что социальная политика понимается Путиным как способ капитализации российского общества, при этом его предложения не вписываются в традиционную сетку «право-, левоцентристских идеологий».

В.В. Путин говорит о том, что свободный рынок и политика по развитию социальной сферы и накоплению человеческого капитала вполне совместимы и дополняют друг друга. Таким образом, можно констатировать, что современная доктрина неолиберализма в России возможно переходит на новый уровень развития и начинает носить комплексный характер.

Однако отдельные авторы высказывают мнение о том, что в России утвердился

«либеральный фундаментализм», определяющий политику и экономику, и никакие усилия по конвергенции доктрины не приводят к результатам [9].

Для России может оказаться актуальной концепция Н. Боббио относительно совмещения при демократическом режиме традиций либерализма и социализма, который отмечает, что в реальности для функционирования любого демократического режима необходима определенная доля социального равенства и справедливости [2, с.19]. Анализируя практику демократических режимов, Боббио приходит к выводу о том, что рыночная экономика есть необходимое условие демократии. Существуют недемократические общества с рыночной экономикой, но нет примеров демократий без рынка. При этом устойчивость демократическому режиму придают минимальные социальные гарантии, а это означает, что оптимальной идеологической доктриной политики является либерал-социализм, или социал-либерализм, в которой совмещаются либеральные свободы и социальные права. Принципы либерализма можно считать основой формирования демократии, а принципы социализма – основой ее устойчивости.

Неолиберализм, неосоциализм и неоконсерватизм являются одним из основных акторов политических процессов современной России одновременно как идеологические системы и как политические силы, определяемые по их взаимоотношениям с властью.

1. Батчиков, С., Кара-Мурза С. 8-я Международная конференция «Глобализация и развитие» в Гаване (Куба) [Электронный ресурс] / С. Батчиков, С. Кара-Мурза. URL: <http://www.kara-murza.ru/referat/Neoliberal/neoliberalReform.html> (дата обращения: 11.01.2013).

2. Боббио, Н. Правые и левые [Текст] / Н. Боббио // Неприкосновенный запас. 2003. № 5 (31). С. 17–31.

3. Бойков В.Э. Социально-политические ценности ориентации россиян: содержание и возможности реализации [Текст] / В.Э. Бойко // Социологические исследования. 2010. № 6 (Июнь). С. 27–35.

4. Бушуев, В. Свет и тени: от Ленина до Путина. Заметки о развилках и персонах российской истории [Текст] / В. Бушуев. М.: Культурная революция, 2006. 624 с.

5. Вилисов, С. Крах «Единой России» 4 декабря – это крах неолиберальной идеологии [Электронный ресурс] / С. Вилисов. URL: <http://kprf.perm.ru/golos-partii/analitika/sergey-vilisov-krah-edinoy-rossii-4-dekabrya-eto-krah-neoliberalnoy-ideologii/> (дата обращения: 11.01.2013).

6. Грей, Дж. Поминки по Просвещению [Текст] / Дж. Грей. М.: Практикс, 2003. 345 с.

7. Ефрементко Д.В. Вашингтонский консенсус

против консенсуса Рио. О конкуренции политических дискурсов глобализации и устойчивого развития // Свободная мысль. 2007. № 2 (1573). С. 34–45.

8. Интервью Бориса Юльевича Кагарлицкого [Текст] // Скепсис. 2010. № 3/4. С. 3–15.

9. Кляйн Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. М.: Добрая книга, 2009. 656 с.

10. Леонтьев, М. Большая Игра. Британская империя против России и СССР / Михаил Леонтьев. М.: Астрель; 2012. 347 с.

11. Макаренко, Б. Рамки развития политической системы [Текст] / Б. Макаренко // Pro et Contra. 2012. № 4–5. С. 82–92.

12. Макарычева, М.Г. «Неолиберальная стратегия перехода» в России и американская внешняя политика [Электронный ресурс] / М.Г. Макарычева // Вестник Нижегородского государственного университета. 2001. №1. URL: www.unn.ru/?main=issues&sub=vestnik (дата обращения: 11.01.2013).

13. Матвеева, С.Я. Консервативный либерализм в современной России. Либерал-радикальный проект в консервативной среде [Электронный ресурс] / С.Я. Матвеева. URL: <http://www.libertarium.ru> (дата обращения: 11.01.2013).

14. Петраков Н., Перламутров В. Россия – зона экономической катастрофы // Вопросы экономики. 1996. № 3. С. 12–23.

15. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России Владимира Путина [Текст] // Российская газета. 2005. 26 апреля.

16. Примаков, Е. Современная Россия и либерализм [Текст] / Е. Примаков // Российская газета. 2012. 17 декабря.

17. Русакова, О.Ф. Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификаций [Электронный ресурс] / О.Ф. Русакова. URL: <http://politex.info/content/view/15/42/> (дата обращения: 11.01.2013).

18. Соловейчик В. Путиями «Вашингтонского консенсуса» [Электронный ресурс] // / Соловейчик URL: <http://www.sensusnovus.ru/opinion/2012/07/23/14064.html> (дата обращения: 11.01.2013).

19. В.Стиглиц, Дж. Глобализация: тревожные тенденции [Текст] / Дж. Стиглиц. М.: Мысль. 2003. 251 с.

20. Струве П.Б. О мере и границах либерально-го консерватизма // Полис. 1994. № 3. С. 130–143.

21. Фридман М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 20–52.

22. Хейл, Г. Динамика правящего режима в России [Текст] / Г. Хейл // Pro et Contra. 2012. № 4–5. С. 30–36.

23. Якимец, В.Н. О перестройке подхода к социальной справедливости в России [Текст] / В.Н. Якимец // «Актуальные левые» в международном и российском политическом контексте. Сб.ст. / Под ред. Л.В. Сморгунова. СПб.: Нева, 2007. 98 с.

24. Яковлев, А.Н. Реформация в России [Текст] А.Н. Яковлев // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 34–46.

1. Batchikov S., Kara-Murza S. 8-th mezhdunarodnaya konferentsia «Globalization and development» in Havana (Cuba). URL: <http://www.kara-murza.ru/referat/Neoliberal/neoliberalReform.html> (дата обращения: 11.01.2013).

2. Bobbio N. Pravye i levye. // Neprikosnovenniy zapas. 2003. № 5 (31). S. 31–67 (Russian).

3. Boikov V.E. Socialno-politicheskiy tsenostnyy orentatsii rossiyan: sodержanie I vozmozhnosti realizatsii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2010. № 6. S. 27–35 (Russian).

4. Bushuev V. Svet i teni: ot Lenina do Putina. Zametki o razvilkah I personah rossiyskoy istorii. M.: Kulturnaya revoliutsiya, 2006. 624 s. (Russian).

5. Vilisov S. Kraх Edinoj Rossii 4th Dekabrya – eto kraх neoliberalnoj ideologii. URL: <http://kprf.perm.ru/golos-partii/analitika/sergey-vilisov-kraх-edinoj-rossii-4-dekabrya-eto-kraх-neoliberalnoy-ideologii/> (дата обращения: 11.01.2013) (Russian).

6. Grey Gr. Pominki po Prosveshcheniyu. M.: Praksis, 2003. 345 s. (Russian).

7. Efremenko D.V. Vashingtonskij consensus protiv konsensusa Rio. O konkurentzii politicheskikh diskursov globalizatsii i ustojchivogo razvitiya // Svobodnaya mysl. 2007. №2 (1573). S. 34–45 (Russian).

8. Interview Borisa Yurievicha Kagarlitskogo // Skepsis. 2010. № 3/4. S. 3–15 (Russian).

9. Klyajn N. Doktrina shoka. Rastsvet kapitalizma katastrof. M.: Dobraya kniga, 2009. 656 s. (Russian).

10. Leontiev M. Bolshaya Igra. Britanskaya imperia protiv Rossii i SSSR. M.: Astrel, 2012. 347 s. (Russian).

11. Makarenko, B. Ramki razvitiya politicheskoy systemy // Pro et Contra. 2012. № 4–5. S. 82–92 (Russian).

12. Makarycheva M.G.. «Neoliberalnaya strategiya perehoda» v Rossii I amerikanskaya vneshnyaya politika // Vestnik nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2001. № 1. URL: www.unn.ru/?main=issues&sub=vestnik (дата обращения: 11.01.2013) (Russian).

13. Matveeva S.Y. Konservativniy liberalism v sovremennoy Rossii. Liberal-radikalniy proekt v konservativnoy srede. URL: <http://www.libertarium.ru> (дата обращения: 11.01.2013) (Russian)

14. Petrakov N., Perlamutrov V. Rossia – zona ekonomicheskoy katastrofy. // Voprosy ekonomiki. 1996. № 3. S. 12–23 (Russian).

15. Poslanie Federalnomu Sobraniyu Rossiyskoj Federatsii Prezidenta Rossii Vladimira Putina. // Rossijskaya gazeta. 2005. 26 aprelya (Russian).

16. Primakov E. Sovremennaya Rossia I liberalizm // Rossijskaya gazeta. 2012. 17 dekabrya (Russian).

17. Rusakova O.F. Osnovnye raznovidnosti sovremennykh teorii politicheskogo diskursa: opyt klassifikatsii. URL: <http://politex.info/content/view/15/42/> (дата обращения: 11.01.2013) (Russian).

18. Solovejchik V. Putyami “Vashingtonskogo konsensusa” // URL: <http://www.sensusnovus.ru/opinion/2012/07/23/14064.html> (дата обращения: 11.01.2013) (Russian).

19. Stiglits G. Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii. M.: Mysl, 2003. 251 s. (Russian).

20. Struve P.B. O mere I granitsah liberalnogo konservatizma. // Politicheskiye issledovaniya. 1994. № 3. S. 130–143 (Russian).

21. Fridman M. Metodologiya pozitivnoy ekonomicheskoy nauki. // THESIS. 1994. Vyp. 4. S. 20–52 (Russian).

22. Hale G. Dynamika pravyshego rezhima v Rossii. // Pro et Contra. 2012. № 4–5. S. 30–36 (Russian).

23. Yakimets V.N. O pereformirovaniy podhoda k sotsialnoy spravedlivosti v Rossii. // «Aktualnye levye» v mezhdunarodnom I rossijskom politicheskom kontekste. Sb. st. / Pod red. L.V.Smorgunova. SPb.: Neva, 2007. 98 s. (Russian).

24. Yakovlev A.N. Reformatsia v Rossii. // Obshchestvennyye nauki I sovremennost. 2005. № 2. S. 34–46 (Russian).

UDC 329

FEATURES AND DISCOURSE OF RUSSIAN NEOLIBERALISM: THE ESTABLISHMENT OF “HYBRID” MODEL

Khmelinin Aleksey Alekseevich,

Ural Federal University
named after the First President
of Russia B.N. Yeltsin,
graduate student,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: xalexan@inbox.ru

Annotation

On the basis of discourse analysis the article examines the features of Russian neoliberal model. A hypothesis about its hybrid nature - as its main feature, which is the adaptation potential of the doctrine to the conditions of political reality, allowing it to take a symbiotic form, is made. Hybridity of Russian neoliberalism is both the reason and the result of double interpretation of values through the lense of “social justice” by people. The dual nature of neoliberalism is also shown in the controversial policy by power institutions.

Key concepts:

neoliberalism, discourse, hybridity, social justice, political space.

УДК 304.444

РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ РАБОЧЕГО КЛАССА: МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Коряковцев Андрей Александрович,

Уральский государственный педагогический университет, доцент кафедры политологии и организации работы с молодёжью, кандидат философских наук, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: akoryakovtsev@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается марксистская концепция революционного рабочего класса сквозь призму кризиса современного левого движения. Автор приходит к выводу о существовании противоречия между трактовкой пролетарской революционности в классическом марксизме и пониманием ее марксистскими школами, прежде всего, ленинского этапа. Последние автор предлагает выделить в качестве просветительских теорий рабочего класса. Преодоление кризиса левых в статье увязывается с воспроизводством капиталистических отношений на основе новых технологий.

Ключевые понятия:

марксизм, рабочий класс, промышленная эпоха, кризис левого движения, коммунизм, социализм, Маркс, Ленин.

Мировое левое движение до сих пор занимается тем, что пытается воскресить революционный дух рабочего класса. При этом, правда, сам индустриальный рабочий класс отнюдь не спешит влиться в ряды левых партий, поддерживая на выборах либо правых, либо представителей сексменьшинств, феминисток, защитников природы и прочей контркультуры. К 1997 г. среди членов ФКП число рабочих сократилось до 31%, качественно этот показатель не изменился и поныне. В Испании на волне нынешних социальных протестов стихийно возникают органы прямой демократии («ассамблеи»), но левые партии из них изгоняются самими гражданами. Кризис капитализма резко увеличил число протестных акций, но не породил победоносного антикапиталистического движения и не вывел его из идейного коллапса послевоенной эпохи. По большому счету, борьба сейчас идет не столько против капитализма самого по себе, сколько за восстановление полуразрушенной неолибералами перераспределительной системы (которую можно назвать формой социализма, единственно возможной в данных общественных условиях). Это не случайно. Социалистические паллиативы послевоенной эпохи были вызваны к жизни тем, что они решали проблему массовой нищеты, по крайней мере они сделали эту проблему регулируемой.

Можно было бы на этом закрыть тему социализма как альтернативного капитализму общественного строя. Это действительно стоит сделать, если социализм понимать в духе советского «марксизма-ленинизма» как то, что можно и нужно «ввести» и «построить» в ответ на низкий материальный уровень «трудовых масс». Но, во-первых, «вводится» и «строится» не социализм как особая система социальных связей, а только конкретный социальный институт – социально-ориентированная перераспределительная система. Во-вторых, дело в том, что *не* нищета как таковая, согласно К. Марксу, является предпосылкой деятельности, преобразующей капиталистическое общество (если бы это было так, то марксизм ничем не отличался бы от бакунизма). Социальные бедствия порождают социальный протест, но чтобы он включал в себя социальную новацию, он должен быть связан с социальной практикой, созидающей качественно иные общественные отношения. Классик пишет: «Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а следовательно, капи-

талистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание <N.V.: коммунизм понимается в данном случае К. Марксом не как действие политической партии, а как именно «естественный процесс» – А.К.>. Это отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а *индивидуальную собственность* <выделено мной – А.К.> на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства» [4, с. 773].

Кооперацию и *общее владение* К. Маркс трактует как достижение капитализма, ставшее основой индивидуальной собственности, которая приводит на смену частной; индивидуальная собственность есть то, что следует за капитализмом. Процессы обобществления происходят благодаря тому, что в недрах самого капитализма складывается порождающая их общественная практика. Субъектом ее должен выступить пролетариат как класс, революционизирующий общество постольку, поскольку он включен в *непосредственно-общественное производство*, [6, с. 350] это вытекает из самого его места в общественном разделении труда. Коммунизм К. Маркс и Ф. Энгельс определяют как практическую деятельность, которая преодолевает всякую общественную и личную ограниченность: «...частная собственность может быть уничтожена только при условии всестороннего развития индивидов» [2, с. 441]. «Всестороннее развитие индивидов» согласно классическому марксизму и есть положительная программа коммунистической революции.

Но, как свидетельствует история фабрично-заводского пролетариата, его место в общественном разделении труда определила и ограниченность его революционности рамками эпохи становления индустриального производства. Очевидно, что дело тут не в особом «месте» в системе разделения труда, а в самом по себе разделении труда и, стало быть, в самом труде как условии отчуждения. Преодоление социальной ограниченности есть преодоление этих условий. Подлинный субъект снятия отчуждения мы должны искать не в системе общественного разделения труда, а там, где она преодолевается, где исчезает сам труд. «Уничтожение труда» и коммунизм как отрицание частной собственности – это для К. Маркса стороны *одного и*

того же процесса снятия социальных противоречий: «Если частной собственности хотят нанести смертельный удар, то нужно повести наступление на частную собственность не только как на *вещественное состояние*, но и как на *деятельность*, как на *труд*. Одно из нелепейших недоразумений – говорить о свободном, человеческом, общественном труде, о труде без частной собственности. ... Таким образом, упразднение частной собственности становится действительностью *только тогда* <курсив мой – А. К.>, когда оно понимается как упразднение “труда”». [5, с. 242]

Но как возможно подобное развитие в условиях разделения труда, не преодолимого в рамках индустриального производства? Не трудно заметить, что К. Маркс принимает промышленное производство за непосредственно-общественное, а фабрично-заводской пролетариат – за носителя непосредственно-общественной практики, «производящей общение». В результате мы видим противоречие между эмпирическим фабрично-заводским пролетариатом и тем, кем он должен быть, коль скоро «его цель и его историческое дело предугадывается его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества» [1, с. 40]. Классический марксизм замкнут рамками этого противоречия и движется в них. В итоге оно развивается в противоречие между эмпирическим пролетариатом и его понятием, которое противостоит первому подобно метафизическому понятию совершенно в духе гегелевского панлогизма.

Фабрично-заводской пролетариат избегнул бы эксцессов, связанных с «грубым» коммунизмом, если бы подвергся критике как субъект отчуждения. Но откуда она могла взяться? Причем необходимо, чтобы это была именно его *самокритика*, ибо только тогда произошло бы его *саморазличение* и *самоопределение* как субъекта всеобщего освобождения. Но мог ли фабрично-заводской пролетариат стать субъектом отрицания себя как субъекта труда? Мог ли он стать субъектом *практической* критики труда? Позволяли ли ему это сделать сами производительные силы, частью которых он был?

Нет: разделение труда, соответствующее фабрично-заводскому производству, разнородно отчужденный труд и освобождающую «самодеятельность» по разным сторонам общественной иерархии. Это приводило к тому, что «различие между индивидом как личностью и случайным индивидом» становилось «историческим фактом» [2, с. 71].

Не только социальные низы, но и выходцы из господствующих слоев неизбежно

приходят к конфликту со своей средой, если только осознают ее ограниченность. Человечность как рабочего, так и буржуа в одинаковой степени проявляется в той мере, в какой они превосходят свой классовый статус. Конечно, отдельные персоны из ремесленной или фабрично-заводской среды могли подняться до высот рефлексии (В. Вейтлинг и И. Дицген), но суть дела заключается в том, что они в этом случае переставали быть рабочими и ремесленниками. Своеобразно понял это В. И. Ленин, признавший, что индустриальный пролетариат не способен самостоятельно выработать социалистическое самосознание. На этом историческом факте зиждется ленинское учение о политической партии рабочего класса. Чтобы стать революционным, пролетариат должен стать объектом воздействия революционеров, которые в таком случае становятся подобными воспитателям Ж. Руссо. Но перефразируем К. Маркса («кто воспитает воспитателей?»): кто *революционизирует революционеров?* Нетрудно в подобных революционных теориях увидеть просветительскую традицию: апелляцию к разуму, только на этот раз – к разуму класса. Все они прямо или косвенно, признают, что пролетариат *не* революционен по самой своей природе, что он не может стать самостоятельным политическим субъектом. Политическая деятельность является потребностью рабочего класса, поскольку, только участвуя в ней, он удовлетворит свои классовые интересы, но она же не является потребностью эмпирических пролетариев, поскольку их жизненные, житейские цели и задачи лежат вне пределов политической сферы общества. Вот почему подобные теории (ленинизм, троцкизм, сталинизм, учение Д. Лукача, грамшианство и т.д.) необходимо выделить и противопоставить классическому марксизму как просветительские теории рабочего класса. Сам факт существования подобных теорий, исходящих из практической необходимости, говорит нам: зрелого пролетариата, которой бы сам, без посредников, мог решать свою судьбу, в промышленную эпоху не появилось. Следовательно, в эту эпоху отсутствовал субъективный фактор пролетарской революции, без которого она могла принимать только неадекватные, превращенные, паллиативные формы.

Но социальная теория К. Маркса подразумевала, что не идеи, а *интересы* житейского свойства определяют поведение людей. Пролетариат, по его мысли, должен добиться своего освобождения сам, исходя из своих интересов, а не посредством знания-разума профессионалов-революционеров, пусть

даже субъективно и объективно связанных с ним. «Коммунисты не являются особой партией, противостоящей другим рабочим партиям. У них нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом. Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, *не зависящие от национальности* (курсив мой – А.К.) интересы всего пролетариата; с другой стороны, тем, что на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями интересов движения в целом» [3, с. 437]. Пролетариат в этом отрывке обозначен как субъект революционной практики, но отнюдь не как исполнитель чьей-либо воли. Конечно, К. Маркс проводил различие между «передовыми» и «отсталыми» отрядами рабочего класса и также занимался строительством партии. Но создаваемый им Интернационал – это организация международная, открытая, напоминающая общественное движение, нежели организацию профессиональных революционеров, противопоставляющих себя всем остальным рабочим движениям и эмпирическому рабочему классу. В этом – противоречие между просветительскими теориями рабочего класса и классическим марксизмом. Последний не мыслит революцию вне пролетариата; революция для него и есть сам пролетариат. Но суть дела в том, что этот пролетариат связан с исторически ограниченной формой общественного производства.

Таким образом, классический марксизм заявлял о себе как о «практическом материализме», но связал достижение своих конечных целей с ограниченным социальным субъектом, который не мог осознать эти цели как свои собственные, реализовать их практически. Это заставляет сделать вывод: либо эти цели не верны, либо пролетариат «не тот», им не соответствующий. Но цели коммунизма не умозрительны, они коренятся в самом процессе отчуждения труда и сводятся к снятию этого отчуждения, имеющего *всеобщий* характер. Они *всеобщи* в том смысле, что необходимость их достижения воспроизводится в потребностях каждого индивида, безотносительно к его социально-классовой принадлежности и к тому, осознает он это или нет. Тогда как социальный субъект, воспроизводящий это отчуждение как самоотчуждение, но не осознающий его, сам производит частность своих интересов, и по этой причине исторически преходящ. К тому же необходимо учитывать, что поня-

тие «пролетариат» у К. Маркса описывает не технику и не технологию, и не фабрично-заводскую технологию саму по себе, а особую ситуацию трудящегося, связанную с тем, что он находится в отношении найма и участвует в производстве капитала [4, с. 628]. Эти отношения воспроизводятся и в нашу эпоху уже в рамках иных, «когнитивных» средств производства, что говорит о том, что в данных условиях формируется новый субъект отчуждения и его отрицания. Другое дело, что процесс его становления пока не завершен; общество переживает период классового образования. Только этим можно объяснить парадокс, состоящий в том, что объект социальной критики ныне очевиден (отчуждение, описанное в художественной, философской и научной литературе), а его субъект (он же и субъект его практической критики) представляется отсутствующим.

Идея о новом субъекте революционных преобразований не нова. Проблема в том, что часто авторы просто переносят схемы просветительской теории рабочего класса на современную эпоху. Тогда как, согласно марксистской методологии, перспективы социальных преобразований необходимо выводить из новых форм общественного разделения труда, рождающихся в недрах капиталистического способа производства на основе новых технологий.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Соч. Т. 2. С. 3-230.

2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 3. С. 7-544.

3. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 4. С. 410-459.

4. Маркс К. Капитал. Т. 1 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 23. 907 с.

5. Маркс К. О книге Фридриха Листа «Национальная система политической экономии» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 42. С. 228-258.

6. Маркс К. Экономические рукописи 1857-61 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). В 2-х ч. Ч. 2 // М.: Политиздат, 1980. 619 с.

1. Marks K., Jengel's F. Svjatoe semejstvo // Soch. T. 2. S. 3-230 (Russian).

2. Marks K., Jengel's F. Nemeckaja ideologija // K. Marks, F. Jengel's. Soch. T. 3. S. 7-544 (Russian).

3. Marks K., Jengel's F. Manifest kommunisticheskoj partii // K. Marks, F. Jengel's. Soch. T. 4. S. 410-459 (Russian).

4. Marks K. Kapital. T. 1 // K. Marks, F. Jengel's. Soch. T. 23. 907 s. (Russian).

5. Marks K. O knige Fridriha Lista «Nacional'naja sistema politicheskoj jekonomii» // K. Marks, F. Jengel's. Soch. T. 42. S. 228-258 (Russian).

6. Marks K. Jekonomicheskie rukopisi 1857-61 gg. (Pervonachal'nyj variant «Kapitala»). V 2-h ch. Ch. 2 // M.: Politizdat, 1980. 619 s. (Russian).

UDC 304.444

REVOLUTIONISM OF WORKING CLASS: MARXIST THEORY AND MODERN REALITY

Koryakovtsev Andrey Aleksandrovich,

Ural State Pedagogical University,
Associate Professor at the Chair of Political
studies and Youth Networking,
Candidate of Science (Philosophy),
Yekaterinburg, Russia.

E-mail: akoryakovtsev@yandex.ru

Annotation

The article examines Marxist concept of revolutionary working class through the lens of crisis of modern left movement. The author comes to the conclusion that there is a contradiction between proletarian revolutionism concept in classic Marxism and its interpretation by Marxist schools particularly of Lenin period. The author suggests making those educating theories of working class. The article connects overcoming the crisis of the left movement with reproducing capitalist relations based on new technologies.

Key concepts:

marxism, working class, industrial era, crisis of the left movement, communism, socialism, Marx, Lenin.

УДК 329.11'13 + 329.3:23

АНДРЕС БОРРЕГО – КОНСЕРВАТИВНЫЙ ИДЕОЛОГ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Василенко Юрий Владимирович,
Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук,
старший научный сотрудник,
кандидат философских наук,
г. Пермь, Россия.
E-mail: yuvasil@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу идей выдающегося испанского журналиста и политического идеолога XIX в. Андреса Боррего Монтеро. Его политико-идеологическая парадигма, располагающаяся между либерализмом и либеральным консерватизмом, предполагала поиск «золотой середины» между свободой и порядком и легла в основу деятельности таких центристских партий, как Либеральный союз генерала Л. О'Доннелля, Либерально-консервативная партия А. Кановаса дель Кастильо и Народная партия Х.М. Аснара.

Ключевые понятия:

политическая идеология, либеральный консерватизм, Испания, XIX век, Андрес Боррего.

Выдающийся испанский политический журналист Андрес Боррего Монтеро (1802–1891), уроженец Малаги, является одним из основоположников наиболее либеральной парадигмы либерально-консервативной политической идеологии в Испании. Политико-идеологическая идентичность Боррего – между *либерализмом и либеральным консерватизмом* – на всем протяжении его жизни почти не изменялась, что в среде либеральных консерваторов – явление исключительное. Идеи, взгляды и ценности, сформулированные Боррего в 1830–1840-е гг., были положены в основу политической практики левой фракции «модерадос» во главе с Х.Ф. Пачеко-и-Гутиерресом Кальдероном и Н.П. Диасом-и-Корбелье. В середине 1850-х гг. на основе этой фракции была создана новая либерально-консервативная партия – «Либеральный союз» (ЛС) [7; 12] – во главе с генералом Л. О'Доннелем-и-Хорисом; в середине 1870-х гг. личный секретарь генерала и земляк Боррего – А. Кановас дель Кастильо – формирует испанскую Либерально-консервативную партию и считается одним из авторов идей, взглядов и ценностей, исповедуемых в 1980-х гг. испанским правоцентристским – либерально-консервативным – Народным фронтом во главе с М. Фрагой Ирибарне и, соответственно, его современной политико-идеологической наследницей – Народной партией во главе с Х.М. Аснаром. Последний всегда называл себя либералом, но «имел славу консерватора [2, р. 10]. Та же судьба постигла и Президента II Республики – «консерватора в пределах либерализма» [1, р. 252], или ловкого консерватора [8, р. 457] – М. Асанью-и-Диаса. В той или иной степени эти эпитеты могут быть отнесены и к Боррего. В этом контексте значимость Боррего как политического идеолога переоценить невозможно: почти ровесник XIX века, он может рассматриваться как одна из парадигмальных фигур в двухсотлетней истории испанского либерального консерватизма в целом – от Ховельяноса (1744–1811) до Аснара (род. 1953).

Политико-идеологическое наследие Боррего очень обширно. Библиография, составленная в 1972 г. испанским историком К. де Кастро, которая представляет историографию умеренных франкистов, насчитывает 42 работы [6, р. 270–272]. Кастро является последним из известных нам специалистов, занимавшихся изучением наследия Боррего непосредственно. Ее предшественник – историк А. Олива Мар-

ра-Лопес, написавший одну из пяти работ, посвященных Боррего во второй половине XX в., – приводит библиографию, состоящую из 54 работ [13, р. 201–205]. Историк М.Д. Гомес Мольеда, представляющая традиционалистскую школу, говорит в 1970 г. о «порядка 70 работах, опубликованных в 1834–1890 гг.» [9, р. 11]. Между тем, очевидно, что как журналист Боррего, находившийся на протяжении более полувека в центре бурной общественно-политической жизни Испании, написал значительно больше. Во всех библиографиях речь идет лишь о наиболее значимых работах Боррего.

Объяснить возросший интерес к фигуре Боррего в Испании конца 1960-х – начала 1970-х гг. в целом несложно: испанская оппозиционная – пролиберальная – журналистика нуждалась в своих героях. Боррего, известный всем как последовательный центрист, вполне укладывался в логику умеренных франкистов, обосновывавших необходимость реформистского вектора развития; при этом его фигура не настораживала и охранительно ориентированную франкистскую цензуру. Показателен в этом отношении и тот факт, что «вдохновителем и гидом» Марра-Лопеса являлся испанский историк права Л. Санчес Ахеста [13, р. 5], франкист и национал-католик, перешедший во времена позднего франкизма на либеральные позиции. Во времена демократического транзита интерес к Боррего ослаб, поскольку пришедшим к власти социал-демократам во главе с Ф. Гонсалесом дискурс Боррего показался слишком консервативным, что также симптоматично. Современный испанский историк П.К. Гонсалес Куэвас вообще упоминает Боррего лишь вскользь, называя его «менее оригинальным», чем его последователи по левой фракции «модерадос» [11, р. 101].

Все испанские историки определяют политико-идеологическую идентичность Боррего как либерально-консервативную, почти не внося в свое определение необходимых для обычно крайне разнообразного либерального консерватизма нюансов. Марра-Лопес определяет Боррего как «революционера ночью, но совестливого консерватора на следующее утро», стремящегося «совместить все крайности» [13, р. 19] и «гармонизировать свободу и власть» [13, р. 19–20]. О деталях политико-идеологической идентичности Боррего Марра-Лопес говорит в столь неопределенных понятиях, как «чрезмерно умеренная тенденция [в рамках «модерадос» – Ю.В.]» и «центристская теория»

[13, р. 20], указывая тем самым – вслед за Санчесом Ахестой – на эклектичность политической идеологии Боррего, присущей затем и ЛС, создатели которого вдохновлялись идеями Боррего [13, р. 14]. Кастро подчеркивает «изначальное стремление» Боррего «осуществить определенную либерализацию “модерадос”» [6, р. 27, 29 (курсив наш)], «открыть для консервативной партии толерантность и направить ее по истинно либеральному пути» [6, р. 35 (курсив наш)]. Гомес о Боррего пишет следующее: «Политически Боррего является либералом-“центристом”, настроенным критически как к правым, там и левым» [9, р. 11], но «в одном случае он – революционер, в другом – человек “порядка”» [9, р. 9 (курсив наш)]; и поясняет: «Начиная с 1820 г. он был убежденным либералом, когда пришел в революцию по причине симпатий к Риго. Подобно многим он эволюционировал в направлении более умеренного либерализма, но всегда был в рамках конституционно-монархической линии» [9, р. 10 (курсив наш)].

Все историки указывают на значительную долю либерализма, оборачивающуюся для либерального консерватора Боррего в его идеях, взглядах и ценностях эклектичностью. Последнее обстоятельство говорит не только о специфике левой фракции «модерадос» и всех ее политико-идеологических «наследников», но и о незавершенности генезиса либерального консерватизма на этапе жизни и деятельности Боррего в целом. Подобные оценки, кстати сказать, звучат и в отношении «отца-основателя» Ховельяноса, также известного своими пролиберальными взглядами; все это связывает испанскую либерально-консервативную традицию воедино и демонстрирует ее преемственность. Излишне либеральным уклоном во многом можно объяснить и расхождение между Боррего и Кановасом [13, р. 53–56], не только создавшим – еще при жизни Боррего – классическую для Испании либерально-консервативную политическую идеологию, гармонично сочетавшую в себе свободу и порядок, но и воплотившим ее в реальной политической практике. Практические «перекосы» Кановаса в пользу порядка привели к тому, что Кановас оказался для Боррего «реакционером»; а Боррего для Кановаса – слишком левым теоретиком, притом что оба они были либеральными консерваторами; в конце концов, после смерти Боррего, именно «Эпоха» («La Érosa») (орган, находившийся под контролем Кановаса) признала заслуги Боррего

перед испанской либерально-консервативной журналистикой [6, p. 35]. Марра-Лопес по этому поводу говорит прямо: «Между Боррего и Кановасом могут быть проведены параллели» [13, p. 54]; или: «...доктрину Боррего в дальнейшем подберет Кановас дель Кастильо» [13, p. 106].

Наша задача – конкретизировать либерально-консервативную интерпретацию политико-идеологической идентичности Боррего и более четко – нежели это сделали испанские историки – аргументировать его политико-спектральное положение между либерализмом и либеральным консерватизмом.

* * *

Пик политико-идеологического творчества Боррего приходится на последние годы правления Фернандо VII, первую карлистскую войну и кризис, завершившийся революцией 1848–1849 гг. По мнению многих современников, Боррего завершает карьеру политического идеолога уже к середине 1840-х гг. Этим обстоятельством во многом объясняются и структуры посвященных ему монографий: так, Кастро останавливается на 1846 г., Марра-Лопес начинает подводить итоги его политико-идеологической деятельности уже на этапе 1845 г. [13, p. 104–110]. Оба испанских историка во многих отношениях, несомненно, правы, поскольку собранный ими материал вполне позволяет решить стоящие перед ними исследовательские задачи – обосновать либерально-консервативную политико-идеологическую идентичность Боррего. Тем более что сам Боррего уходит в это время с головой в политическую практику, чувствуя в себе силы не только писать о политике, но и действовать в ней, собирая вокруг себя молодых единомышленников.

Между тем, вторая половина жизни Боррего для анализа его политико-идеологической идентичности важна, на наш взгляд, не в меньшей степени, чем первая. Именно в середине 1840-х гг. начинают складываться первые предпосылки для формирования политической идеологии ЛС, и Боррего принимает в этих процессах непосредственное участие. Меняется и формат его политико-идеологической деятельности: он переходит от политической периодики к крупномасштабной политической публицистике с элементами научного исследования. Обе крупные работы, написанные им в 1848–1855 гг. [3; 5], стали не только классическими исследованиями,

положенными в основу многих последующих сочинений по политической истории эпохи, но они также могут рассматриваться и как своеобразные политико-идеологические мемуары Боррего, в которых он подводит итоги своей многолетней деятельности и комментирует идеи, взгляды и ценности, сформулированные им ранее.

Общий характер идей, взглядов и ценностей Боррего, начиная с революции 1848–1849 гг., определялся тем, что – подобно всем остальным политическим идеологам – он был вынужден действовать в постоянно изменяющихся обстоятельствах, связанных с внутренней трансформацией и расширением границ политического спектра. Справа от Боррего располагалась центристская фракция либерально-консервативного крыла «модерадос» во главе с генералом Р.М. Нарваэсом-и-Кампосом, которая, сместившись под напором революции вправо, превратилась для Боррего из прежних политико-идеологических союзников в противников. Слева место прогрессистов второй четверти XIX в. занимает абсолютно новая для Боррего политическая сила – зарождающаяся испанская социал-демократия, выступающая пока не столько под социал-демократическими, сколько республиканскими лозунгами. Прогрессисты в свою очередь раскалываются на сторонников и противников революции, последние переходят на консервативные позиции, что создает отличную социально-политическую базу для формирования центристски ориентированного ЛС. Политико-идеологическая идентичность Боррего во время революционных событий также расширяется и оказывается на какое-то время где-то между социал-демократией и традиционализмом. Идеологом первой выступает Ф. Пи-и-Маргаль, идеологом второго – Х. Доносо Кортес, увидевший в Нарваэсе орудие для реализации своих идей, взглядов и ценностей. Завершение революции «возвращает» Боррего к прежнему политико-спектральному положению между либерализмом и либеральным консерватизмом.

Подобное «возвращение» Боррего обуславливалось сокрушительным – благодаря активным действиям Нарваэса – поражением революции и последовавшим за этим усилением охранительных настроений в среде старых «модерадос», которые многим из них не позволили вписаться в новые политико-спектральные расклады 1850–1860-х гг. Боррего, будучи фактически политическим идеологом ЛС как аль-

янса между либералами и либеральными консерваторами, также остается верным левой фракции «модератос» дореволюционного образца, обращая все свои усилия на борьбу с «реакционером» Нарваэсом и стоящими за ним и отдельно традиционалистами [4]. При этом Боррего будто не замечает, что многие члены политико-идеологически родственной ему левой фракции «модератос» во главе с Пачеко вступают постепенно в ЛС, становясь его правым – либерально-консервативным – крылом. Боррего отказывается вступать в ЛС и призывает к реформам внутри старых «модератос», которые к середине 1850-х гг. утрачивают инициативу, уступают свое место на «политическом Олимпе» ЛС и оказываются на политической периферии, предпочитая, следуя за Боррего, называть себя «консервативной оппозицией».

Общая специфика идей, взглядов и ценностей Боррего заключается в том, что разрабатываемая им политико-идеологическая парадигма (*между либерализмом и либеральным консерватизмом*) была лишена критической массы традиционалистского «ядра». Мы не найдем в его работах ни апологетики католицизма, ни имперского мессианства, ни испанского национализма, характерного в полной мере для испанского традиционализма и частично для либерального консерватизма генетического периода в развитии политических идеологий в Испании. На протяжении всей своей долгой жизни Боррего был последовательным противником абсолютизма, поддерживал исключительно конституционную монархию и выступал за интеграцию регионализма в общенационально-политическую практику обуржуазивающейся Испании; т.е. исповедовал все то, что для традиционалистов считалось неприемлемым в принципе, а либеральные консерваторы пытались реализовать в своей политической практике, но последовательности при этом, как правило, не проявляли. Насколько либеральный консерватизм, обладающий подобным политико-идеологическим содержанием, может считаться разновидностью консерватизма вообще – вопрос в отношении Боррего ключевой; и именно он помогает нам объяснить всю сложность отношений Боррего с теми разновидностями либерального консерватизма, которые могут рассматриваться как его политико-идеологические наследники и, в частности, с Кановасом как центральной фигурой последней четверти XIX в.

На наш взгляд, общий ответ на поставленный вопрос нужно искать в профессиональной деятельности Боррего. Будучи прежде всего журналистом, он никогда не занимал высоких государственных постов (хотя с 1837 по 1858 г. 14 раз избирался депутатом Кортесов [13, р. 37–38]), не был ограничен в своей политической деятельности жесткой партийной дисциплиной и вполне мог позволять себе высказывания, которые требовали не столько содержательной политико-идеологической конкретики, сколько гражданского мужества. Боррего всегда был «свободным художником» в той степени, насколько данное определение вообще может быть применимо к политическому идеологу, никогда принципиально не отклонявшемуся от своей политико-идеологической парадигмы. В этом контексте консервативная интерпретация идей, взглядов и ценностей Боррего должна выстраиваться по дедуктивной логике, т.е. показать специфику его политико-идеологической парадигмы мы сможем лишь в том случае, если докажем, что он является либеральным консерватором. Подобным методом пользуется, например, Гонсалес Куэвас, доказывая либерально-консервативную политико-идеологическую идентичность выдающегося испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета, отталкиваясь в его случае от более общего – определения консерватизма. «Любому, кто хоть немного углубится в его [Ортеги-и-Гассета – Ю.В.] работы, – пишет Гонсалес Куэвас, – станет очевидно, что мадридский философ является политическим мыслителем общеконсервативного плана... Политически же он был либеральным консерватором» [11, р. 244-245 (курсив наш)]; притом, что в другой своей обобщающей монографии о политическом мышлении испанских правых в XX в. он пишет, что «без сомнения, Ортега был, как мы уже отмечали, либералом» [10, р. 98 (курсив наш)]. Этот метод, на наш взгляд, как никакой другой подходит для анализа политико-идеологической идентичности Боррего, располагающейся между либерализмом и либеральным консерватизмом, притом что Боррего нам очень помогает, когда без обиняков позиционирует себя либеральным консерватором. Однако нас интересуют нюансы.

Итак, Боррего – либеральный консерватор, потому что он прежде всего защищает Новый – либерально-буржуазный – порядок от попыток его разрушения

как со стороны традиционалистски ориентированных карлистов, так и требующих радикальной либерализации прогрессистов. В то время как традиционалисты защищали Старый порядок, соглашаясь иногда на несущественные его модификации; либеральные консерваторы защищали различные вариации Нового порядка: от умеренных (Ф. Мартинес де ла Роса) до весьма умеренных (Х. Браво Мурильо). Специфика Боррего в рамках либерального консерватизма заключается в том, что он раздвигает границы приемлемости Нового порядка значительно шире, нежели это смогли сделать большинство его современников-«модераторов»: ко времени революции 1848–1849 гг. он включает в рамки своей либерально-консервативной парадигмы большинство идей, взглядов и ценностей, вошедших впоследствии в «копилку» классического либерализма. В итоге основополагающей чертой идей, взглядов и ценностей Боррего оказывается, используя понятие Марра-Лопеса, «либеральный догматизм» [13, р. 55], присущий наиболее либеральной парадигме испанского либерального консерватизма на всем протяжении ее развития.

Обобщая наиболее либеральную парадигму либерального консерватизма, сформулированную Боррего, мы можем сказать следующее. Политико-институциональный уровень идей, взглядов и ценностей Боррего состоит из следующих элементов:

- конституционная монархия;
- осторожный – последовательно буржуазный – демократизм;
- половинчатая форма централизма, призванная совместить в своих институциях принципы буржуазной централизации со средневековыми свободами (фуэрос) испанских провинций.

Являясь последовательным сторонником буржуазной модернизации, Боррего существенно преломляет и культурно-цивилизационный уровень своей либерально-консервативной политико-идеологической парадигмы, что было логичным следствием ее существенной либерализации. В итоге складывается следующая картина:

- католицизм призван решать нерелигиозные (морально-образовательные) задачи;
- «либеральный империализм» призван восстановить торгово-промышленные отношения между Испанией и ее бывшими колониями;

- испанский национализм уравнивается интеллектуальным космополитизмом.

Уникальность Боррего и его вклад в генезис испанского консерватизма в целом заключается в том, что в условиях крайне сложного и противоречивого переходного периода он смог предвосхитить появление ЛС, еще в середине 1840-х гг. поставив вопрос об излишне правом, с его точки зрения, уклоне в центристской фракции «модераторов». Опередив со своей политико-идеологической парадигмой время на десять лет, что стало во многом и главной причиной его фиаско в политической практике, Боррего затем отстал от своего времени на то же десятилетие, не поняв, как представляется, в полной мере смысл, специфику и исторические перспективы политико-идеологической парадигмы Кановаса. Последняя же, будучи центральной для классического периода, доказывала свою жизнеспособность в той или иной степени на протяжении последующих пятидесяти лет. В этом смысле Боррего остался в рамках генетического периода в развитии политических идеологий в Испании, хотя и пережил его на два десятилетия.

1. Alba, V. Los conservadores en España. Ensayo de interpretación histórica / V. Alba. Barcelona: Editorial PLANETA, 1981. 422 p.

2. Aznar, J.M. Cartas a un joven español [Text] / J.M. Aznar. Barcelona: Editorial PLANETA, S.A., 2007. 205 p.

3. Borrego, A. De la organización de los partidos en España, considerada como medio de adelantar la educación de la nación, y de realizar las condiciones del gobierno representativo [Text] / A. Borrego. Madrid: Centro de estudios políticos y constitucionales, 2007. 270 p.

4. Borrego, A. El Duque de Valencia. –El programa, las tendencias y las vicisitudes del Partido Moderado / A. Borrego // La España del siglo XIX. Colección de conferencias históricas celebradas durante el curso de 1885-86. Madrid: Ateneo de Madrid, 1886. Tomo I. PP. 447–499.

5. Borrego, A. El 48. Autocrítica del liberalismo / A. Borrego. Madrid: ITER Ediciones, S.A., 1970. 231 p.

6. Castro, C. de. Introducción / C. de Castro // Andrés Borrego, periodismo político liberal conservador (1830–1846). Madrid: Miguel Castellote editor, 1972. PP. 5–36.

7. Durán de la Rúa, N. La Unión Liberal y la modernización de la España isabelina. Una convivencia frustrada, 1854–1868 / N. Durán de la Rúa. Madrid: AKAL Editor, 1979. 365 p.

8. Gil Robles, J.M. No fue posible la paz [Text] / J.M. Gil Robles. Barcelona: Editorial ARIEL, S.A., 2006. 853 p.

9. Gómez Molleda, D. Estudio crítico / D. Gómez Molleda // Borrego A. El 48. Autocrítica del liberalismo. Madrid: ITER Ediciones, S.A., 1970. PP. 7–43.

10. González Cuevas, P.C. El pensamiento político de la derecha española en el siglo XX. De la crisis de la Restauración al Estado de partidos (1898–2000) [Text] / P.C. González Cuevas. Madrid: Editorial TECNOS (Grupo ANAYA, S.A.), 2005. 285 p.

11. González Cuevas, P.C. Historia de las derechas españolas. De la Ilustración a nuestros días / P.C. González Cuevas. Madrid: Editorial BIBLIOTECA NUEVA, S.L., 2000. 525 p.

12. Martínez Gallego, F.A. Conservar progresando: la Unión Liberal (1856–1868) [Text] / F.A. Martínez Gallego. Valencia: Artes Gráficas Soler, S.L., 2011. 256 p.

13. Oliva Marra-López, A. Andrés Borrego y la política española del siglo XIX / A. Oliva Marra-López. Madrid: Instituto de estudios políticos, 1959. 223 p.

1. Alba, V. Los conservadores en España. Ensayo de interpretación histórica / V. Alba. Barcelona: Editorial PLANETA, 1981. 422 p. (Spanish).

2. Aznar, J.M. Cartas a un joven español [Text] / J.M. Aznar. Barcelona: Editorial PLANETA, S.A., 2007. 205 p. (Spanish).

3. Borrego, A. De la organización de los partidos en España, considerada como medio de adelantar la educación de la nación, y de realizar las condiciones del gobierno representativo [Text] / A. Borrego. Madrid: Centro de estudios políticos y constitucionales, 2007. 270 p. (Spanish).

4. Borrego, A. El Duque de Valencia. – El programa, las tendencias y las vicisitudes del Partido Moderado / A. Borrego // La España del siglo XIX. Colección de conferencias históricas celebradas durante el curso de 1885–86. Madrid: Ateneo de Madrid, 1886. Tomo I. PP. 447–499 (Spanish).

5. Borrego, A. El 48. Autocrítica del liberalismo / A. Borrego. Madrid: ITER Ediciones, S.A., 1970. 231 p. (Spanish).

6. Castro, C. de. Introducción / C. de Castro // Andrés Borrego, periodismo político liberal conservador (1830–1846). Madrid: Miguel Castellote editor, 1972. PP. 5–36 (Spanish).

7. Durán de la Rúa, N. La Unión Liberal y la modernización de la España isabelina. Una convivencia frustrada, 1854–1868 / N. Durán de la Rúa. Madrid: AKAL Editor, 1979. 365 p. (Spanish).

8. Gil Robles, J.M. No fue posible la paz [Text] / J.M. Gil Robles. Barcelona: Editorial ARIEL, S.A., 2006. 853 p. (Spanish).

9. Gómez Molleda, D. Estudio crítico / D. Gómez Molleda // Borrego A. El 48. Autocrítica del liberalismo. Madrid: ITER Ediciones, S.A., 1970. PP. 7–43 (Spanish).

10. González Cuevas, P.C. El pensamiento político de la derecha española en el siglo XX. De la crisis de la Restauración al Estado de partidos (1898–2000) [Text] / P.C. González Cuevas. Madrid: Editorial TECNOS (Grupo ANAYA, S.A.), 2005. 285 p. (Spanish).

11. González Cuevas, P.C. Historia de las derechas españolas. De la Ilustración a nuestros días / P.C. González Cuevas. Madrid: Editorial BIBLIOTECA NUEVA, S.L., 2000. 525 p. (Spanish).

12. Martínez Gallego, F.A. Conservar progresando: la Unión Liberal (1856–1868) [Text] / F.A. Martínez Gallego. Valencia: Artes Gráficas Soler, S.L., 2011. 256 p. (Spanish).

13. Oliva Marra-López, A. Andrés Borrego y la política española del siglo XIX / A. Oliva Marra-López. Madrid: Instituto de estudios políticos, 1959. 223 p. (Spanish).

UDC 329.11'13 + 329.3:23

ANDRES BORREGO – CONSERVATIVE IDEOLOGUE OF POLITICAL CENTER

Vasilenko Yuri Vladimirovich,

Institute of Philosophy and
Law at Ural Branch of Russian
Academy of Sciences,

Senior Fellow,

Candidate of Science (Philosophy),
Perm, Russia.

E-mail: yuvasil@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to the ideas of the XIX century outstanding Spanish journalist and political ideologist Andres Borrego Moreno. His political ideological paradigm (between the liberalism and the liberal conservatism) proposed a looking for «the golden middle» between the freedom and the order, and was situated like a basis for such political parties` activity as general L. O`Donell`s «Liberal Union», A. Canovas del Castillo`s «Liberal-Conservative Party» and J.M. Aznar`s «People Party».

Key concepts:

political ideology, liberal conservatism,
Spain, XIX century, Andres Borrego.

УДК 342.56

ОБЩНОСТЬ ФУНКЦИЙ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЮСТИЦИИ КАК ИХ СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ПРИЗНАК

Курятников Виталий Владимирович,

Министерство промышленности и
природных ресурсов
Челябинской области,
заместитель министра,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: kuryatnikov74@gmail.com

Аннотация

Рассматриваются назначение и основные функции высшего судебного органа конституционного контроля Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации как фактор, свидетельствующий о системном характере института конституционной юстиции.

Ключевые понятия:

Конституционный Суд РФ, конституционные (уставные) суды субъектов РФ, конституционная юстиция, функция, пересмотр решений, судебный конституционный контроль.

Эффективность политической и правовой модернизации и формирование новой российской государственности непосредственным образом связаны с деятельностью судебных органов конституционной юстиции, представленных Конституционным судом Российской Федерации и конституционными (уставными) судами ее субъектов. Известно, что в отличие от судов общей юрисдикции и арбитражных судов, региональные органы конституционного правосудия не находятся в иерархической зависимости от высшего судебного органа в своей сфере деятельности. Это позволяет ряду исследователей говорить об отсутствии системности в организации института конституционной судебной защиты. Однако, на наш взгляд, такая позиция является не вполне обоснованной, поскольку не учитывает назначение и функции органов конституционного правосудия.

По смыслу Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд РФ представляет собой судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории государства. Законодатель не раскрывает сущность понятия «конституционный контроль», что приводит к его различающимся доктринальным толкованиям.

Так, по мнению И.А. Кравца, конституционный контроль представляет собой деятельность государственных органов, направленную на проверку соответствия конституционным нормам правовых актов и действий органов государственной власти и местного самоуправления [5, с. 532]. Н.В. Витрук рассматривает его как функцию власти в правовом государстве, реализующуюся посредством специфической функции компетентных органов по обеспечению верховенства Конституции в системе нормативных актов, ее прямого, непосредственного действия в деятельности субъектов общественных отношений [3, с. 25]. С точки зрения С.Э. Несмеяновой, конституционный контроль, как деятельность специально уполномоченных государственных органов, направлен на обеспечение верховенства Конституции, предупреждение издания не соответствующих ей нормативных актов, выявление и устранение неконститу-

ционных законов, иных нормативных актов или действий и, в случае необходимости, осуществление толкования Конституции и законов [7, с. 30].

Функция судебного конституционного контроля неразрывным образом связана с активным влиянием Конституционного Суда РФ на нормативно-правовую сферу современной конституционной юриспруденции, которое, с позиции Н.С. Бондаря, достигается посредством использования специфического «инструментария». К нему относятся, во-первых, «конституционно-интерпретационное обоснование нормативного содержания категорий и институтов отраслевого законодательства», введение в юридическую теорию и практику новых конституционных понятий. Сущность этого способа воздействия заключается в интеграции нормативности и доктринальных конституционных начал, наращивании (расширении) конституционно-правового содержания понятийно-категориального аппарата действующего права, что способствует формализации и конституционному обоснованию категорий, ранее не имевших юридического закрепления. Во-вторых, воздействие Конституционного Суда РФ на нормативно-правовую сферу выражается в конституционно-правовом обосновании социальных и правовых характеристик тех или иных общественных отношений и их конституционно-судебном «включении» в область конституционного влияния. В-третьих, высший орган конституционного контроля способствует проникновению конституционных начал в отраслевые правоотношения, выявляя конституционное содержание в конкретных институтах отраслевого регулирования.

В.А. Кряжков полагает, что функция по обеспечению реального верховенства, прямого действия и развития программного потенциала Основного Закона государства осуществляется посредством юридических свойств, присущих решениям и правовым позициям Конституционного Суда РФ. К ним могут быть отнесены: нормативная интерпретация Конституции; участие КС РФ в законодательном процессе (как в качестве «негативного законодателя», так и субъекта, наполняющего законы конституционным смыслом, формирующего принципы нормотворчества и рекомендации по его совершенствованию); истолкование и интеграция в российскую правовую систему общепризнанных и норм международного права; обогащение конституционной доктрины [6, с. 4–5].

Следует согласиться с Н.А. Богдановой в том, что основные идеи конституционализма «приобретают правовое закрепление, а значит, становятся правовой целью» [2, с. 137]. При этом можно утверждать, что Конституционный Суд РФ способствует реализации этой цели, обеспечивая абстрактную и казуальную интерпретацию конституционных положений и соответствующий вектор воздействия на правовое регулирование.

Все указанные действия в той или иной мере характеризуют назначение и функции Конституционного Суда РФ и позволяют утверждать, что последние несводимы исключительно к оценке правовых норм или актов и элиминации из правового массива тех из них, которые не отвечают критерию конституционности. Это обусловлено тем, что деятельность высшего органа конституционной юстиции направлена не только на обеспечение необходимого, отвечающего требованиям Основного Закона уровня правотворчества и правоприменения, но и включает в себя постоянный, с учетом динамики общественных отношений, поиск их конституционно обоснованного соотношения. Представляется обоснованным мнение В.Д. Зорькина, который утверждает, что между одномерной нормативной конструкцией, характеризующей сознательный нормативный порядок, и многомерной конструкцией сложившегося социального порядка «нельзя устанавливать примитивные взаимно однозначные соответствия», а, следовательно, основная проблема правоприменения носит не технологический, а идеологический и культурный характер [8, с. 21].

Таким образом, осуществляя контроль конституционности законодательства и формируя адекватный вектор развития правоприменительной практики посредством применения важнейших принципов достижения баланса субъектов правовых отношений, Конституционный Суд РФ непосредственным образом воздействует на уровень конституционной культуры, которая может быть охарактеризована как культура переходного типа. Это связано с тем, что, с одной стороны, ей присущи очевидные конституционно-прогрессивные элементы (конституционная юстиция и т.д.), а с другой, как обоснованно отмечает С.А. Авакьян, – наличие различных конституционно-правовых деформаций.

Между тем, по смыслу и логике действующего правового регулирования, перечисленные функции определяют и содержание деятельности конституционных

(уставных) судов субъектов Российской Федерации. В соответствии с ч. 1 ст. 27 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации», законодатель предусматривает возможность их создания для рассмотрения вопросов соответствия законов субъекта РФ, нормативных правовых актов органов его государственной власти и местного самоуправления конституции (уставу) субъекта Российской Федерации, а также для толкования конституции (устава) субъекта Российской Федерации. Однако следует согласиться с А.В. Гусевым в том, что реализация этих задач не может носить исключительно формально-юридический характер [4, с. 33], поскольку, как обоснованно замечает Т.Г. Морщакова, возможности конституционного контроля тех или иных норм нельзя представлять упрощенно с помощью дихотомического подхода к их соответствию или несоответствию Конституции. Такой одномерный подход не может быть признан обоснованным вследствие постоянного усложнения нормативного регулирования, специфики законодательных процедур, различия правовых представлений их участников, а также отсутствия унифицированной правовой терминологии и иных юридико-технических недостатков правотворческого процесса. Поэтому именно органам конституционного правосудия, невзирая на то обстоятельство, что обеспечение единства толкования права представляет собой задачу всех судов, в наибольшей степени присуща функция выявления конституционного смысла закона.

При обсуждении актуальных вопросов деятельности органов конституционной юстиции неоднократно подчеркивалось, что конституционные (уставные) суды субъектов РФ и Конституционный Суд Российской Федерации функционируют в рамках единого правового пространства, представленного федеральным законодательством и законодательством субъектов Российской Федерации, находящимися в логической и иерархической взаимосвязи. Это свидетельствует об общности назначения и функций органов конституционной юстиции в Российской Федерации. В наиболее общих чертах они заключаются в обеспечении конституционности правотворчества и правоприменения, толковании закона с помощью общепризнанных принципов права и оценки потенциала его воздействия на конституционные правоотношения.

Признание данного обстоятельства приводит к возникновению различных кон-

цептов взаимодействия Конституционного Суда Российской Федерации и региональных конституционных (уставных) судов. В частности, высказывается мнение о необходимости наделить последние «правом оценки конституций (уставов) субъектов Федерации с точки зрения их соответствия Конституции Российской Федерации, если в процессе рассмотрения дел в рамках их компетенции возникает коллизия между нормой федеральной Конституции и положениями конституции (устава) субъекта Российской Федерации». При этом, с точки зрения И.А. Умновой (Конюховой) и А.С. Степаненко, решения региональных органов конституционного правосудия не должны обладать свойством окончательности и могут быть пересмотрены Конституционным Судом РФ в качестве высшей надзорной инстанции [1, с. 763].

Такой подход представляется достаточно дискуссионным, поскольку означал бы вторжение в компетенцию федерального судебного органа конституционного контроля, предполагая фактическое предоставление уставным судам права толкования Конституции Российской Федерации. Тем не менее, он затрагивает достаточно актуальную проблему, которая связана с отсутствием до настоящего времени механизма преодоления окончательности решений конституционных (уставных) судов субъектов РФ. Потребность в наличии этого механизма, на наш взгляд, может возникать в случаях, когда указанные решения не соответствуют духу и смыслу Конституции Российской Федерации либо свидетельствуют о превышении конституционным (уставным) судом своих полномочий при принятии обращения к рассмотрению и разрешению его по существу. При этом теоретически возможна ситуация злоупотребления конституционным (уставным) судом отсутствием возможности пересмотра его решений и даже лоббирования им интересов субъектов спорного правоотношения. Кроме того, по смыслу правового регулирования допустимость и необходимость пересмотра Конституционным Судом РФ решений региональных органов конституционной юстиции определяются существующей в федеративном государстве иерархией нормативных правовых актов и, в частности, местом конституции (устава) субъекта РФ в их системе.

Представляется, что установление возможности такого пересмотра логически следует из единства функций органов конституционного правосудия как их основно-

го системообразующего признака. Вместе с тем, такой подход позволил бы избежать копирования «вертикальной» модели организации арбитражных судов и судов общей юрисдикции, что способствовало бы обеспечению оптимального баланса степени автономии конституционных (уставных) судов и их «подконтрольности» Конституционному Суду РФ в целях эффективной реализации российской модели федерализма и достижения основополагающих задач конституционного регулирования.

1. Актуальные вопросы конституционного правосудия (по материалам Журнала конституционного правосудия) / Под ред. С.Д. Князева, М.А. Митюкова и С.Н. Станских. М., 2011.

2. Богданова Н.А. Категория «конституционализм» в науке конституционного права // Российский конституционализм: проблемы и решения (материалы международной конференции). М., 1999.

3. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. М., 1998.

4. Гусев А.В. Региональная конституционная юстиция: роль в социально-экономическом развитии регионов и ближайшие перспективы // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 4.

5. Кравец И.А. Российский конституционализм: Проблемы становления, развития и осуществления. СПб., 2005.

6. Кряжков В.А. Конституционная культура в зеркале правосудия Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 3.

7. Несмеянова С.Э. Проблемы становления и развития органов конституционного контроля в субъектах Российской Федерации: монография. Челябинск, 2003.

8. Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования / Под ред. В.В. Волкова. М., 2011.

1. Aktual'nye voprosy konstitucionnogo pravosudija (po materialam Zhurnala konstitucionnogo pravosudija) / Pod red. S.D. Knjazeva, M.A. Mitjukova i S.N. Stanskih. M., 2011 (Russian).

2. Bogdanova N.A. Kategorija «konstitucionalizm» v nauke konstitucionnogo prava // Rossijskij konstitucionalizm: problemy i reshenija (materialy mezhdunarodnoj konferencii). M., 1999 (Russian).

3. Vitruk N.V. Konstitucionnoe pravosudie. M., 1998 (Russian).

4. Gusev A.V. Regional'naja konstitucionnaja justicija: rol' v social'no-jekonomicheskom razvitii regionov i blizhajshie perspektivy // Zhurnal konstitucionnogo pravosudija. 2008. № 4 (Russian).

5. Kravec I.A. Rossijskij konstitucionalizm: Problemy stanovlenija, razvitija i osushhestvlenija. SPb., 2005 (Russian).

6. Krjazhkov V.A. Konstitucionnaja kul'tura v zerkale pravosudija Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii // Zhurnal konstitucionnogo pravosudija. 2008. № 3 (Russian).

7. Nesmejanova S.E. Problemy stanovlenija i razvitija organov konstitucionnogo kontrolja v sub#ektah Rossijskoj Federacii: monografija. Cheljabinsk, 2003 (Russian).

8. Pravo i pravoprimerenie v Rossii: mezhdisciplinarnye issledovanija / Pod red. V.V. Volkova. M., 2011 (Russian).

UDC 342.56

COMMUNITY OF CONSTITUTIONAL JUSTICE BODIES AS A CORE FEATURE

Kuryatnikov Vitaliy Vladimirovich,
Ministry of Industry and Natural Resources
of Chelyabinsk Region, Deputy Minister,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: kuryatnikov74@gmail.com

Annotation

Herein are considered the purpose and basic functions of highest judicial body of constitutional control in Russian Federation and constitutional (statutory) courts of Russian Federation subordinate entities as a factor, proving the systematic character of constitutional justice institution.

Key concepts:

Constitutional Court of Russian Federation, constitutional (statutory) courts of subordinate entities of Russian Federation, constitutional justice, function, judgment review, judicial constitutional control.

УДК 349.2(09)

ТРУДОВЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ В СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ: ИСТОРИКО- ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Бехтерев Сергей Львович,

Удмуртский
государственный университет,
профессор кафедры
философии и социологии права,
доктор исторических наук,
г. Ижевск, Россия.
E-mail: sergbehterev@yandex.ru

Аннотация

Автор анализирует отечественный исторический опыт второй половины 1970-х – 1980-х гг. участия работников и трудовых коллективов в системе советского хозяйствования и его нормативное регулирование.

Ключевые понятия:

корпоративное управление,
трудоустройство, система,
советское хозяйствование,
историко-правовой аспект.

В условиях совершенствования правоотношений хозяйствующих субъектов современной России актуальным представляется обращение к отечественному историческому опыту второй половины 1970-х – 1980-х гг. по привлечению трудовых коллективов к управлению производством.

Одной из характеристик советской политической системы была значительная роль трудовых коллективов, чей политико-правовой статус определялся, прежде всего, Конституцией СССР. Их участие в управлении производством осуществлялось как через своих представителей в выборных органах, так и непосредственно через общие собрания (конференции) коллективов. Определенным авторитетом пользовались т.н. постоянно действующие производственные совещания (ПДПС), хотя отношение к ним было неоднозначным. Например, в 666 заводских и цеховых ПДПС в Удмуртии, одной из автономных республик в составе РСФСР, в 1985 г. было избрано свыше 28 тыс. человек. Десятки тысяч трудящихся республики участвовали в работе различных комиссий профкомов, цехкомов, общественных отделов кадров, внештатных технических инспекций, товарищеских судов и т.д. [1, с. 27].

1 августа 1983 г. вступил в силу Закон СССР о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями. Он расширил круг вопросов производства, труда и социального развития, которые включались в сферу общественной управленческой деятельности. Во-первых, Закон предоставил трудовым коллективам право заслушивать сообщения администрации о ходе выполнения планов и договорных обязательств, о причинах их изменения, результатах производственно-хозяйственной деятельности. Трудовой коллектив мог дать администрации соответствующие рекомендации, а в необходимых случаях довести их до сведения вышестоящих органов. Отныне проекты планов экономического и социального развития представлялись на утверждение только после их рассмотрения трудовым коллективом.

Во-вторых, Закон стимулировал развитие встречного планирования на производстве. Так, если в 1984 г. в Удмуртии в нем участвовало 86 предприятий, то уже в 1986 г. 36 предприятий приняли встречные планы по реализации продукции, 42 – по производительности труда, 24 – себестоимости продукции, 84 – экономии материальных и энергетических ресурсов [1, с. 29]. Далее, Закон закрепил многолетнюю практику организации социалистического соревнования. Трудовые коллективы ут-

верждали его условия, определяли меры поощрения, обеспечивали гласность соревнования, подводили его итоги и определяли победителей.

Широкие права предоставил Закон трудовым коллективам в связи с переходом экономики СССР на интенсивный путь развития и максимальным ускорением научно-технического прогресса. Вместе с тем, документ определил обязанность трудовых коллективов принимать меры к активизации этого процесса, широко внедрять в производство достижения науки и передового опыта.

Партийно-государственное руководство пыталось стимулировать развитие технического творчества законодательными мерами. В Законе о трудовых коллективах и Постановлении ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по ускорению научно-технического прогресса в народном хозяйстве» предусматривалось создание временных творческих объединений для решения научно-технических проблем, имеющих народнохозяйственное значение. В Удмуртии эта форма работы оправдала себя. В 1984 г. в республике насчитывалось 1 120 комплексных творческих бригад, которые в том же году внедрили одну треть всех разработанных предложений.

Апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС выдвинул концепцию ускорения социально-экономического развития страны на основе использования достижений научно-технического прогресса. Именно с совершенствования производственных отношений было запланировано начать перестройку, не меняя всей политической системы.

Главные усилия предполагалось сосредоточить на опережающем развитии машиностроения и на этой основе обеспечить подъем других отраслей. В связи с этим опыт промышленного развития Удмуртии оказался актуальным. Исторически промышленность республики в межрегиональном разделении труда приобрела уникальную особенность: ориентацию на сверхвысокую милитаризацию. Основу народно-хозяйственного комплекса составляли оборонные предприятия, в течение долгого времени обеспечивавшие около 80 % поступлений в республиканский бюджет, занятость большей части городского населения, жилищное строительство и содержание социальной сферы.

Однако к середине 1980-х гг. в промышленности республики по ряду причин, характерных для развития экономики страны в целом, наметилось отставание в темпах научно-технического прогресса.

В решении задачи ускорения реформаторы стремились опереться на уже имевшиеся институты трудового самоуправле-

ния, в том числе организации Научно-технического общества (НТО) и Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР). В Удмуртии к середине 1980-х гг. в их рядах насчитывалось свыше 138 тыс. рабочих, колхозников, инженерно-технических работников, ученых и специалистов. Они обеспечивали третью часть роста производительности труда, более половины экономии материальных ресурсов, не менее 30% экономии топлива и электроэнергии [4, с. 23].

В целом по УАССР в 1985 г. число авторов, подавших предложения, увеличилось по сравнению с предыдущим годом на 1 600 человек, количество использованных изобретений – на 17 %, рационализаторских предложений – на 1064 [4, с. 22]. Эффект от использования новшеств достиг 44,2 млн руб. По итогам 1985 г. Государственным комитетом СССР по делам изобретений и открытий и Центральным Советом ВОИР УАССР вторично было присуждено первое место во Всесоюзном социалистическом соревновании областей и республик за достижение высоких конечных результатов в изобретательской и рационализаторской деятельности.

Вместе с тем, в развитии изобретательства и рационализаторства обнаружилось немало проблем. Так, в 1985 г. в республике не находили применения свыше пяти тысяч рацпредложений. Многие работники справедливо высказывали претензии на трудности при внедрении новшеств. Недостаточное внимание со стороны советов ВОИР, администрации и профкомов предприятий и организаций к вопросам изобретательства и рационализации прямо влияло на уровень массовости участия трудящихся в научно-техническом творчестве.

Особенно сложно новаторство развивалось на селе. В 1985 г. только в половине колхозов и совхозов Удмуртии имелись первичные организации ВОИР. Примерно вдвое ниже был и численный показатель участия в массовом техническом творчестве. Во многих хозяйствах республики заявления на рационализаторские предложения зачастую не оформлялись и, как следствие, новатору не обеспечивалось авторское вознаграждение [4, с. 26].

В 1986 г. в республике впервые произошло снижение результативности новаторского движения по основным показателям. Число поданных рацпредложений сократилось с 39,1 тыс. в 1985 г. до 38,9 тыс., количество использованных изобретений – с 28,3 тыс. до 28,0 тыс. Экономический эффект снизился с 44,2 млн руб. до 41,1 млн руб.

Одним из своих главных резервов ВОИР видело обучение молодежи основам изобретательства и рационализаторства. На это обратил особое внимание еще XXVII съезд КПСС. В начале 1987 г. ЦК КПСС, СМ СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ приняли совместное постановление о дальнейшем развитии самодеятельного творчества. В соответствии с постановлением секретариата обкома КПСС от 13 января 1987 г. в республике создавалась система развития научно-технического творчества молодежи (НТТМ). В 1987 г. при содействии Удмуртского обкома ВЛКСМ при областном совете ВОИР открылась школа технического творчества, а в профессионально-технических училищах – школы молодого рационализатора.

Несмотря на принимаемые меры, общая тенденция спада новаторского движения сохранилась. В немалой степени она обуславливалась характерными и для других форм трудовой активности формализмом, бюрократизмом, попытками партийно-хозяйственного руководства подчинить эти движения своему контролю. Неуклонно сокращалась творческая активность граждан. Так, если в 1987 г. в техническом творчестве приняло участие 32,8 тыс. человек, то в 1988 г. – 30 тыс., а в 1989 г. – 24,5 тыс. человек. Уменьшалось количество поданных рацпредложений и заявок на предполагаемые изобретения и число их использования (в 1987 г. – 36,7 тыс. (использовано 26,9 тыс.), в 1988 – 32,7 тыс. (использовано 24,7 тыс.) и в 1989 г. – 24,5 тыс. (использовано 19,7 тыс.)). Снижался экономический эффект от их внедрения (в 1987 г. – 35,2 млн руб., в 1988 г. – 33,2 млн руб.) [6, с. 17].

В обучении и повышении квалификации изобретателей и рационализаторов выявились значительные упущения. Школы молодых рационализаторов не отвечали основным требованиям подготовки новаторов производства. С переходом предприятий на принципы хозрасчета начали сокращаться патентные службы.

Для руководителей ВОИР становилась очевидной необходимость создания эффективной общественной системы воздействия на ускорение научно-технического прогресса. С новых позиций следовало подойти к организации соревнования новаторов. Основными показателями трудового соперничества наряду с экономическим эффектом должны были стать показатели снижения себестоимости, роста производительности труда, экономии ресурсов за счет использования в производстве изобретений и рацпредложений. Радикальным выходом из создавшегося положения признавалось принятие Закона СССР об изобретательстве.

Однако рассмотрение законопроекта Верховным Советом СССР затягивалось. С этого времени развитие новаторского движения становится уделом одной общественности, в немалой степени, по признанию Б. Шилева, одного из республиканских лидеров ВОИР, по причине того, что «за высоким частоклолом политических и национальных проблем стало не до развития научно-технического прогресса» [6, с. 17].

На фоне спада деловой активности трудовых органов и организаций январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС наметил пути и формы углубления производственного демократизма. Таковыми провозглашались, прежде всего, совершенствование непосредственной демократии, предоставление каждому труженику наилучших условий для реализации своего вклада в ускорение социально-экономического развития страны. Предлагалось наделить каждого члена трудового коллектива реальными хозяйственными полномочиями через рабочие собрания, коллективные договоры, советы бригад и цехов. Правовой основой развития непосредственной демократии на производстве должен был стать Закон о государственном предприятии. Участники Пленума одобрили его проект и рекомендовали для всенародного обсуждения.

В соответствии с решениями XXVIII съезда КПСС и июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС 7 сессия ВС СССР 30 июня 1987 г. приняла Закон о государственном предприятии (объединении). Его суть состояла в переходе от преимущественно административных методов к широкой демократизации управления. Закон утвердил выборность руководителей всех звеньев на предприятии как основной способ замещения должностей. Этот принцип распространялся на директоров предприятий, руководителей их структурных единиц, объединений, производств, цехов и отделений, участков, ферм и звеньев, а также мастеров и бригадиров. Их избрание проводилось тайным или открытым голосованием по усмотрению собрания (конференции). Однако в случае неутверждения избранной трудовым коллективом кандидатуры вышестоящим органом проводились новые выборы. В свою очередь заместители руководителя, начальники юридической и бухгалтерской служб и службы контроля качества не избирались, а назначались и освобождались директором. В 1987 г. в Удмуртии были избраны 56 директоров предприятий и организаций, 85 начальников цехов и 115 сменных мастеров [2, с. 11].

Закон также определил ведущую роль предприятий в определении экономиче-

ской стратегии. С 1988 г. они должны были самостоятельно разрабатывать планы экономического и социального развития. Такая работа началась в тех коллективах, которые перешли на полный хозрасчет и самофинансирование. В УАССР это, прежде всего, коснулось агропромышленного комплекса, торговли, около 100 предприятий промышленности. Пятилетние контрольные задания, устанавливаемые вышестоящими органами управления, для предприятия являлись только рекомендательными документами. Обязательными были лишь государственные заказы и лимиты, но их долю в деятельности предприятий предполагалось постоянно уменьшать. Между тем в 1987 г. лишь две трети промышленных предприятий обсудили проекты планов, еще меньше своевременно заключили хозяйственные договоры. В значительной мере они рождались в кабинетах экономических служб узким кругом специалистов и руководителей и выносились на собрания в виде информационных сообщений, без постановки конкретных задач перед каждым подразделением в отдельности. До членов трудовых коллективов не доводились их конкретная роль в достижении намеченных экономических показателей и их социальные последствия. В немалых случаях вышестоящие хозяйственные органы фактически игнорировали мнение трудовых коллективов, навязывали им сверху контрольные цифры и дополнительные задания без учета реальных возможностей, наличия необходимых мощностей и обеспечения материально-техническими ресурсами [5, с. 9–10].

В качестве органа прямого руководства, призванного решать в основном перспективные задачи предприятий, Закон о государственном предприятии (объединении) определял советы трудовых коллективов. Для них, как самостоятельных органов коллектива, выделялись следующие функции: формирование плана экономического и социального развития предприятия и принятие мер к его реализации; совершенствование внутрипроизводственного хозяйствования; распределение заработанных трудовым коллективом средств на развитие производства, оплату труда и социальное развитие. Особо значимым являлось установление в Законе юридической гарантии обеспечения активности членов СТК. Работник, являющийся членом совета, не мог быть уволен или подвергнут дисциплинарному взысканию без согласия последнего [3, с. 6–7].

Однако полномочия совета трудового коллектива реально оказались ограниченными. С одной стороны, характер деятельности СТК был близок к деятельности общего

собрания (конференции). Он мог рассматривать, принимать и контролировать решения в пределах законодательства, которые являлись обязательными для администрации и всех членов трудового коллектива. Вместе с тем СТК являлся исполнительным органом по отношению к общему собранию (конференции) трудового коллектива.

С другой стороны, сохранялся единоначальный принцип управления предприятием. СТК не мог вмешиваться в оперативную деятельность администрации. Совет принимал решения, формулировал предложения и меры, а реализация их оставалась за администрацией, которая на предприятии являлась юридическим лицом. Она заключала хозяйственные договоры со сторонними организациями, перечисляла и выплачивала различные средства, организовывала производство, осуществляла оплату труда, издавала приказы по различным вопросам производства, труда и т.д. [5, с. 10]. Далее, на производстве СТК мог обратиться с рекомендациями к общественным организациям, например, профкому, с тем, чтобы он осуществлял меры, соответствующие его компетенции: защита законных прав трудящихся, надзор за безопасным трудом и санитарным бытом, организация отдыха трудящихся, контроль за оздоровительными мероприятиями и др. Однако СТК был не в праве вторгаться в сферу деятельности общественных организаций, которые функционировали на основе своих уставов.

В феврале 1988 г. Госкомитет СССР по труду и социальным вопросам и ВЦСПС приняли рекомендации о порядке избрания советов трудовых коллективов и руководителей предприятий (объединений). В них предлагалось избирать в СТК представителей администрации, но не более четверти общего количества членов совета. Не рекомендовалось избирать председателями СТК руководителей предприятий, а также расширять состав СТК. Выборы в советы трудовых коллективов, проведенные в УАССР в мае 1988 г., показали обратную картину. Всего было сформировано 502 СТК и около тысячи советов подразделений. В их состав входили 11,7 тыс. человек. 197 СТК возглавили директора предприятий (39 % от общего количества), 21 % – рабочие, остальные – специалисты и руководители различных служб [5, с. 11–12]. Это произошло в силу патерналистско-социалистических стереотипов сознания, характерных и для администрации и для работников. Поэтому первоначально СТК не могли найти своего места в системе управления. Их работа была во многом похожа на деятельность прежних постоянно действующих производственных совещаний, которые

являлись органами при руководителе и не решали вопросы жизнедеятельности трудового коллектива. В условиях хозяйственной реформы встал вопрос разграничения функций между СТК и профкомом. Поставить четкую границу между ними оказалось невозможно.

Перестройка производственных отношений оказалась наиболее противоречивым начинанием. Результатом реформ в данной сфере стала неразбериха в управлении производством, которая облегчила проведение приватизации и сохранение административной и хозяйственной власти руководства отраслей, предприятий и т.п. В дальнейшем, после 1988 г., основные усилия реформаторов были сосредоточены на преобразованиях в государственно-партийной системе, сопровождавшихся ухудшением общесоюзной экономической ситуации, разрывом межрегиональных хозяйственных связей, резким спадом производства. Немаловажную роль в этих деструктивных процессах сыграли качество законодотворческого процесса регулирования производственных отношений и специфика правоприменительной практики. Уроки недавнего прошлого могут оказать влияние на дальнейшее становление предпринимательского, корпоративного, хозяйственного и иного отраслевого права России в условиях либерально-демократического выбора 1993 г.

1. Воронцов Н. Трудовой коллектив. Что он может / Н. Воронцов // Пропагандист и агитатор. 1986. № 1.

2. Грачев В. Конкретная программа действий / В. Грачев // Пропагандист и агитатор. 1988. № 7.

3. Колеватова В. Основа перестройки в экономике / В. Колеватова // Пропагандист и агитатор. 1987. № 15.

4. Новичков В. Инициативе новаторов – «зеленую улицу!» / В. Новичков // Пропагандист и агитатор. 1986. № 11.

5. Попонин В. Совет трудового коллектива / В. Попонин // Пропагандист и агитатор. 1988. № 9.

6. Шиляев Б. Условия для творчества / Б. Шиляев // Вестник обкома КПСС. 1990. № 17.

1. Voroncov N. Trudovoj kollektiv. Chto on mozhet / N. Voroncov // Propagandist i agitator. 1986. № 1 (Russian).

2. Grachev V. Konkretnaja programma dejstvij / V. Grachev // Propagandist i agitator. 1988. № 7 (Russian).

3. Kolevatova V. Osnova perestrojki v jekonomike / V. Kolevatova // Propagandist i agitator. 1987. № 15 (Russian).

4. Novichkov V. Inicijative novatorov – «zelenuju ulicu!» / V. Novichkov // Propagandist i agitator. 1986. № 11 (Russian).

5. Poponin V. Sovet trudovogo kollektiva / V. Poponin // Propagandist i agitator. 1988. № 9 (Russian).

6. Shiljaev B. Uslovija dlja tvorcestva / B. Shiljaev // Vestnik obkoma KPSS. 1990. № 17 (Russian).

UDC 349.2(09)

LABOR COLLECTIVES IN THE SYSTEM OF SOVIET ECONOMY: HISTORICAL AND LAW ASPECT

Bekhterev Sergey Lvovich,

Udmurtia State University,
Professor at the Chair of Philosophy and
Sociology of Law,
Doctor of Science(History),
Izhevsk, Russia.
E-mail: behtereva@ni.udm.ru

Annotation

The author analyzes domestic historical experience in 1975 – 1980s of participation of workers and labor collectives in the system of soviet economy and also its normative regulation.

Key concepts:

corporate management, labor collectives, system, soviet economy, historical-law aspect.

УДК 330

ПРОБЛЕМЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Дубынина Анна Валерьевна,

Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации,
Челябинский филиал,
доцент кафедры экономики и финансов,
кандидат экономических наук,
профессор Российской
академии естествознания,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: ann-file@mail.ru

Аннотация

Важнейшим направлением развития и функционирования страны на современном этапе является создание и развитие инновационной экономики.

Эта экономика основана на новых технологиях, знаниях, массовом спросе на инновации, в России имеются некоторые позитивные моменты ее построения. Однако современная инновационная экономическая система требует дальнейшего совершенствования и выбора механизмов ее активизации и эффективности на региональном уровне.

Ключевые понятия:

инновационная экономика,
инновационная деятельность,
инновационная активность,
интенсивность инновационной
деятельности.

Обеспечение динамически устойчивого развития экономики предусматривает в качестве первостепенной своей задачи инновационную деятельность, способную обеспечить непрерывную модернизацию технической и технологической базы реального производственного сектора, освоение, совершенствование и выпуск конкурентоспособных товаров и услуг и их эффективное проникновение на мировые рынки товаров и услуг. Данное, безусловно, предполагает реформирование всех жизненных сфер общества и, прежде всего, экономики.

Итогом трансформации сырьевой экономики должно стать создание новой формы экономической системы – инновационной экономики.

В основе теории инновационного пути развития экономики лежит понятие «инновация». В учебнике «Инновационный путь развития экономики» инновация определяется как конечный результат инновационной деятельности, получивший реализацию в виде нового или усовершенствованного продукта, реализуемого на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности [1].

В России еще пока не создана инновационная экономика, характерная для экономики знаний. Тем не менее, нельзя не отметить некоторые, хотя и небольшие, позитивные моменты в формировании современной инновационной экономической системы, о чем свидетельствует российская статистика последних лет. В частности, финансирование из бюджета инновационных проектов в 2011 г. увеличилось почти в 2 раза и составило 742 млрд руб. по сравнению с 419 млрд руб. в 2010 г. То есть, институты государственной власти отчетливо осознают важность и необходимость инноваций в борьбе с экономическим кризисом и определяют развитие уникального национального научно-технического потенциала, интеллектуальных ресурсов и технологической базы России в качестве важнейшей общенациональной задачи [3, с. 5].

Экономической характеристикой инновационной деятельности принято считать определенный уровень затрат на научные исследования и разработки. Доля затрат на исследования и разработки в ВВП страны увеличился всего лишь на 0,2 процентных пункта (с 1,05% ВВП в 2000 г. до 1,2% ВВП в 2010 г. [2, с. 14, 4]. В то же время в США общий объем затрат на исследования

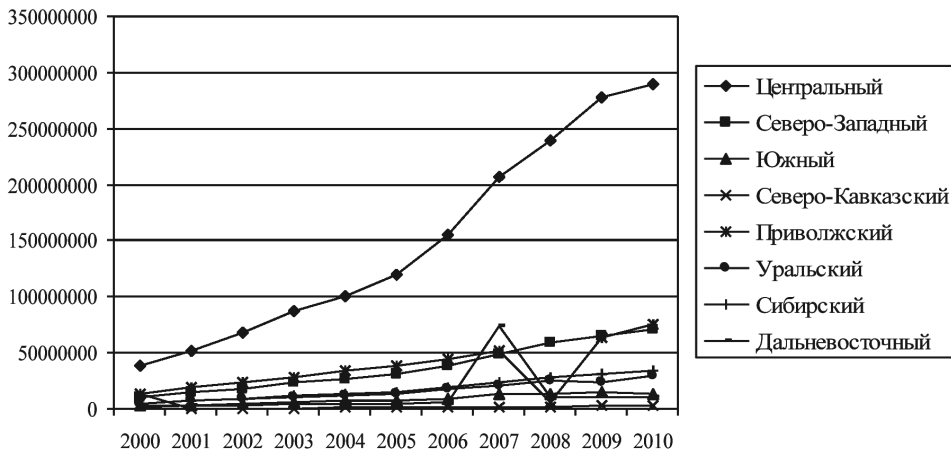
и разработки составляет 2,77%, в Германии этот показатель равен 2,64%, в Израиле он составляет 4,86%, в скандинавских странах – более 3% [2, с. 14]. Учитывая данную тенденцию, Правительство Российской Федерации в ближайшие годы ставит задачу кардинального увеличения расходов на научные исследования и разработки и доведения их к 2020 г. до 2,5% от ВВП [2, с. 14].

Анализ динамики затрат на исследования и разработки определяет положительную тенденцию по всем федеральным округам за 2000–2010 гг. (рис. 1) [4]. Однако наблюдается значительный разрыв по уровню затрат на научные исследования и разработки между Центральным округом и остальными федеральными округами, которые находятся примерно на одном уровне.

Таблица 1

Затраты на исследования и разработки по федеральным округам России в ВВП в 2009 г.

Федеральный округ	% в ВВП
Центральный	0,90
Северо-Западный	0,20
Южный	0,04
Северо-Кавказский	0,01
Приволжский	0,20
Уральский	0,08
Сибирский	0,01
Дальневосточный	0,03

Рисунок 1. Динамика затрат на исследования и разработки в разрезе федеральных округов за 2000 – 2010 гг.

Интенсивность инновационной деятельности в федеральных округах характеризуют темпы роста затрат на исследования и разработки в ВВП [4]. При этом ведущую роль в этом процессе играет Центральный федеральный округ, затраты которого в период с 2000 г. по 2009 г. увеличились на 0,3% и составили в 2009 г. 0,9% в ВВП. Затраты на инновационные исследования и разработки по остальным федеральным округам за этот же период не изменились (см. табл. 1) [4]. Приведенные данные свидетельствуют о необходимости формирования и совершенствования организационно-экономического механизма активизации инновационной политики на региональном уровне, выбора критериев оценки его реализации.

Важной характеристикой инновационных процессов является поступление патентных заявок и выдача охранных документов, общее число которых в 2009–2010 гг. по федеральным округам показано на рис. 2 [4].

Анализ выданных патентов на изобретения и полезные модели в расчете на душу населения показывает высокую дифференциацию федеральных округов и регионов Российской Федерации по этому показателю (см. табл. 2). Можно выделить 2 округа, которые по активности патентной деятельности в 2010 г. стали лидерами: Центральный и Северо-Западный. Аутсайдерами по этому показателю стали Северо-Кавказский и Дальневосточный федеральные округа [4].

Таблица 2

Число выданных патентов на изобретения и полезные модели на душу населения в разрезе федеральных округов в 2010 г.

Федеральный округ	Число патентов на душу населения, шт.
Центральный	0,39
Северо-Западный	0,20
Южный	0,14
Северо-Кавказский	0,08
Приволжский	0,19
Уральский	0,16
Сибирский	0,16
Дальневосточный	0,09

Масштабы создания передовых производственных технологий за период 2000–2010 гг. характеризуются следующими данными: в целом по Российской Федерации их число составило 8141, в том числе в г. Москве – 1559, г. Санкт-Петербурге – 887, Нижегородской области – 620, Свердловской области – 532, Самарской области – 409, Тюменской области – 376. При этом есть регионы, в которых число созданных передовых технологий не превышает 5. К ним относятся: Ивановская область – 3, Республика Адыгея – 3, Тамбовская область – 2, Республика Тыва – 2, Камчатский край – 1, Амурская область – 1. Кроме того, есть регионы, в которых этот показатель отсутствует, то есть в период 2000–2010 гг. в них не создавалось передовых производственных технологий. К таким регионам относятся: Липецкая область, Республика Ингушетия, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика [4].

По числу использованных новейших производственных технологий лидерами являются Центральный и Приволжский федеральные округа. Наихудшая картина складывается в Северо-Кавказском и Дальневосточном округах (см. рис. 3) [4].

Инновационную активность федеральных округов России характеризует производство инновационных товаров, работ, услуг. В среднем по России этот показатель составляет 4,8 % [4]. Доля новых товаров, работ и услуг в общем объеме отгруженных

товаров, выполненных работ, оказанных услуг в целом по России и федеральным округам показана на рисунке 4.

Анализ диаграммы (см. рис. 4) показывает, что лидирующие позиции по удельному весу инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ и оказанных услуг занимает Приволжский федеральный округ, на новые товары которого приходится 10,5 %. В Дальневосточном округе доля инновационных товаров всего лишь 1,5 %, что требует соответствующих решений управления производством товаров, работ и услуг на инновационной основе.

Анализ числа организаций, выполнявших научные исследования и разработки в 2010 г. в разрезе федеральных округов России позволяет сделать вывод об их крайне неравномерном распределении по территории России (табл. 3) [4].

Таблица 3

Число организаций, осуществляющих инновационную деятельность в 2010 г.

Федеральный округ	Число	%
РФ	3492	100
Центральный	1358	38,9
Северо-Западный	502	14,4
Южный	231	6,6
Северо-Кавказский	92	2,6
Приволжский	534	15,3
Уральский	207	5,9
Сибирский	404	11,6
Дальневосточный	164	4,7

Наибольший удельный вес организаций, реализующих инновационную деятельность, приходится на Центральный федеральный округ (38,9%). Наихудшая картина складывается в Северо-Кавказском и Дальневосточном округах, где удельный вес организаций, выполняющих научные исследования и разработки, составляет 2,6% и 4,7% соответственно.

Затраты на технологические инновации в целом по России за 2000–2010 гг. вы-

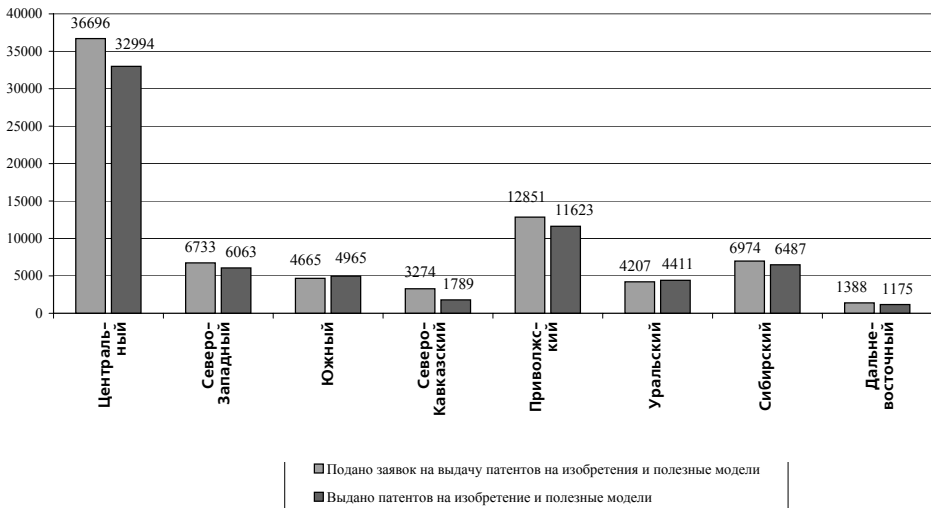

Рисунок 2. Поступление патентных заявок и выдача охранных документов в 2009–2010 гг.

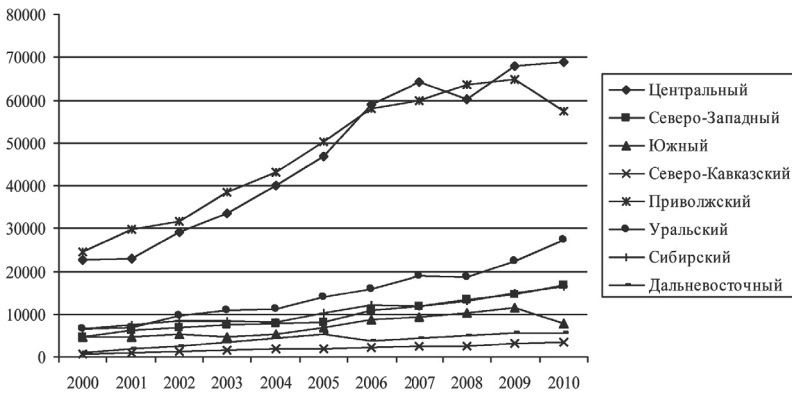
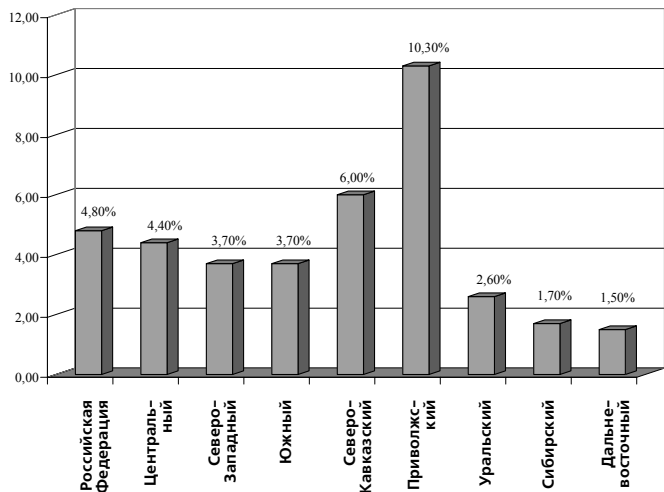

Рисунок 3. Динамика числа использованных передовых производственных технологий за 2000–2010 гг.

Рисунок 4. Удельный вес инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ и оказанных услуг в среднем за 2005–2010 гг.

росли всего лишь в 0,6 раза [4]. При этом ведущую роль в этом процессе играет Северо-Кавказский федеральный округ, затраты которого в этот период увеличились в 38 раз. Необходимость усиления внимания Правительства к проблемам развития Северного Кавказа, активизации процесса внедрения инноваций отмечено в программе развития Северного Кавказа, в соответствии с которой региону выделят 2,5 трлн руб. до 2015 г. Наименьший показатель приходится на Южный округ, где затраты на технологические инновации за 2000–2010 гг. увеличились в 3,3 раза.

Таким образом, результаты статистического анализа подтверждают не только низкую инновационную активность в России, но и высокий уровень ее дифференциации в ее федеральных округах. Обращает внимание тот факт, что по росту затрат на технологические инновации Северо-Кавказский федеральный округ является лидером, но по уровню затрат на исследования и разработки в процентах от ВРП данный округ – аутсайдер. В этих условиях необходимо совершенствование механизмов формирования взаимодействия институтов инновационной деятельности в целом и по отдельным направлениям на уровне государства и на уровне региона. Выявленная дифференциация создает предпосылки различий в социально-экономическом развитии регионов. Поскольку от уровня роста инновационного потенциала, который рассматривается в качестве ориентира активной инновационной политики, в конечном итоге зависит выполнение социально ориентированных задач.

Выявленные значительные диспропорции в региональном инновационном развитии обуславливают необходимость создания целостной инновационной экономики в основном на принципах эффективности. В первую очередь речь идет не столько о результатах развития инновационного потенциала, сколько о действиях государства по формированию инновационной экономической системы и ее институциональных основ.

В числе основных проблем субъектов инновационной деятельности в регионах и стране в целом важно отметить проблему финансового обеспечения инновационного развития, которая остается одной из самых сложных, несмотря на постоянное увеличение в последние годы расходов на научные исследования и разработки, на технологические инновации. В связи с этим большое значение должно придаваться вопросам финансового обеспечения субъектов инноваци-

онной деятельности, осуществляемого путем использования прямых и косвенных форм поддержки инновационных процессов.

К прямым формам активизации инновационной деятельности можно отнести: более полное использование системы федеральных, региональных и местных грантов бизнесу по различным направлениям инновационной деятельности, включая проведение НИОКР, разработку новых инновационных товаров и услуг, компенсацию затрат на приобретение патентов, государственные, региональные и местные гарантии, предоставляемые бизнесу, различные схемы совместного финансирования инновационных проектов властями различных уровней, бизнесом и коммерческими банками. Применение данных форм стимулирования инновационных процессов особенно актуально для регионов, отстающих в инновационном развитии.

К прямым механизмам регулирования инновационной деятельности относится и реализация региональной инновационной политики. В ее рамках следует уделить особое внимание развитию малого и среднего инновационного бизнеса, который может серьезно помочь в формировании спроса на инновации и сокращении разрыва в инновационном развитии регионов. В этих целях могут быть использованы косвенные формы поддержки инновационной активности. К их числу следует отнести: использование стимулирующих налогов, расширение льготного перечня НИОКР, предоставление льгот по уплате налога на прибыль и налога на имущество, совершенствование нормативно-правового регулирования научной и инновационной деятельности, создание экономических механизмов для повышения востребованности инноваций отечественными производителями и потребителями, совершенствование системы подготовки кадров для инновационной экономики и др., то есть все то, что обеспечивают реализацию мероприятий инновационного характера.

В последние годы государство активизировало свою нормативно-правовую функцию по активизации инновационной деятельности. Результативность инновационного развития остается слишком низкой, поскольку принимаемые меры не имеют единства с современным пониманием бизнеса, общества. Это связано с тем, что государство, как основной субъект организации инновационного развития регионов и страны в целом, считает, что построить инновационную экономику можно регулированием сверху. Но нельзя недооценивать роль общества и бизнеса как

субъектов самоорганизации инновационных процессов и общественного регулирования инновационной экономики снизу.

В условиях построения современной инновационной экономики государство не может в полной мере выполнять функцию единственного субъекта организации инновационных процессов в регионах. В этой связи значимость приобретают другие субъекты общества (органы местного самоуправления, бизнес, некоммерческие организации «третьего» сектора экономики), которые дополняют государственное регулирование инновационных процессов на макроуровне самоорганизацией и саморегулированием инновационной деятельности на мезо- и микроуровне экономики.

Таким образом, современное состояние общества обуславливает неприемлемость проведения инновационной политики только институтом государства. Нужна институциональная среда, основанная на всестороннем использовании деятельности всех участников инновационного процесса. Государству следует инициировать инновационные процессы в регионах, создавая благоприятные условия для их осуществления всеми другими участниками (региональные и местные органы власти, малый, средний бизнес и крупные корпорации, научные и образовательные учреждения). Инновационное развитие экономики станет возможным только тогда, когда в нем будут заинтересованы все экономические агенты, а также когда оно будет опираться на их инициативы.

1. Инновационный тип развития экономики [Текст]: Учебник. М.: Изд-во РАГС, 2007. 711 с.

2. Медведев, Ю.Н. Человек инновационный [Текст] / Ю.Н. Медведев // Российская газета. 2011. 19 января. № 8. С. 14.

3. Фомченков, Т.А. WiFi поплыл [Текст] / Т.А. Фомченков // Российская газета. 2011. 27 мая. № 113. С. 5.

4. Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>. (дата обращения: 10.12.2012).

1. Innovatsionnyj tip razvitiya jekonomiki [Tekst]: Uchebnik. M.: Izd-vo RAGS, 2007. 711 s. (Russian).

2. Medvedev, Ju.N. Chelovek innovatsionnyj [Tekst] / Ju.N. Medvedev // Rossijskaja gazeta. 2011. 19 janvarja. № 8. S. 14 (Russian).

3. Fomchenkov, T.A. WiFi poplyl [Tekst] / T.A. Fomchenkov // Rossijskaja gazeta. 2011. 27 maja. № 113. S. 5 (Russian).

4. Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.gks.ru>. (data obrashhenija: 10.12.2012) (Russian).

UDC 330

ISSUES OF ECONOMY INNOVATIVE DEVELOPMENT ON THE REGIONAL LEVEL

Dubynina Anna Valerievna,
Financial University under the Government of the Russian Federation, Chelyabinsk branch, Candidate of Science (Economics), Associate Professor at the Chair of Economy and Finance, Professor of Russian Academy of Natural History, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: ann-file@mail.ru

Annotation

The most important direction of developing and functioning of a country nowadays is creation and development of innovative economy. This economy is based on new technologies, knowledge, mass demand on innovations. There are some positive moments of its creation in Russia. However modern innovative economy systems demands further perfection and choice of mechanisms of its activation and effectiveness on the regional level.

Key concepts:

Innovative economy, innovative activity, intensity of innovative activity.

УДК 622

РАЗВИТИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СЕКТОРА В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ДЕТЕРМИНАЦИЯ И ОЦЕНКА ФАКТОРОВ

Федоров Денис Владимирович,
ООО «Газпром энергохолдинг»,
генеральный директор,
кандидат технических наук,
г. Москва, Россия.
E-mail: office@gazenergocom.ru

Аннотация

Проведен анализ факторов, которые влияют на уровень развития энергетического сектора в федеральных округах РФ. Доказано различие ФО по выделенным признакам. Отмечено, что по различным показателям участвующие в анализе ФО могут занимать как лидирующие, так и средние или замыкающие позиции.

Ключевые понятия:

энергетический сектор, электроэнергетика, государственное регулирование, ресурсный потенциал, социально-экономическое развитие.

Энергетический сектор Российской Федерации, являясь сложной межотраслевой системой по добыче, производству и распределению топлива и электроэнергии, в своем развитии находится под воздействием ряда факторов, от интенсивности влияния которых зависит не только его эффективность на национальном уровне, но также и результативность функционирования всех составляющих (федеральных округов (ФО), регионов, областей и пр.) в аспекте пространственной идеологии.

По имеющимся статистическим данным можно заключить, что лидирующие позиции по добыче угля принадлежат Сибирскому ФО, а объемы Дальневосточного ФО составляют всего лишь 1/8 от его добычи. Незначительной является доля остальных округов по указанному показателю. В сфере добычи газа и нефти ситуация следующая: на первом месте Уральский ФО. Далее находится Приволжский ФО, добывающий примерно треть от уровня предыдущего округа.

Очевидным является тот факт, что уровень развития энергетического сектора в отдельном ФО напрямую зависит от ресурсного потенциала данной территории, то есть от наличия и разнообразия природных ископаемых. Одновременно с этим указанный фактор, если рассматривать его изолированно, не обеспечит высокого уровня развития энергетического сектора в ФО без соответствующей эффективной политики государственного регулирования отрасли, призванной формулировать и реализовывать направления энергетической политики в отношении добычи, транспортировки и использования энергоресурсов, финансирования энергетической инфраструктуры, стимулирования развития приоритетных источников энергии и т.д. В этой связи фактор государственного регулирования отрасли предопределяет эффективность функционирования элементов отрасли, в частности, генерирующих, добывающих объектов, а также способность отрасли удовлетворить собственные энергетические потребности ФО. Размер последних зависит от уровня социально-экономического развития ФО, определяемого в науке широко распространенным перечнем статистических индикаторов.

Таким образом, мы полагаем, что уровень развития энергетического сектора в ФО находится под влиянием трех базовых факторов, которые можно описать множеством показателей (см. табл. 1).

Таблица 1

**Факторы, влияющие на уровень развития энергетического сектора
в федеральных округах РФ**

Факторы	Показатели, характеризующие каждый фактор	Описание фактора
1	2	3
Ресурсный и энергетический потенциал ФО	Добыча полезных ископаемых. Обработывающие производства. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды. Строящиеся объекты энергетического сектора.	Фактор характеризует потенциал ФО не только по объему добычи и переработке энергоресурсов, но и по масштабам возможностей строительства новых объектов отрасли.
Государственное регулирование и эффективность отрасли в ФО	Численность работников органов местного самоуправления. Мощность объектов генерации электроэнергии. Число действующих организаций по видам деятельности: <ul style="list-style-type: none"> – добыча полезных ископаемых; – обрабатывающие производства; – производство и распределение электроэнергии, газа и воды. Потребление электроэнергии в расчете на душу населения. Электроемкость производства.	Фактор оценивает степень зрелости системы регулирования с точки зрения имеющегося опыта и количества регулирующих органов. Мощность объектов генерации используется в качестве показателя опыта работы в энергетике. Эффективность отрасли оценивается по показателям потребления электроэнергии у населения и в производстве.
Уровень социально-экономического развития ФО	ВРП на душу населения. Средняя заработная плата. Инвестиции в основной капитал.	Данный фактор позволяет оценить возможности ФО в области финансирования строительства новых объектов энергетики.

Следует подчеркнуть, что сильное давление со стороны государственных органов не способствует эффективному развитию энергетического сектора. Речь идет о завышенном уровне регулирования отраслью, который в данной работе предлагается оценить с помощью коэффициента соотношения количества работников органов местного самоуправления (регулирующие и контролирурующие органы, органы лицензирования и т.д.), приходящихся на одно действующее предприятие энергетического сектора по отраслям (см.табл. 2).

Приведенные расчеты демонстрируют, что наиболее зарегулированной является отрасль энергетики по добыче полезных ископаемых, а наименьшее давление со стороны регулирующих органов наблюдается в сфере обрабатывающих производств. Это характеризует монопольное государственное управление предприятиями по добыче энергоресурсов и свободную рыночную конкуренцию у обрабатывающих предприятий, находящихся в частной собственности. Максимальное давление со стороны органов местного

самоуправления фиксируется в Южном и Северо-Кавказском ФО.

Учитывая присущие российской экономике бюрократические препятствия, наличие более 100 работников органов местного самоуправления, регулирующих деятельность одного предприятия, – является первостепенным дестимулирующим фактором развития эффективного энергетического сектора.

Также расчеты показывают, что максимальное давление со стороны регулирующих органов наблюдается совсем не в тех ФО, которые обладают наибольшим ресурсным потенциалом, что можно было бы связать со стратегической важностью запасов энергоресурсов. В связи с этим мы акцентируем внимание на первоочередной необходимости реформирования системы государственного и муниципального управления развитием энергетического сектора, а именно уменьшение регуляторного воздействия на деятельность субъектов энергетики.

Отсутствие резких колебаний наблюдается в сфере производства и распределе-

Оценка уровня государственного регулирования энергетического сектора в 2011 г.*

ФО	Число работников органов местного самоуправления, регулирующих деятельность одного предприятия энергетического сектора по отраслям, чел.		
	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды
Центральный	86	2	47
Южный	128	5	60
Северо-Кавказский	131	11	113
Приволжский	109	4	56
Северо-Западный	91	2	55
Уральский	57	4	48
Сибирский	99	5	54
Дальневосточный	52	8	57
В среднем по РФ	89	4	55

ния электроэнергии, газа и воды: по всем исследуемым ФО уровень регулирования энергетического сектора был в диапазоне 47–60 (кроме Северо-Кавказского ФО) сотрудников органов местного самоуправления в расчете на одно предприятие отрасли, при среднем коэффициенте по РФ – 55. Мы склоняемся к мнению, что указанная тенденция является результатом проведенной реформы либерализации отрасли электроэнергетики в период 2007–2008 гг.

В условиях возрастающего тренда экономики России происходит увеличение доходов населения, в связи с чем отмечается среднестатистический рост потребления электроэнергии (рис. 1–2).

Анализируемые ФО являются неоднородными по уровню своего экономического развития, а также по климатическим характеристикам, которые объективно влияют на объем потребления электроэнергии населением. Причем современная проблема возрастающего спроса на энергоресурсы со стороны населения связана с ростом потребления непосредственно в секторе городских домохозяйств, что обусловлено интенсивным развитием отраслей сервисной экономики. В дополнение к этому на рост энергопотребления влияет также увеличение темпов строительства жилья. Однако указанные процессы в целом позитивно воздействуют на развитие экономики, стимулируя ее

в посткризисный период, но обостряют проблему нехватки мощностей во многих крупных городах и столичных агломерациях, которые отличаются максимальным потреблением электроэнергии.

Фактор доходов населения, выраженный в данном исследовании показателем средней заработной платы в ФО, оказывает значительное влияние на развитие энергетического сектора. Это проявляется в том, что рост доходов населения изменяет структуру потребительских расходов, которые в свою очередь стимулируют рост строительства, развитие торговли, общественного питания и прочих секторов сервисной экономики. На базе отмеченных процессов формируется новая модель уровня и качества жизни населения, определяемая развитием энергоемкого досуга за пределами собственного жилья, ведущая к мультипликативному увеличению потребления электроэнергии. В этой связи стоит согласиться с утверждением российских ученых относительно того, что специфика жизни в регионах, ориентированных на сервисную и индустриальную экономику, становится важным стратифицирующим фактором [1].

Также уровень развития энергетического сектора в федеральных округах РФ зависит от объема инвестиций в основной капитал как потенциальной возможности ФО к строительству объектов отрасли,

* Самостоятельные расчеты автора на основании источника [2].

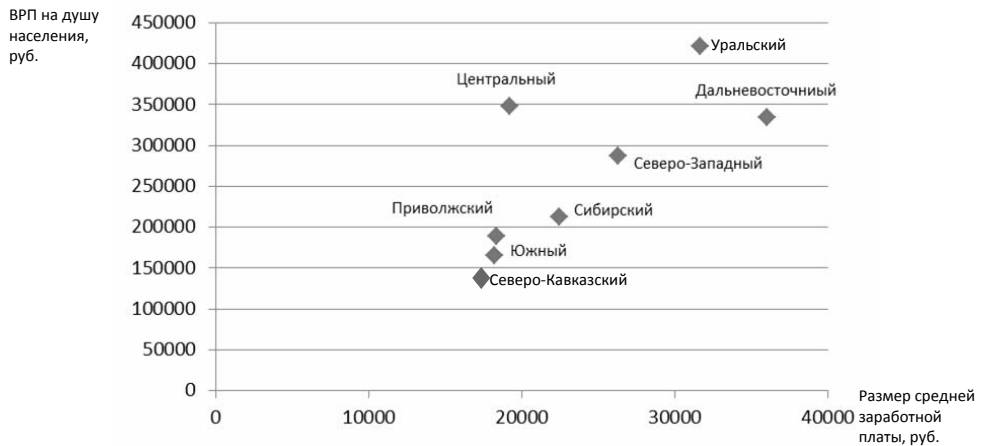

Рис. 1. Зависимость показателя ВРП на душу населения от среднего размера заработной платы в ФО РФ в 2011 г. (по данным Росстата [2])

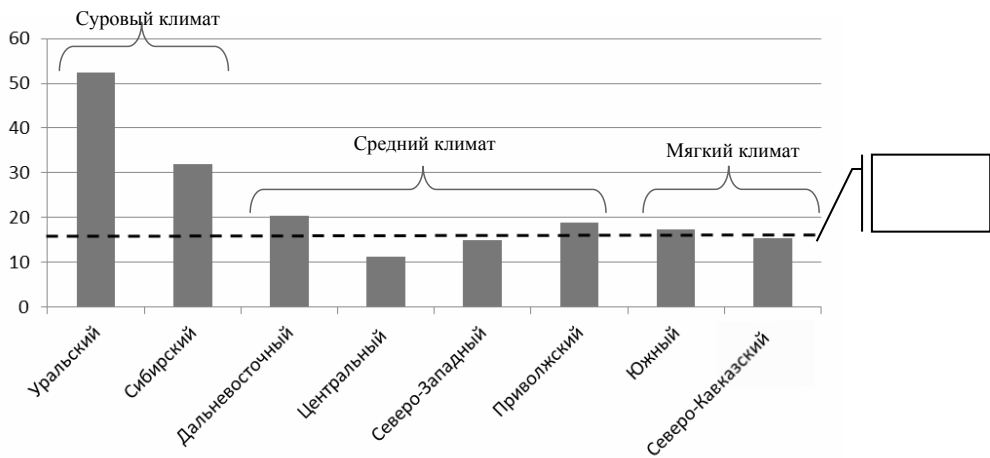

Рис. 2. Показатель потребления электроэнергии в расчете на душу городского населения по ФО в разрезе климатических зон в 2011 г., тыс.кВт·час/чел. (по данным Росстата [2])

обновлению и увеличению мощности существующих генерирующих станций или предприятий добывающего сектора.

По показателю инвестиций в основной капитал на душу населения официальная статистика [2] приводит следующий рейтинг округов РФ (см. табл. 3).

Приведенные данные демонстрируют абсолютное лидерство по объемам инвестиций в основной капитал у Дальневосточного и Уральского ФО. Причем по показателю располагаемых энергоресурсов Уральский ФО значительно превосходит Дальневосточный. Разрыв между максимальным и минимальным значением

по объему инвестиций составляет почти 80%, что характеризует высокую степень неоднородности развития ФО в аспекте инвестиционного потенциала. Однако объединяющей чертой всех исследуемых ФО является потребность в дополнительных инвестициях в основной капитал, где свой нормативный срок (более 25 лет) отработали 67% действующих линий электропередачи (ЛЭП) и 47% электростанций, а при заявленном государственной энергетической стратегией увеличении мощности объектов генерации такой большой уровень износа может привести к сбою работы всего энергетического сектора.

На сегодняшний день основные показатели работы единых электрических сетей России характеризуются в региональном разрезе также значительной неоднородностью (табл. 4).

Максимальная установленная мощность электрогенерации и нагрузка электрических сетей отмечена в Центральном ФО, что связано с наибольшей плотностью населения, ростом строительства и вводом в эксплуатацию жилья, увеличением сервисных услуг, что обуславливает соответствующее увеличение потребности в электрической энергии. Далее располагаются Уральский и Сибирский ФО, у которых высокий уровень анализируемых показателей связан с промышленной ориентацией округов и энергоемким производством.

Проведенный анализ дает основание заключить, что соотношение параметров потребления и производства электроэнергии в большинстве ФО России сбалансированно, что свидетельствует об эффективном расположении генерирующих объектов отрасли. Исключение составляют Сибирский и Южный регионы, где показатели потребления электрической энергии больше объемов ее выработки (разница составляет соответственно 3,7% и 8,6%).

Таким образом, с целью глубокого и всестороннего анализа развития энергетического сектора было проведено его исследование на уровне федеральных округов. Сопоставительный анализ показателей, описывающих каждый фактор, доказал пространственную неоднородность исследуемых территорий. Было отмечено, что по различным показателям участвующие в анализе ФО могут занимать как лидирующие, так и средние или замыкающие позиции.

В целом для эффективного развития энергетического сектора на уровне федеральных округов РФ необходим комплексный сбалансированный подход, включающий в себя ориентацию не только на технические показатели работы энергетики, а также и на сопряженные сферы экономики, которые, находясь под влиянием энергетического сектора, также одновременно воздействуют на него.

Взаимосвязь и взаимодополнение представленных в работе факторов раскрываются при анализе отдельных показателей, описывающих их. Так, ресурсный и энергетический потенциал отдельного ФО, характеризующийся не только объемами добычи и переработки энергоресурсов, но также и масштабами возможностей по дальнейшему

Таблица 3

Федеральные округа РФ по показателю инвестиций в основной капитал на душу населения в 2011 г. (по данным Госкомстата)

Регионы	Инвестиции, тыс. руб.	Место, занимаемое в РФ
Дальневосточный	129994	1
Уральский	104330	2
Северо-Западный	67752	3
Центральный	50378	4
Южный	45634	5
Сибирский	42523	6
Приволжский	41670	7
Северо-Кавказский	25393	8

Таблица 4

Показатели работы отрасли электроэнергетики в 2011 г. (по данным Госкомстата)

ФО	Показатели			
	Установленная мощность, МВт	Нагрузка, МВт	Выработка электрической энергии, млрд кВт/ч	Потребление электрической энергии, млрд кВт/ч
Дальневосточный	9246,6	4243	31,09	29,91
Уральский	43285,3	34853	250,47	248,73
Северо-Западный	21572,1	14700	101,36	92,72
Центральный	49871,4	39633	236,5	221,85
Сибирский	46899,8	27654	200,54	208,35
Приволжский	26422,2	17603	109,51	104,99
Южный	17571,2	12585	75,25	82,41

строительству новых объектов энергетики, не может быть реализован в полной мере без соответствующего уровня государственного регулирования отрасли, с одной стороны, а, с другой, – напрямую зависит от объемов инвестиций в данный сектор. То есть в данном случае система регулирования энергетического сектора может послужить как катализатор в развитии энергетики в отдельном ФО, так и оказать свое дестимулирующее воздействие. В результате принятых государственных и муниципальных решений общие показатели развития энергетического сектора, такие как потребление электроэнергии у населения и в производстве, будут служить критериями утверждения или отклонения таких управленческих решений. При этом финансовые возможности реализации любого рода предложений по развитию энергетики в ФО России зависят от общего уровня социально-экономического развития округов.

Проведенный в статье анализ доказывает неразрывность учета широкого перечня факторов при исследовании такой сложной и стратегически важной сферы национального хозяйства, как энергетический сектор. Практическая значимость проведенного анализа реализуется в решении задач государственного управления, а именно исследовании влияния энергетического сектора на основные социально-экономические показатели развития в стране и ее регионах. Выделенная взаимосвязь трех составляющих позволяет комплексно проследить количественные изменения отдельных показателей в результате принятия программ развития энергетического сектора на государственном и региональном уровнях. Предложенный автором подход при необходимости может быть дополнен другими факторами и показателями в зависимости от специфики объекта исследования и необходимости анализа более узких направлений энергетики, например, для отдельного федерального округа или генерирующего объекта.

1. Бурдяк А.Я. Анализ региональных тенденций энергопотребления в секторе домашних хозяйств // SPERO. 2008. № 9. С. 165–186.

2. Регионы России. Социально-экономические показатели 2011 г.: Статистический сборник. М.: Росстат, 2012. 996 с.

1. Burdjak A.Ja. Analiz regional'nyh tendencij jenergotreblenija v sektore domashnih hozjajstv // SPERO. 2008. № 9. S. 165–186 (Russian).

2. Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli 2011 g.: Statisticheskij sbornik. M.: Rosstat, 2012. 996 s. (Russian).

UDC 622

ENERGY INDUSTRY DEVELOPMENT IN FEDERAL DISTRICTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: DETERMINATION AND FACTORS EVALUATION

Fedorov Denis Vladimirovich,
LLC "Gazprom energoholding" CEO,
Candidate of Science (Engineering),
Moscow, Russia.
E-mail: office@gazenergocom.ru

Annotation

Factors influencing the level of energy industry development are analyzed in the article. Federal districts distinction on several characteristics is proven. Federal districts mentioned in the analysis can be on first places, middle or closing. It depends upon various factors.

Key concepts:

energy industry, electrical energy industry, state regulation, resource potential, social and economical development.

УДК 338.432, 332.142.4

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СУБСИДИРУЕМОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СЕЛЬСКО- ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ

Неживенко Елена Алексеевна,

Южно-Уральский
профессиональный институт,
заведующая кафедрой
финансов и бухгалтерского учета,
доктор экономических наук,
профессор,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: mrcpk@list.ru

Новикова Ирина Андреевна,

Южно-Уральский
профессиональный институт,
преподаватель,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: novikova_chel@mail.ru

Аннотация

В статье приводятся результаты анализа и прогнозирования эффективности деятельности сельскохозяйственных организаций Челябинской области, получающих субсидии из федерального и регионального бюджета.

Ключевые понятия:

субсидии, прибыль, рентабельность, федеральный бюджет, региональный бюджет, сельскохозяйственные организации.

В настоящее время сельское хозяйство признано приоритетным направлением развития экономики Челябинской области. В соответствии с этим в регионе осуществляются масштабные инвестиционные проекты, оказывается государственная поддержка сельскохозяйственного производства в рамках Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы.

В 2013 году размер субсидий из федерального бюджета сельскому хозяйству области составит 1,58 млрд руб., а из областного – 710 млн руб. Ожидается также предоставление дополнительных субсидий из федерального бюджета на условиях софинансирования из областного бюджета на поддержку начинающих фермеров и семейных животноводческих ферм в совокупном размере 175 млн руб. (92 млн руб. из федерального бюджета, 65 млн руб. – из областного). При этом определены следующие приоритетные направления государственной поддержки областного сельского хозяйства: племенное животноводство, реализация молока, элитное семеноводство, проценты по кредитам, оформление в собственность сельскохозяйственных земель для фермерских хозяйств, несвязанная погектарная поддержка.

Анализ финансовых результатов деятельности 273 организаций сельского хозяйства, значащихся в реестре Министерства сельского хозяйства Челябинской области, показал, что такие субсидии из бюджетов всех уровней являются значимым фактором, определяющим чистую прибыль и прибыль от реализации сельхозпродукции собственного производства.

Результаты корреляционно-регрессионного анализа свидетельствуют о том, что увеличение размера выделяемых сельскохозяйственным организациям субсидий на 1% приводит к росту их чистой прибыли или сокращению убытка на 0,57699%. Увеличение размера выделяемых сельскохозяйственным организациям субсидий на 1% также приводит к росту их прибыли или сокращению убытка от реализации сельхозпродукции собственного производства на 0,51248% (рис. 1, 2).

Группировка сельскохозяйственных организаций Челябинской области по соотношению прибыли (убытка) от реализации сельскохозяйственной продукции собственного производства к субсидиям из бюджетов всех уровней показала, что наибольшее количество предприятий (175) образуют 8-ю группу со средним значением анализируемого показателя 1,11 руб./руб. В этот интервал входит 51 сельскохозяйственная организация, в которой субсидии не покрывают убытки, и 124 организации с положительным значением этого показателя (см. табл. 1).

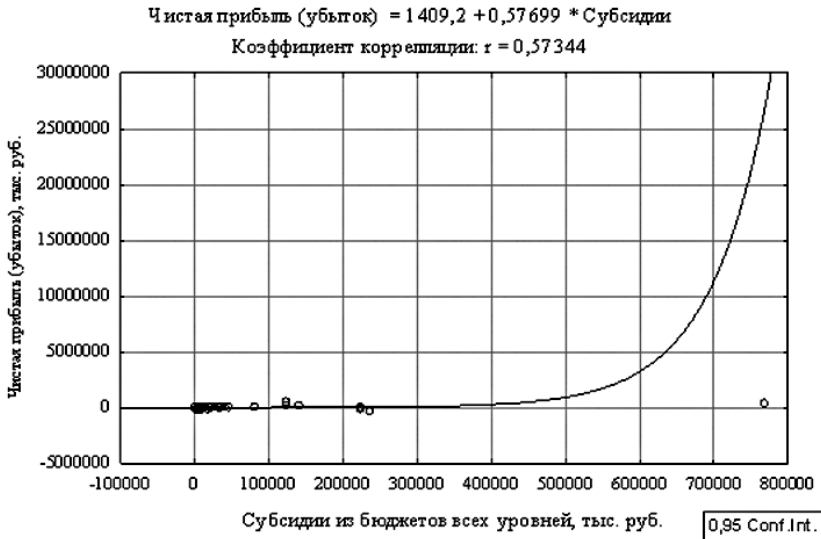

Рисунок 1. Зависимость чистой прибыли (убытка) сельскохозяйственных организаций Челябинской области от субсидий из бюджетов всех уровней в 2011 году

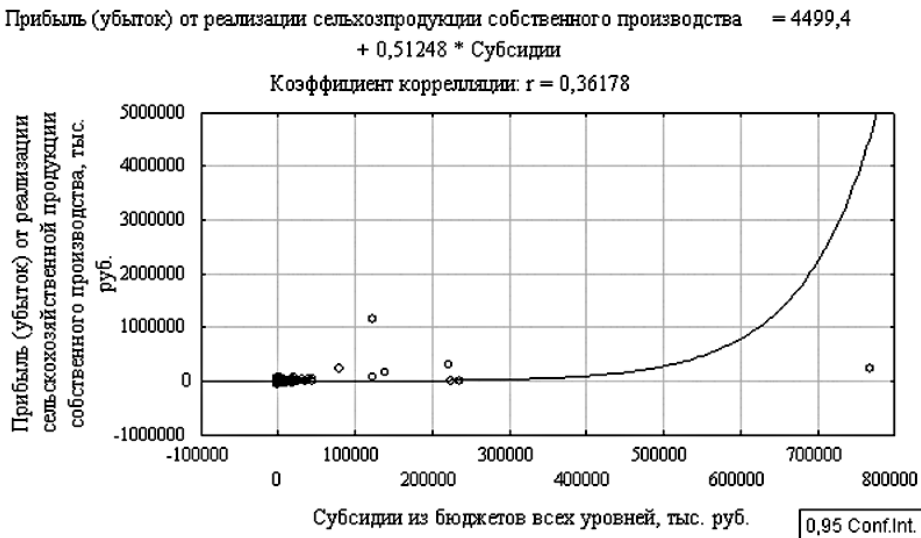

Рисунок 2. Зависимость прибыли (убытка) от реализации сельхозпродукции собственного производства сельскохозяйственными организациями Челябинской области от субсидий из бюджетов всех уровней в 2011 году

Таблица 1

Группировка сельскохозяйственных организаций Челябинской области по соотношению прибыли (убытка) от реализации сельскохозяйственной продукции собственного производства к субсидиям из бюджетов всех уровней за 2011 год

№ группы	Интервалы, руб./руб.		Количество предприятий, входящих в интервал	Число предприятий на растущим итогом	В среднем за 2011 год на интервале, руб./руб.	Середина интервала, руб./руб.
	от	до				
1	-349,8418605	-303,6219588	1	1	-349,84186	-326,7319096
2	-303,6219588	-257,4020571	0	1	-	-280,5120079
3	-257,4020571	-211,1821553	0	1	-	-234,2921062
4	-211,1821553	-164,9622536	0	1	-	-188,0722045
5	-164,9622536	-118,7423519	1	2	-137,55	-141,8523028
6	-118,7423519	-72,52245022	1	3	-76,346154	-95,63240107
7	-72,52245022	-26,30254851	4	7	-40,002147	-49,41249937
8	-26,30254851	19,91735319	175	182	1,11391211	-3,192597659
9	19,91735319	66,1372549	7	189	38,4098149	43,02730405

У семи сельскохозяйственных организаций 9-й группы значение показателя самое высокое и в среднем составляет 38,41 руб./руб.

При группировке муниципальных районов и городских округов Челябинской области по соотношению прибыли (убытка) от реализации сельскохозяйственной продукции собственного производства к субсидиям из бюджетов всех уровней было выявлено, что наибольшее число районов (11) входит в 1-ю группу, характеризующую самым низким уровнем исследуемого показателя (среднее значение -0,16 руб./руб.). В этой группе – Соновский (-1,89 руб./руб.), Нагайбакский (-0,50 руб./руб.), Троицкий (-0,39 руб./руб.), Варненский (-0,13 руб./руб.),

Увельский (-0,008 руб./руб.), Нязепетровский (0,003 руб./руб.), Уйский (0,05 руб./руб.), Верхнеуральский (0,16 руб./руб.), Аргаяшский (0,26 руб./руб.), Кизильский (0,28 руб./руб.), Еткульский район (0,34 руб./руб.) (табл. 2).

Вторую по количеству районов группу образуют Чебаркульский (0,37 руб./руб.), Каслинский (0,50 руб./руб.), Агаповский (0,65 руб./руб.), Октябрьский (0,73 руб./руб.), Карталинский (0,78 руб./руб.), Чеменский (0,88 руб./руб.), Брединский район (2,09 руб./руб.), городские округа Челябинской области (1,03 руб./руб.).

Самые высокие значения показателя имеют Красноармейский (5,22 руб./руб.) и Кунашакский районы (9,40 руб./руб.).

Таблица 2

Группировка муниципальных районов и городских округов Челябинской области по соотношению прибыли (убытка) от реализации сельскохозяйственной продукции собственного производства к субсидиям из бюджетов всех уровней за 2011 год

№ группы	Интервалы, руб./руб.		Количество районов, входящих в интервал	Число районов нарастающим итогом	В среднем за 2011 год на интервале, руб./руб.	Середина интервала, руб./руб.
	от	до				
1	-1,8950717	0,36562663	11	11	-0,16571492	-0,764722526
2	0,36562663	2,62632495	8	19	0,88342141	1,495975791
3	2,62632495	4,88702327	0	19	-	3,756674108
4	4,88702327	7,14772158	1	20	5,22161585	6,017372426
5	7,14772158	9,4084199	1	21	9,4084199	8,278070743

Таблица 3

Группировка сельскохозяйственных организаций Челябинской области по размеру прибыли (убытка) от продаж продукции животноводства за 2011 год

№ группы	Интервалы, тыс. руб.		Количество предприятий, входящих в интервал	Число предприятий нарастающим итогом	Всего за 2011 год в интервале, тыс. руб.	В среднем за 2011 год на интервале, тыс. руб.	Середина интервала, тыс. руб.
	от	до					
1	-219812	-27428,6667	4	4	-336 009	-84 002	-123620,333
2	-27428,6667	164954,6667	247	251	-20 952	-85	68763
3	164954,6667	357338	3	254	664 985	221 662	261146,3333
4	357338	549721,3333	0	254	-	-	453529,6667
5	549721,3333	742104,6667	0	254	-	-	645913
6	742104,6667	934488	0	254	-	-	838296,3333
7	934488	1126871,333	0	254	-	-	1030679,667
8	1126871,333	1319254,667	0	254	-	-	1223063
9	1319254,667	1511638	1	255	1 511 638	1 511 638	1415446,333

В ходе исследования эффективности деятельности субсидируемых сельскохозяйственных организаций была проведена их группировка, а также группировка муниципальных районов и городских округов Челябинской области по размеру прибыли (убытка) от продаж продукции животноводства и растениеводства. В результате такой группировки было установлено следующее.

Абсолютное большинство сельскохозяйственных организаций (247) имеет финансовый результат продаж продукции животноводства, попадающий в интервал от -27 428,666 тыс. руб. (убыток) до 164 954,666 тыс. руб. (прибыль). В том числе 80 организаций имели убытки, 87 организаций не имели ни прибыли, ни убытков и только 80 организаций были прибыльными. В среднем сельскохозяйственные организации этой группы имели убыток в размере 85 тыс. руб. (табл. 3).

При группировке муниципальных районов и городских округов Челябинской области по размеру прибыли (убытка) от продаж продукции животноводства находящихся на их территории сельскохозяйственных организаций было установлено, что все муниципальные районы относятся к 1-й группе со средним значением прибыли в интервале 89 324 тыс. руб. В совокупности на территории этих муници-

пальных районов сформирована прибыль в размере 1 786 478 тыс. руб. Совокупный финансовый результат продажи продукции животноводства сельскохозяйственными организациями, расположенными в следующих 10 муниципальных районах этой группы, был отрицательным: Сосновском (-58 603 тыс. руб.), Троицком (-46 157 тыс. руб.), Варненском (-35 179 тыс. руб.), Нагайбакском (-25 426 тыс. руб.), Кизильском (-16 365 тыс. руб.), Агаповском (-11 323 тыс. руб.), Увельском (-6 454 тыс. руб.), Чебаркульском (-3 053 тыс. руб.), Чесменском (-2 090 тыс. руб.), Нязепетровском районе (-740 тыс. руб.). В остальных муниципальных районах сосредоточены сельскохозяйственные организации, продажи продукции животноводства которых приносят прибыль: Аргаяшском (2 022 тыс. руб.), Уйском (2 582 тыс. руб.), Каслинском (3 599 тыс. руб.), Брединском (3 962 тыс. руб.), Верхнеуральском (3 991 тыс. руб.), Кунашакском (6 718 тыс. руб.), Карталинском (7 831 тыс. руб.), Еткульском (21 387 тыс. руб.), Октябрьском (30 157 тыс. руб.), Красноармейском (33 184 тыс. руб.).

Наиболее прибыльные сельскохозяйственные организации, реализующие продукцию животноводства, расположены на территории городских округов Челябинской области. Их совокупная прибыль составила 1 909 628 тыс. руб. (табл. 4).

Таблица 4

Группировка муниципальных районов и городских округов Челябинской области по размеру прибыли (убытка) от продаж продукции животноводства находящимися на их территории сельскохозяйственными организациями за 2011 год

№ группы	Интервалы, тыс. руб.		Количество районов, входящих в интервал	Число районов нарастающим итогом	Всего за 2011 год в интервале, тыс. руб.	В среднем за 2011 год на интервале, тыс. руб.	Середина интервала, тыс. руб.
	от	до					
1	-58603	335043,2	20	20	1 786 478	89 324	138220,1
2	335043,2	728689,4	0	20	-	-	531866,3
3	728689,4	1122336	0	20	-	-	925512,5
4	1122336	1515982	0	20	-	-	1319158,7
5	1515982	1909628	1	21	1 909 628	1 909 628	1712804,9

Большая часть сельскохозяйственных организаций (225) имеет финансовый результат продаж продукции растениеводства, попадающий в интервал от -13 689,333 тыс. руб. (убыток) до 7 513,333 тыс. руб. (прибыль). В том числе 65 организаций

имели убытки, 29 организаций не имели ни прибыли, ни убытков, и 131 организация является прибыльной. В среднем сельскохозяйственные организации этой группы имели прибыль в размере 412 тыс. руб. В совокупности эти организации в 2011 по-

лучили прибыль от продажи продукции растениеводства в размере 92 597 тыс. руб. (табл. 5).

22 организации имеют положительный финансовый результат продаж продукции растениеводства, попадающий в интервал от 7 513,333 тыс. руб. до 28 716,0 тыс. руб. Их совокупная прибыль за 2011 год превышает совокупную прибыль 225 организаций, входящих в предыдущую группу, в 3,76 раза и составляет 348 889 тыс. руб. Каждая из этих организаций имела прибыль от продажи продукции растениеводства в размере 15 859 тыс. руб.

Три самых прибыльных организации, отнесенных к 9-й группе, имели в среднем прибыль 83 591 тыс. руб., а в совокупности – 250 773 тыс. руб.

При группировке муниципальных районов и городских округов Челябинской области по размеру прибыли (убытка) от продаж продукции растениеводства находящихся на их территории сельскохозяйственных организаций было установлено, что наибольшее число муниципальных районов (15) относится ко 2-й группе со средним значением прибыли в интервале 8 997 тыс. руб. В совокупности на территории этих муници-

Таблица 5

Группировка сельскохозяйственных организаций Челябинской области по размеру прибыли (убытка) от продаж продукции растениеводства за 2011 год

№ группы	Интервалы, тыс. руб.		Количество предприятий, входящих в интервал	Число предприятий нарастающим итогом	Всего за 2011 год в интервале, тыс. руб.	В среднем за 2011 год на интервале, тыс. руб.	Середина интервала, тыс. руб.
	от	до					
1	-98500	-77297,3333	1	1	-98 500	-98 500	-87898,6667
2	-77297,33333	-56094,6667	0	1	-	-	-66696
3	-56094,66667	-34892	0	1	-	-	-45493,3333
4	-34892	-13689,3333	2	3	-33 189	-16 595	-24290,6667
5	-13689,33333	7513,333333	225	228	92 597	412	-3088
6	7513,333333	28716	22	250	348 889	15 859	18114,66667
7	28716	49918,66667	2	252	71 945	35 973	39317,33333
8	49918,66667	71121,33333	0	252	-	-	60520
9	71121,33333	92324	3	255	250 773	83 591	81722,66667

Таблица 6

Прогноз результатов деятельности сельскохозяйственных организаций Челябинской области на 2013–2017 гг.

Показатели	Прогноз				
	2013	2014	2015	2016	2017
Удельный вес прибыльных организаций от общего числа организаций, процентов	68,8	69,7	70,6	71,4	72,3
Рентабельность товаров, продукции, услуг сельского хозяйства, процентов	4,9	5,3	5,6	6,0	6,3
в том числе					
растениеводство	7,1	7,9	8,7	9,4	10,2
животноводство	6,9	6,3	8,5	7,8	8,7

пальных районов сформирована прибыль в размере 134 952 тыс. руб. Совокупный финансовый результат продажи продукции растениеводства сельскохозяйственными организациями, расположенными в следующих 4 муниципальных районах этой группы, был отрицательным: Нагайбакском (-5 097 тыс. руб.), Сосновском (-4 796 тыс. руб.), Еткульском (-3 447 тыс. руб.), Уйском районе (-1 269 тыс. руб.). Остальные муниципальные районы этой группы имеют прибыльные сельскохозяйственные организации, осуществляющие продажи продукции растениеводства: Верхнеуральский (445 тыс. руб.), Нязепетровский (755 тыс. руб.), Кунашакский (5 101 тыс. руб.), Увельский (5 996 тыс. руб.), Аргаяшский (6 519 тыс. руб.), Каслинский (10 447 тыс. руб.), Троицкий (19 362 тыс. руб.), Чебаркульский (24 379 тыс. руб.), Варненский (24 527 тыс. руб.), Карталинский (24 840 тыс. руб.), Кизильский (27 090 тыс. руб.).

Три муниципальные района со средним уровнем прибыли от продажи продукции растениеводства в размере 57 999 тыс. руб. относятся к 3-й группе. Их совокупная прибыль от продажи продукции растениеводства составляет 173 996 тыс. руб. В данную группу вошли Агаповский (44 149 тыс. руб.), Чесменский (51 174 тыс. руб.) и Октябрьский район (78 673 тыс. руб.).

У сельскохозяйственных организаций Красноармейского и Брединского районов сформирован самый высокий показатель прибыли от реализации продукции растениеводства (182 083 тыс. руб. и 237 332 тыс. руб. соответственно).

Продажи продукции растениеводства, выращенной на территории городских округов, в среднем убыточны (-95 848 тыс. руб.).

С целью выявления тенденций изменения показателей эффективности сельского хозяйства Челябинской области был разработан экстраполяционный прогноз ряда показателей на период с 2013 по 2017 год (см. табл. 6).

Прогнозные значения указанных показателей имеют тенденцию роста. Это свидетельствует об ожидаемых позитивных изменениях в деятельности сельскохозяйственных организаций Челябинской области, что позволит укрепить положение и повысить конкурентоспособность регионального сельского хозяйства на российском рынке.

UDC 338.432, 332.142.4

RESEARCH OF THE EFFECTIVENESS OF SUBSIDIZED ACTIVITY OF REGIONAL AGRICULTURAL PRODUCERS

Nezhivenko Elena Alekseevna,
South Ural Vocational Institute,
Head of Chair of Finance and Accounting,
Doctor of Science (Economics), Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: mrcpk@list.ru

Novikova Irina Andreevna,
South Ural Vocational Institute,
lecturer,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: novikova_chel@mail.ru

Annotation

The article shows the results of the analysis and forecasting of effectiveness of activity of agricultural organizations of the Chelyabinsk region that are subsidized from federal and regional budget.

Key concepts:

subsidies, income, profitability, federal budget, regional budget, agricultural organizations.

УДК 37.012.3

КАСКАДНЫЙ ПОДХОД В ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

Парасоцкая Виктория Геннадьевна,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Южно-Российский институт-филиал,
аспирант кафедры менеджмента,
г. Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: vgparas@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена определению технологий подготовки муниципальных служащих и обучения студентов, аспирантов и молодых специалистов.

Ключевые понятия:
обучение, подготовка кадров,
муниципальная служба.

В ст. 28 Федерального закона Российской Федерации от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» уделяется особое внимание формированию высокопрофессионального кадрового состава муниципальной службы и определяется необходимость развития современных методов подбора, подготовки и оценки муниципальных служащих [2, ст. 28]. Отдельные элементы кадровой политики и привлечения молодых специалистов уже используются в деятельности органов местного самоуправления и демонстрируют свою эффективность.

Однако проблемы дефицита высокопрофессиональных кадров, дисбаланс между спросом и предложением, отсутствие комплексного механизма подготовки и привлечения молодых специалистов в органы местного самоуправления существуют на всех уровнях управления страны. Отсутствует единая система развития и использования кадрового потенциала муниципалитетов в межмуниципальном пространстве с учетом программно-целевых и проектных методов управления. Следовательно, актуален поиск оптимальных технологий отбора и обучения кадров.

В действительности в этом направлении существует ряд вопросов. Во-первых, руководители местного уровня не всегда обладают умением определять стратегические цели и использовать современные механизмы для их реализации. Зачастую они не понимают предлагаемые инновационные проекты, а иногда просто не принимают новые разработки из-за отсутствия времени.

Результаты выборочного социологического опроса глав городских и сельских поселений Ростовской области, ежегодно участвующих в обучающих мероприятиях правительства Ростовской области, подтверждают следующее: 58% опрошенных считают, что основное внимание необходимо уделить вопросам подготовки глав местной администрации, ко второй позиции 45% – отнесли бюджетные отношения и налоговую политику и к третьей 41% – имущественные и земельные отношения*. Удивительно, что вопросы экономического развития, кадрового обеспечения и современные технологии организации внутренней деятельности

*Опрос проведен автором в рамках реализации Южно-Российским институтом-филиалом РАНХиГС договора №430р от 17 октября 2011 г. В декабре 2011 года для выявления основных потребностей муниципальных служащих в направлениях обучающих занятий опрошено 128 глав городских и сельских поселений из 55 муниципальных образований Ростовской области.

местной администрации в меньшей степени беспокоят глав городских и сельских поселений. Парадоксальность заключается в существовании именно в этих сферах значительного количества изменений и нововведений.

Во-вторых, смена руководящих кадров и управленческой команды влияет на качество управленческих решений. Новым специалистам требуется время на изучение особенностей развития муниципалитета, стратегических документов, методов решения вопросов местного значения и своих должностных обязанностей.

В-третьих, отсутствуют комплексные механизмы привлечения молодых кадров из числа студентов, аспирантов и молодых специалистов. Конечно, существует практика осуществления целевой контрактной подготовки в учреждениях среднего и высшего профессионального образования по заказу органов власти, предприятий и учреждений. Однако отсутствие аналитико-прогнозной оценки кадровой ситуации и стимулов для закрепления молодых специалистов в муниципальных образованиях влияет на подготовку и перспективы трудоустройства студентов-целевиков. Слабо используются ресурсы баз данных талантливой молодежи, созданные в регионах (Белгородская, Ростовская, Кемеровская области, Республики Тыва и др.) и коммерческих организациях (ЗАО АКБ «Газпромбанк»).

В-четвертых, отсутствует комплексная система практико-ориентированной подготовки и ротации кадров, обладающих знаниями и навыками проектного управления. Назрела необходимость модернизации системы образования, поиска новых методов для практико-ориентированной подготовки и отказа от уравнительного подхода как на уровне первичного обучения, так и в системе дополнительного профессионального образования.

Анализируя современную ситуацию развития муниципальной службы и кадровой системы на уровне муниципалитетов, стоит отметить необходимость формирования единых подходов к эффективному управлению кадровыми процессами, использованию современных организационно-управленческих технологий, методов кадровой работы и подготовки специалистов, ориентированных на инновационное и проектное управление, с применением информационно-технологической инфраструктуры. Причем совершенствование кадровой системы должно быть взаимосвязано с реализацией комплексных стра-

тегических программ и проектов, направленных на достижение социально-экономических целей.

Закрепление ориентиров развития муниципалитета на среднесрочную и долгосрочную перспективу позволяет осуществлять прогноз кадровой ситуации и определять приоритетные направления обучения и подготовки кадров. Применение программно-целевого метода и проектного подхода создает условия для поиска и определения потенциальных кандидатов на замещение вакантных должностей с учетом проектной квалификации и в зависимости от первоочередности решения вопросов местного значения. Они способствуют использованию ресурсов муниципального кадрового резерва. Именно резервисты потенциально могут стать проектными менеджерами, готовыми к комплексному и оперативному решению поставленной задачи.

Ведение централизованной базы данных резервистов позволит действовать не только в границах определенного муниципалитета, но и межмуниципальном пространстве. Интеграция муниципальных баз данных и существование единого перечня вопросов местного значения способствует привлечению высокопрофессиональных специалистов из любой территории. В этом случае имеет большое значение возможность тиражирования накопленного опыта и анализ проектной квалификации резервистов и оценка предлагаемых проектных решений, направленных на повышение эффективности управления в рамках отдельной организации, отрасли или муниципального образования. Следует подчеркнуть, что проектная компетенция выступает основным критерием зачисления в муниципальный резерв. Соответственно резервисты могут быть задействованы в качестве руководителей или экспертов муниципальных проектов, реализуемых в органах местного самоуправления. В зависимости от достигнутых результатов (количества реализованных проектов, участия в экспертных комиссиях и проектных командах) стоит предложить ранговую систему оценки квалификации кадров.

В первую очередь такими менеджерами могут стать муниципальные служащие, деятельность которых сопровождается ростом показателей социально-экономического развития территорий. Например, в Ростовской области интересен опыт руководителей муниципалитетов, ставших победителями конкурса «Лучшее поселение области» (руководители поселений в

Аксайском, Багаевском, Каменском, Зерноградском, Октябрьском, Сальском, Семикаракорском районах и др.), обладателей грантовой поддержки за достижение наилучших показателей деятельности органов местного самоуправления (руководители городов Батайска, Ростова-на-Дону, Азовского, Дубовского, Матвеево-Курганского, Песчанокопского, Сальского районов и др.), и муниципальных служащих – победителей в конкурсе «Лучший муниципальный служащий Ростовской области».*

Важную роль в этом процессе играет создание межмуниципального центра проектного менеджмента, выступающего единой координационной структурой обеспечения ведения межмуниципальной базы резервистов, экспертной оценки их квалификации и сертификации деятельности. Он служит площадкой для сотрудничества и обмена опытом специалистов различных сфер деятельности (муниципальных служащих, представителей коммерческих организаций и граждан). Причем деятельность межмуниципального инновационного центра в сфере обобщения результатов анализа регионального и муниципального опыта решения социально-культурных и народнохозяйственных вопросов, определения целевых ориентиров развития муниципалитета и разработки проектных решений для групп территорий-аналогов позволяют ему стать информационно-обучающей базой для подготовки и «введения в курс дела» новых специалистов. Это необходимо по той причине, что, как правило, на замещение муниципальных должностей приходят специалисты, имеющие определенный практический опыт (или даже совсем без опыта).

Основная задача межмуниципального центра заключается в ответе на вопросы о том, насколько результативна существующая система управления муниципальным образованием, какие технологии необходимо использовать, что следует изменить для достижения стратегических целей, как и какие проекты уже реализуются.

Следовательно, органы местного самоуправления формируют заказ на обучение кадров и отправляют его в межмуниципальный центр для определения направлений подготовки с учетом существующих потребностей. На основе группировки

территорий-аналогов по уровню социально-экономического развития формируются малые рабочие группы обучающихся, имеющие аналогичные потребности в освоении знаний. Однако следует отметить, что необходимо совмещать подготовку специализированных курсов и комплексных образовательных программ.

Причем при подготовке образовательных программ стоит учитывать уровень подготовки специалистов и опыт их работы. Например, качественный и количественный анализ муниципальных служащих Ростовской области подтверждает вышесказанное. Из 11 тыс. служащих более 8,5 тыс. специалистов – с высшим образованием, около 7,5 тыс. человек – в возрасте от 18 до 50 лет, а 6 тыс. человек имеют стаж муниципальной службы от 1 года до 5 лет**.

Система образовательных услуг должна быть непрерывной, отражающей изменения социальной реальности и потребности муниципальных образований. С этой целью стоит предложить использование каскадного подхода по уровню компетенции (табл. 1). Он основывается на группировке слушателей в зависимости от уровня подготовки и занимаемой должности, модульном принципе построения программ обучения и их вариативности для целевых групп.

Обучение, построенное на основе каскадного подхода, должно использовать современный инструментальный развития персонала, быть ориентированным на выявление, использование потенциала каждого работника и стимулирование новых идей.

Формирование программ обучения для целевых групп, указанных в таблице 1, производится в соответствии с масштабами решаемых в повседневной деятельности задач и направлениями их деятельности.

Процесс обучения групп первого и второго каскадных уровней целесообразно проводить параллельно, остальные последовательно. При этом в рамках второго и третьего каскадных уровней целесообразно осуществить подготовку обучающихся команд и представителей вузов с целью последующего проведения ими обучения специалистов 3–6 каскадных уровней. Они станут управляемыми консультантами или бизнес-тренерами. Привлечение к обучающим занятиям специалистов-прак-

* Результаты конкурса на звание «Лучшее поселение Ростовской области» // Официальный сайт правительства Ростовской области: URL: <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=88021> (дата обращения: 01.04.2013).

** Статистическая информация органов местного самоуправления Ростовской области // Информация официального сайта правительства Ростовской области. URL: <http://www.donland.ru> (дата обращения: 01.02.13).

тиков, имеющих опыт реализации аналогичных проектов, преподавателей и проектных менеджеров позволяет организовать совместную работу над актуальными вопросами муниципального управления. Обучение 5–6 уровней позволяет готовить кадры на перспективу.

Практико-ориентированные занятия являются хорошей школой для их участников, поскольку вынуждают анализировать, разбираться с деталями, выявлять новые возможности в собственной повседневной работе, непосредственно привязывая результаты к собственной практике. Коммуникации участников, имеющих различный опыт, разные подходы и представления позволяют увидеть новое и неожиданное в, казалось бы, известной проблеме.

По окончании обучения слушатели в соответствии с индивидуальным зада-

тельно ведет проект, но и предоставляет муниципальному служащему теоретическую и практическую информацию в форме лекций, семинаров и различного рода учебных материалов.

Тематика проектов вырабатывается в процессе группового обсуждения на каждом уровне обучения. Причем работы слушателей нижних уровней являются дополнением или частью проектов вышестоящих уровней. Лучшие проекты стоит объединять в проектные программы развития и апробировать опытным путем на базе межмуниципального центра проектного менеджмента. Отработка методологии и практических подходов к внедрению проектных решений позволит определить пилотные проекты для тиражирования.

Определение актуальных вопросов для изучения и тематик проектов создает ос-

Таблица 1

Ступенчатая многоуровневая программа обучения на основе каскадного подхода

Уровень программы	Целевая группа	Уровень преподавателей
1	Высшая группа (главы муниципальных образований, их заместители, руководители проектных команд)	Эксперты ведущих образовательных центров и коммерческих организаций
2	Главная группа (руководители подразделений и проектных направлений)	Эксперты ведущих образовательных центров и коммерческих организаций
3	Ведущая группа (руководители секторов, помощники, консультанты, участники проектных команд, имеющие определенный функционал)	Руководители подразделений и проектных направлений (участники 1 и 2 уровня), а также специалисты-практики
4	Старшая группа (главные и ведущие специалисты, аспиранты и молодые ученые, участвующие в качестве стажеров в работе проектных команд)	Руководители подразделений, секторов и проектных направлений (участники 2 и 3 уровней), а также специалисты-практики
5	Младшая группа (специалисты, занимающие иные муниципальные должности, студенты вузов)	Участники 3 уровня
6	Младшая группа (учащиеся старших классов общеобразовательных школ, включенные в базу молодых талантов)	Участники 4 уровня

нием и под руководством консультантов разрабатывают проекты, соответствующие по сложности и масштабу задач функциональной деятельности, детализирующие либо дополняющие проекты, выполненные на вышестоящих уровнях. При этом предполагается, с одной стороны, тесное взаимодействие консультантов и заказчика на всех этапах, с другой, для усиления обучающей составляющей, консультант не

нову для обучения студентов-целевиков, аспирантов и молодых специалистов (4–6 уровней). В этом случае важную роль играет сотрудничество высших учебных заведений с межмуниципальным центром, органами государственного и муниципального управления, коммерческими, бюджетными и общественными организациями.

Интеграцию комплексной программы обучения в образовательный процесс ву-

Таблица 2

**Предложения по замещению вакантных должностей
муниципальной службы с учетом проектной квалификации студентов,
аспирантов и молодых ученых**

Группа должностей	Категория учащихся	Требования
Высшая группа	Молодые ученые	Участие в проектах не менее 4-х лет, в т.ч. стажировка в инновационных структурах и органах управления не менее 1 года. Руководство работой проектных групп. Исследовательская работа и апробированная проектная часть по направлению структурного подразделения в ряде территорий
Главная группа: – начальник отдела (службы); – заведующий отделом (службой)	Молодые ученые и аспиранты последнего года обучения	Участие в проектах не менее 3-х лет, в т.ч. стажировка в инновационных структурах и органах управления не менее 1 года. Руководство работой проектной группы. Исследовательская работа и апробированная проектная часть по направлению структурного подразделения
Ведущая группа: – помощник (советник, консультант) председателя представительного органа муниципального образования; – заведующий сектором (начальник сектора); – консультант	Аспиранты и студенты 5 курса	Участие в проектах не менее 2-х лет, в т.ч. стажировка в инновационных структурах и органах управления не менее 1 года. Исследовательская работа и апробированная проектная часть по направлению структурного подразделения
Старшая группа: – главный специалист; – ведущий специалист	Студенты 4-5 курсов	Участие в проектах не менее 1 года, в т.ч. стажировка в инновационных структурах и органах управления не менее 3 месяцев. Исследовательская работа и предложения по внедрению проектной части по направлению структурного подразделения
Младшая группа: – специалист первой категории; – специалист второй категории; – специалист	Студенты 3-5 курсов	Исследовательская работа по направлению структурного подразделения, прохождение в нем практики и стажировки в инновационных структурах и органах управления не менее 3 месяцев

зов целесообразно проводить последовательно. В этом случае стоит предложить 5-этапную систему подготовки и ротации студентов, аспирантов и молодых ученых:

1. Адаптация учебных планов, тематик научных и дипломных исследований в соответствии с потребностями и целевыми задачами организаций и органов власти.

2. Проведение практико-ориентированных курсов, научных исследований и отбор студентов 3-5 курсов для заключения договоров на прохождение оплачиваемой заказчиком краткосрочной стажировки до 3-х месяцев в организации-заказчике.

3. Доработка исследования до проекта и апробация.

4. Участие в составе проектных групп от одного года до трех лет, обучение в магистратуре и аспирантуре.

5. Подготовка и апробация практико-ориентированных магистерских проектов и диссертационных работ.

Предлагаемое практико-ориентированное обучение создает условия для приобретения учащимися практических навыков, уровень которых намного выше, чем у специалистов, не проходивших такую «школу». В результате необходимо пересмотреть квалификационные требования к должностям муниципальной службы в зависимости от проектной квалификации (см. табл. 2).

Подобный подход к обучению создаст условия для вовлеченности работников всех

уровней управления в процесс совершенствования качества работы муниципалитета, а также обеспечивает сопричастность специалистов к разработке и реализации стратегических программ и проектов. Однако необходимо закрепить в нормативных правовых документах приоритетность приглашения на вакантные должности муниципальной службы резервистов, обладающих практическим опытом в аналогичной сфере и имеющих идеи или проекты по повышению эффективности деятельности. В противном случае определить необходимость прохождения специалистами обучения в соответствии с проектной направленностью их территории и подтверждения квалификации на базе межмуниципального центра проектного менеджмента.

Реализация каскадного обучения позволит выработать общее для региона видение и понимание вопросов управления территориями, обеспечить консолидацию менеджмента на осуществление системных преобразований и на этой основе перейти к последовательной реализации стратегических программ.

1. Местное самоуправление в России и Германии: история и современность (на примере Юга России) [Текст]: материалы междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2010. 960 с.

2. О муниципальной службе в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 02.03.2007 № 25-ФЗ (в ред. от 07.05.2013) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 10. Ст. 1152.

3. Парасоцкая, В.Г. Подготовка кадров «новой формации» для инновационного развития муниципальных образований [Текст] / В.Г. Парасоцкая // Актуальные вопросы использования интеллектуального потенциала молодежи в инновационном развитии Донского региона: сборник материалов симпозиума в рамках Окружного молодежного инновационного конвента ЮФО, 20 октября 2011. Ростов-на-Дону: ЮРИФ, 2012. 200 с.

1. Mestnoe samoupravlenie v Rossii i Germanii: istorija i sovremennost' (na primere Juga Rossii) [Tekst]: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Rostov n/D: Izd-vo SKAGS, 2010. 960 s. (Russian).

2. O municipal'noj sluzhbe v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 02.03.2007 № 25-FZ (v red. ot 07.05.2013) // Sbornik zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2007. № 10. St. 1152 (Russian).

3. Parasockaja, V.G. Podgotovka kadrov «novoj formacii» dlja innovacionnogo razvitija municipal'nyh obrazovanij [Tekst] / V.G. Parasockaja // Aktual'nye voprosy ispol'zovanija intellektual'nogo potencijala molodezhi v innovacionnom razvitii Donskogo regiona: sbornik materialov simpoziuma v ramkah Okružnogo molodezhnogo innovacionnogo konventa JuFO, 20 oktjabrja 2011. Rostov-na-Donu: JuRIF, 2012. 200 s. (Russian).

UDC 37.012.3

MULTISTAGED APPROACH TO TRAINING PERSONNEL FOR MUNICIPAL SERVICE

Parasotskaya Viktoriya Gennadievna,
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
South Russia Institute branch,
graduate student at the
Chair of Management,
Rostov-on-Don, Russia.
E-mail: vgparas@gmail.com

Annotation

The article is devoted to the definition of technologies of preparation of municipal employees and training of students, graduate students and young specialists.

Key concepts:

education, training, municipal service.

УДК 791.43

«МЫ ЖИВЁМ В ОШИБОЧНОМ МИРЕ». АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ О ДУХОВНОМ КРИЗИСЕ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ*

Загребин Сергей Сергеевич,

Челябинский институт развития профессионального образования, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации, г. Челябинск, Россия.
E-mail: bk.ural@bk.ru

Аннотация

В статье рассматриваются религиозно-философские взгляды режиссёра Андрея Тарковского в контексте осмысления причин кризиса современной европейской цивилизации.

Ключевые понятия:

духовный кризис, нравственное самопознание, технократическая цивилизация.

В течение 2012–2013 годов мировая культурная общественность отмечала 80-летие великого режиссёра XX века Андрея Арсеньевича Тарковского (1932–1986). В юбилейный год прошли разнообразные мероприятия, посвящённые памяти художника, в том числе научные конференции. В Москве состоялись Международные научные междисциплинарные чтения «Андрей Тарковский. Контекст-2013», в Иваново – научно-практическая школа-семинар «Андрей Тарковский: художник и время», в рамках Международного кинофестиваля «Зеркало» – научно-практическая конференция «Феномен Андрея Тарковского в интеллектуальной и художественной культуре». Лейтмотивом практически всех докладов звучала мысль о многомерном художественном и интеллектуальном наследии режиссёра, в творчестве которого произошёл выход из сферы чисто художественной – в глобальную философскую, в общекультурную, в цивилизационную. Наследие Андрея Тарковского сегодня изучают не только как кинематографический феномен, но и как феномен религиозно-философский; самого режиссёра часто называют «мыслителем», «проповедником», демиургом «нового религиозного учения» и т.д. В данной статье мы обозначим некоторые исходные тезисы, которые позволят проникнуть в мир художника, исходя из определения мировоззренческих доминант творчества режиссёра.

Андрей Тарковский неоднократно подчёркивал, что не следует рассматривать художника в качестве философа. Действительно, художник не создаёт собственно научную философскую систему – со своей онтологией и гносеологией. Наука и Искусство являются совершенно различными способами познания. При этом каждый Художник обладает своим мировоззрением, миропониманием, которое и выражает через Творчество. Мировоззрение Художника и есть его Философия. В основе мировоззрения Андрея Тарковского находились базовые ценности православного христианства, об этом неоднократно говорил сам режиссёр в своих статьях, интервью, публичных выступлениях, об этом размышлял в дневниковых записях. Вместе с тем Андрей Тарковский увлекался различными мистическими практиками, восточными мифологией и философией. Отчасти этим обстоятельством можно

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ. Грант 13-03-00087 «Религиозно-нравственные основания философии творчества Андрея Тарковского».

объяснить существующие в современной науке трактовки кинематографа Андрея Тарковского через «дзен», «психоанализ» или «эзотерику». Мы не станем вступать в полемику с авторами подобных трактовок, что выходит за рамки данной статьи.

Андрей Тарковский был убеждён, что религиозная вера является единственно возможной формой существования художника. Вместе с тем Тарковский проводил очень важный водораздел между искусством и религией. Не раз режиссёр подчёркивал неразрывную связь искусства и религии: «Религия и искусство – две стороны одной медали» [2, с. 235], но никогда не отождествлял художника с проповедником. На одной из творческих встреч с западным зрителем режиссёр прямо об этом сказал: «Я не проповедник» [4, с. 103]. Тарковский всегда был и оставался Художником, его творчество являло собою не постулирование каких-либо застывших «истин», а было долгим и мучительным процессом самопознания, в котором нравственное начало являлось единственным и универсальным критерием художественной правды. Религия же понималась Тарковским как естественное для художника миропонимание, мировоззрение. «Художник, не имеющий веры, подобен слепорождённому живописцу», – отмечал режиссёр [1, с. 140]. В основе Веры, по мнению режиссёра, находится Любовь, которая реализуется через добровольную Жертву.

Христианское понимание Любви пронизывает всё творчество режиссёра. Главные герои всех фильмов Тарковского несут в себе это качество – умение любить. Персонажи фильмов Тарковского редко говорят о любви, возможно потому, что «слова не могут передать всего, что человек чувствует... они какие-то вялые» и не способны отразить всей глубины этого совершенно особого чувства, «которое можно переживать, но объяснить нельзя». При этом именно любовью герои всех фильмов режиссёра осуществляют свою жизнь. Каждый из персонажей в какой-то момент совершает жертву во имя любви. Иван жертвует собой во имя любви к Родине. Андрей Рублёв всю свою жизнь отдаёт служению Богу искусством иконописца. Крис жертвует возможностью возвращения на Землю ради познания неведомого, Хари исчезает ради душевного спокойствия Криса. Мать лирического героя «Зеркала» отрекается от личного счастья ради благополучия детей. Сталкер во имя пробуждения в людях веры идёт на лишения, жертвуя покоем близ-

ких, жена Сталкера отдаёт мужу всю свою жизнь; её любовь и преданность режиссёр противопоставляет неверию и цинизму окружающего мира. Доменико и Горчаков расстаются с жизнью ради утверждения идеалов духовного возрождения человечества. Александр отрекается от всего самого дорогого в жизни: от сына, от семьи, от дома ради спасения мира от ядерной катастрофы. Именно такое понимание Любви позволяет говорить об Андрее Тарковском как православном художнике. *Тарковский осознал своё предназначение как художника в пробуждении человеческой духовности, основанной на способности любить», которая может преобразить человека, стать жизненной позицией, придать смысл человеческой жизни.* «Я вижу свой долг в том, чтобы человек ощущал в себе потребность любить, отдавать свою любовь, ощущал зов прекрасного, когда смотрит мои фильмы», – писал режиссёр [1, с. 320]. Таким образом, художник выступает в качестве своеобразного «эксперта», фиксирующего в своём искусстве наиболее насущные проблемы современности.

В кинематографе Андрея Тарковского феномен современности можно рассматривать как момент *нравственного самопознания личности*. Художник побуждает зрителя к сотворчеству через эмоциональное сопереживание и интеллектуальную рефлексию, выводит зрителя на уровень деятельного миропознания и осознания собственного места в этом мире, на уровень глубокого самопознания. В этом смысле феномен современности утрачивает формальные хронологические координаты и обретает координаты гносеологические и аксиологические. Так, для Андрея Тарковского события XIV–XV вв., показанные в фильме «Андрей Рублёв», или Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – в «Ивановом детстве», или далёкого будущего – в «Солярисе», или художественно условного времени в «Сталкере», имеют равное значение насущного бытия, поскольку ориентированы на Художника и Зрителя, встречающихся в момент демонстрации фильма в экзистенциальном диалоге. Время как таковое в фильмах Андрея Тарковского выходит на космический уровень антагонизма ветхого и нового бытия, по логике антагонизма Ветхого и Нового Заветов, где «ветхое бытие» человека, утратившего благодать прямого общения с Богом, представляет собою приготовление человечества к переходу в «новое бытие» через Спасительную жертву Христа, к об-

ретению человеком нового бытийного статуса – обожения в процессе нравственного самосовершенствования. Процесс выхода человека из «ветхого бытия» возможен при нравственном волевом усилии, момент которого и становится фокусом художественного анализа в фильмах режиссёра. Добровольный жертвенный отказ личности от повседневного во имя вечного, от индивидуальных эмоциональных привязанностей во имя идеального и непреходящего становится в фильмах Андрея Тарковского критерием, определяющим духовный статус человека и меру оценки существования всего человечества.

В последнем фильме режиссёра «Жертвоприношение» главный герой – Александр, говорит своему сыну о глобальном кризисе современной технократической цивилизации, пренебрегшей ценностями духовными: *«Видишь ли, сынок, мы заблудились. Люди – все люди, человечество идёт по какому-то ошибочному, страшно опасному пути...»* В сущности Александр говорит о моменте грехопадения первого человека, который и определил этот ложный для всего человечества путь – путь страданий и страха. Человек, вместо того чтобы исправить непоправимое – отлучение от Создателя, исправить своей устремлённостью к Нему, – стал создавать искусственный мир, обеспечивающий иллюзию благополучия. *«Человек всегда защищался. От других людей, от природы, частью которой был. Осквернял её непрерывно. В результате возникла цивилизация, основанная на силе, власти, страхе и зависимости... Мы пришли к ужасной дисгармонии, несоответствию, то есть – между развитием материальным и духовным. Наша культура, вернее цивилизация, в корне ошибочна, сынок. Ты скажешь, что можно изучить проблему и сообща искать выход. Может быть. Если бы не было так поздно. Слишком поздно...»*. Александр не видит выхода из всеобщего тупика. Подобная обречённость заключает в себе трагедию Александра. Понимая греховность современной цивилизации, Александр забывает о единственном источнике спасения – о Боге. Но Иисус Христос затем и пришёл в мир, чтобы помочь человеку, погрязшему в грехе, преодолеть свою «ветхость», преобразиться, спастись. О рождении Спасителя мира повествует и картина Леонардо «Поклонение волхвов», репродукция которой находится в комнате Александра как постоянное напоминание об Истине.

В монологе Александра отразилось

духовное состояние самого Андрея Тарковского. В 1984 году в рамках Сент-Джеймского фестиваля в Лондоне была организована ретроспектива фильмов режиссёра, прошли встречи со зрителями. В St James's Church Андрей Тарковский произнёс «Слово об Апокалипсисе», в котором сказал: «Мы живём в ошибочном мире. Человек рождён свободным и бесстрашным. Но история наша заключается в желании спрятаться и защититься от природы... Мы общаемся не потому, что нам нравится общаться... а чтобы не было так страшно. Эта цивилизация ошибочная, если наши отношения строятся на таком принципе. Вся технология, весь так называемый технический прогресс... по существу создаёт протезы – он удлиняет наши руки, обостряет зрение, позволяет нам передвигаться очень быстро. И это имеет принципиальное значение. Мы сейчас передвигаемся в несколько раз быстрее, чем в прошлом веке. Но мы не стали от этого счастливее. Наша личность, наша, так сказать, *personnalite* вступила в конфликт с обществом. Мы не развиваемся гармонически, наше духовное развитие настолько отстало, что мы уже являемся жертвами лавинного процесса технологического роста... В результате, когда у человечества появилась потребность в новой энергии для технологического развития, когда оно открыло эту энергию, то нравственно оно оказалось не готово, чтобы использовать её в своё благо... Во всяком случае становится ясно, что мы рабы этой системы, этой машины, которую остановить уже невозможно. Личность не имеет никакого значения... мы теряем то, что нам было дано с самого начала, – свободу выбора, свободу воли. Вот почему я считаю нашу цивилизацию ошибочной» [3].

Всеобщая секуляризация культуры, начавшаяся в эпоху Возрождения, привела европейскую цивилизацию к краю пропасти, к преддверию Апокалипсиса. Современный человек не способен к искренней вере, к готовности жертвовать своими частными интересами во имя высших духовных идеалов. В этих условиях искусство становится своеобразным проводником современного человека на пути к духовному обновлению, на пути к Богу. По глубокому убеждению режиссёра, современная европейская цивилизация охвачена прагматизмом и технократизмом, игнорирует духовность, навязывает человеку культ материальных благ и разлагающий культ индивидуализма. В результате возникает всеобщая разобщённость, взаимное

недоверие, порождающее враждебность и страх, личностную апатию и социальную индифферентность. Причиной трагедии современной либеральной демократической технократической цивилизации, по глубокому убеждению режиссёра, является забвение духовности, отсутствие идеала как в душе отдельного человека, так и в самосознании общества. В творчестве режиссёра утверждается идея, что преодолеть глобальный кризис в разобщённом и индивидуализированном обществе можно лишь личным нравственным усилием. Духовное единение людей, достижение идеала единства возможно исключительно на основе сознательного и целенаправленного самосовершенствования человека.

Выход из духовного кризиса современной цивилизации Андрей Тарковский видел в нравственном усилии личности, в осуществлении подвига жертвенной любви. В дневнике режиссёра есть запись, сделанная в далёком 1970 году: «Настало время личной доблести... Спасти всех можно, спасая себя. В духовном смысле, конечно... Величие современного Человека – в протесте. Слава сжигающим себя из протеста перед лицом безгласной толпы... Подняться над возможностью жить, практически осознать смертность нашей плоти во имя будущего, во имя Бессмертия...» [2, с. 33].

1. Тарковский А. Запечатленное время // Андрей Тарковский. Архивы. Документы. Воспоминания. М., 2002. С. 95–348.

2. Тарковский А. Мартиролог. Дневники 1970–1986. Флоренция, 2008. 624 с.: ил.

3. Тарковский, А. Слово об Апокалипсисе [Электронный ресурс]: Режим доступа: WWW. URL: <http://orthodisc.su/texty/Tarkovskiy/Slovo.html> (дата обращения: 21.06.2010 г.).

4. Тарковский А. XX век и художник // Искусство кино. 1989. № 4. С. 88–106.

1. Tarkovskij A. Zapechatlennoe vremja // Andrej Tarkovskij. Arhivy. Dokumenty. Vospominanija. M., 2002. S. 95-348 (Russian).

2. Tarkovskij, A. Martirolog. Dnevniky 1970-1986. Florencija, 2008. 624 s.: il. (Russian).

3. Tarkovskij, A. Slovo ob Apokalipsise [Elektronnyj resurs]: Rezhim dostupa: WWW. URL: <http://orthodisc.su/texty/Tarkovskiy/Slovo.html> (data obrashhenija: 21.06.2010 g.) (Russian).

4. Tarkovskij A. XX vek i hudozhnik // Iskusstvo kino. 1989. № 4. S. 88-106 (Russian).

UDC 791.43

«WE LIVE IN THE ERRONEOUS WORLD». ANDREY TARKOVSKY ABOUT SPIRITUAL CRISIS OF MODERN CIVILIZATION

Zagrebin Sergey Sergeevich,
Chelyabinsk Institute of
Continuing Education,
Doctor of Science(History), Professor,
Merited Cultural Worker of Russia,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: bk.ural@bk.ru

Annotation

In the article religious-philosophical sights of director Andrej Tarkovsky in the context of judgement of the reasons of crisis of a modern western civilization are examined.

Key concepts:

spiritual crisis, moral self-knowledge,
a technocratic civilization.

УДК 37.014:008

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Жукова Елена Дмитриевна,

Башкирский государственный
педагогический университет

им. М. Акмуллы,

доцент кафедры культурологии и
социально-экономических дисциплин,

кандидат педагогических наук,

доцент,

г.Уфа, Республика

Башкортостан, Россия.

E-mail: kpnzhukova@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена проблемам развития современной системы образования в России. Развивается идея стратегического становления креативной модели образования, в которой должны быть репрезентированы признаки актуальной культуры.

Ключевые понятия:

система образования,
информационная культура,
мозаичная культура,
проективная культура.

Мир современного знания безграничен. Это выражение не образное. В рамках жизни одного человека оно имеет прямой смысл. Научно-техническая революция привела к тому, что за сравнительно короткий отрезок времени человечество сделало огромный рывок вперед в овладении тайнами природы и их практическом использовании. За годы НТР объем научной информации превзошел все, что было сделано наукой за тысячелетия ее существования, и продолжает непрерывно увеличиваться [8, с.91]. Суммарный объем знаний, которыми располагает человечество, в современных условиях удваивается раз в десять лет.

В условиях беспрецедентного возрастания роли информации и информационных технологий темпы изменений научных и профессиональных знаний столь велики, что, по мнению специалистов, 30% знаний устаревают во время обучения студентов в вузе, а последующие после выпуска пять лет получили название «периода полураспада профессиональной компетентности» [2, с.15]. Этим и была продиктована необходимость создания качественно новой философии образования и вытекающих из нее новых методик.

Современный процесс стандартизации образования все очевиднее несет в себе проблемы, связанные с поликультурными особенностями и регионально-этническими характеристиками социальной среды. Следует признать, что интеграционные процессы формирования общеевропейского образовательного пространства входят в острые противоречия с попытками сохранить уникальность национальных форм социализации.

Проблема создания новой образовательной модели, которая способствовала бы формированию субъекта постиндустриальной культуры, поднималась еще в 30-е годы. У.Килпатриком, писавшим о необходимости «изобрести такую относительную систему образования, которая считалась бы с фактором непрерывного роста перемен» [1, с. 38]. С ним солидаризируются многие ученые, например К.Манхейм, который утверждал: «Традиционные методы преподавания были оправданны, пока их основная цель состояла в воспитании духа конформизма и готовности к приспособлению, необходимых в статичном обществе. Однако те же методы становятся тормозом на пути меняющегося мира, так как душат дух авантюризма и затрудняют творческое приспособление к непредвиденным обстоятельствам» [4, с. 83–84].

Для того чтобы вывести «формулу конгруэнтности» системы образования и новой культурной эпохи, обратимся к основным чертам нарождающейся культуры.

Во-первых, современная культура актуализирует новый тип сознания субъекта культуры. Культурологи обозначили его термином «личность», подчеркивая, что от типа архаики и паллиата он отличается автономным, рефлексивным сознанием, способностью к самоорганизации и признанием в качестве доминирующих ценностей свободы и выбора. Саморазвивающаяся, самодостаточная личность, отвечающая за свои поступки, являющаяся субъектом социального бытия (Э.Фромм), свободно реализующая себя в динамичном мире, принимающая участие в его изменении – вот социально-педагогический идеал субъекта постиндустриальной культуры.

Основной задачей системы образования, соответственно, должно стать создание условий свободного развития независимой творческой индивидуальности. В постиндустриальном обществе «производство человека» становится основной сферой его жизнедеятельности [3, с. 51–52], т.к. творчество человека возводится в ранг общественной и индивидуальной ценности, становясь основным ресурсом постиндустриальной культуры.

Во-вторых, интегративный характер наступающей эпохи, соединяя в сложные схемы ранее разъединенные процессы, обеспечил культурную конвергенцию, которая наблюдается во всех областях: от науки и производства до искусства и образа жизни. Вместо отраслевой культуры возникает, по выражению А.Моля, культура «мозаичная», которая складывается из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов, где нет строгих границ между понятиями, между содержанием [5, с. 43].

По своей внутренней сущности мозаичная культура близка культуре маргинальной. Подобное заявление может показаться спорным. Но обратимся к содержанию данных понятий [7, с. 432]. Маргинальность представляет собой пограничное положение человека в системе ценностей культуры, когда обстоятельства новой культурной среды выводят индивида на необходимость полного отказа (что психологически невозможно) от старых ценностных ориентиров и обращения к новым. Другими словами, человек оказывается как бы вне ценностей своей культуры. В известной нам литературе определения мозаичной культуры не

дано. Применительно к процессам формирования систем ценностей можно утверждать, что мозаичная культура должна отличаться известной мерой спонтанности и хаотичности в присвоении индивидом духовных ценностей по мере его продвижения по социальным структурам, то есть, размытостью ценностных предпочтений и ориентаций. Однако ее отличительной характеристикой является позитивная открытость к новаторству в культуре, с одной стороны, и толерантные компоненты мировосприятия, с другой. Впрочем, на наш взгляд, в новой культурно-информационной среде постиндустриального общества маргинальность превращается в норму общей культуры личности, определяющей ценностные структуры мозаичных связей, составляющих культуры общества.

Анализ литературы показывает, что, несмотря на употребление термина «мозаичная культура», никто из авторов не дает его определения. Справедливости ради следует отметить, что и автор термина, французский исследователь А.Моль, также не раскрыл его содержание. С нашей точки зрения, мозаичная культура представляет собой форму социализации личности, основанную на хаотичном влиянии социокультурной среды в процессе формирования социальной страты. Появление мозаичной культуры связано с внутренними процессами этого формирования, находящимися в прямой зависимости от скорости формирования страты в новом информационном поле культуры.

Когда речь идет о скорости формирования в современном обществе новых страт, следует учитывать тот факт, что на рубеже XIX–XX столетий данный процесс охватывал жизнь одного-двух поколений. Сегодня на протяжении жизни человек может не раз социально стратифицироваться как по горизонтали, так и вертикали. Хотя сам механизм формирования страт остался прежним, значительно увеличилась скорость его «срабатывания». В результате внешние рамки обыденной культуры, создававшие некую базу для инкультурации, фактически размылись, не успевая сформироваться за отведенный промежуток времени. Темпоральный вакуум заполнила массовая культура. Именно она, а не образование, сегодня в большей степени выступает содержанием процесса инкультурации.

Современная культурная эпоха имеет несколько названий, одно из них – «проективная культура», отражающее принцип организации практически любого вида де-

тельности (проект в шоу-бизнесе, телевизионный проект, политический и пр.). Логично предположить, что проективность должна быть и принципом организации педагогического пространства. Основными формами образования при таком подходе становится творческая деятельность учащегося и педагога в рамках студии, мастерской, малых ученических коллективах. Преобладающими способами обучения должны стать создание и защита различных проектов с самым различным содержанием.

Конвергентный характер современной культуры должен отразиться в таких признаках образования нового типа, как открытость и трансферность образовательного пространства, что предполагает активное и прямое взаимодействие субъектов сферы образования с субъектами других отраслей на основе кооперирования возможностей и ресурсов. Это позволит создать ситуацию, когда инвестиции в образование одновременно будут являться и вложением в другие отрасли, соответственно и модернизация образования будет осуществляться не только стимулами «изнутри», но и под влиянием стимулов «извне».

В-третьих, «мозаичность» современной культуры предполагает гибкость и конвергентность мышления (это один из признаков личности как субъекта постиндустриальной культуры). Если классическая рациональность вела мысль через ряд жестко связанных между собой понятий, этапов, суждений, то мысль в современной культуре движется по «случайным» траекториям. А.Моль не зря берет это слово в кавычки, так как случайность относительна и предполагает изменение принципов детерминаций поведения человека. Оно становится либо вероятностным, либо теологическим. Меняется и способ описания: формальная логика сменяется диалектической, монолог уступает место диалогу и т.д. Умение понять новое, вписать его в свою деятельность, сразу отказавшись от уже существующего стереотипа, составляет особенность нового типа мышления. Это заставляет пересмотреть проблему содержания образования, отойти от засилья в нем научно-технических знаний и использовать различные типы знаний. Например, использовать потенциал полипозиционности мнений и вариативности суждений, которым обладает искусство, будучи самой мобильной частью культуры.

В-четвертых, особенностью информационной культуры является теснейшая коммуникация на всех уровнях: личном, корпоративном, государственном. Это вы-

ражается в совместной деятельности международных экономических, финансовых, политических корпораций, межгосударственных проектах по регулированию социально-экономической жизни планетарного пространства (от совместной борьбы с экономическими монополиями до разработки проекта предотвращения столкновения Земли с кометой в 2060 году); в международных браках и пр. Это также лишает целесообразности репродуктивный метод и монологичное преподавание, при котором ученик не может на достаточном уровне освоить социальные и культурные компетенции, коммуникативные навыки, так как репродуктивность предполагает пассивную позицию ученика-слушателя и «воспроизводителя» услышанного. Учащиеся сегодня должны вырабатывать культурные и социальные компетенции в условиях полилогичного, дискуссионного, проектного обучения, которое построено на постоянном активном участии обучающегося в процессе общения, поиска самостоятельных решений и необходимости вступать в различного рода контакты для достижения цели.

В-пятых, признаком современной культуры является гиперполихронность культурного пространства, а это значит, что условия социокультурной гармонии заключаются в необходимости осуществлять диалог различных культур, тесно расположенных на «карте человеческой цивилизации», т.е. в той самой «Эволюции типа отношений» между субъектами различного культурного возраста, о которой пишут А.А. Пелипенко и И.Г. Яковенко [6, с.285]. Современный поливариантный мир не может выйти на «путь устойчивого развития», если он не будет диалогичным, если не будет конструктивного диалога между Востоком и Западом, между исламом и христианством и т.д.

В-шестых, постиндустриальное общество супердинамично, поэтому оно породило идею необходимости перехода от поддерживающего и законченного обучения (основанного на фиксированных методах и правилах) к продуктивному, непрерывному, открытому, предусматривающему формирование способности обучаемых к проективной детерминации будущего. Это породило смену парадигм: вместо «образование на всю жизнь» – «образование через всю жизнь».

Но на пути оформления культуросообразной парадигмы образования в различных ее модификациях возникает много трудностей, которые связаны, прежде всего, с консерватизмом сознания, с нежеланием отказаться от привычных схем и ис-

кать новые, т.е. с проявлением традиционного вектора реагирования на кризисную ситуацию.

Полагаем, что эти трудности можно подразделить на две группы: тотальные и частные. К первой группе относится все то, что связано с результатом «встречи» двух векторов развития – традиционного и инновационного. Главным субъектом актуальной педагогической культуры является государство, которое на циркулярно-правовом (прежде всего, циркулярном, поскольку в основных законах де-юре инновационные компоненты зафиксированы как приоритетные) уровне закрепило индуктивную модель. Поиск новых форм, методов, содержания образования, адекватных новым реалиям, приводит первопроходцев к необходимости радикальных перемен, а государство в лице чиновников следит за тем, чтобы неукоснительно выполнялись «правила игры по Коменскому». Например, логика культуросообразности зачастую требует тематической пересортировки содержания образования, утвержденного сегодня министерством. Но школе не утвердят учебный план, если чиновник заметит такую «вольность». Урок как доминирующая и основная форма образовательного процесса все больше превращается в рудимент на пути достижения современных целей и ценностей образования, но любые попытки найти ему альтернативу (студия, индивидуальный маршрут и т.п.) неизбежно натываются на «госты и стандарты», на которые указывают директору инновационной школы проверяющие его «сверху» руководители от образования.

Все это следствие того, что государство является фактически единственным заказчиком образования, хотя официально таким статусом обладает и личность, и общество. Однако роль заказчика для личности сводится, в лучшем случае, к праву выбора типа и уровня образовательного учреждения. Более того, человека ограничивают и в этой возможности. Например, последние указания Министерства образования и науки РФ касательно стоимости обучения в платном сегменте образования в государственных вузах, фактически направленное на минимизацию данного сегмента, демонстрирует, что государство не хочет давать человеку право выбирать и заказывать для себя тип и характер образования. В качестве аргумента выдвигается «перенасыщенность» профессионального рынка определенными специалистами (юристы, экономисты и пр.). У этого аргумента есть

обратная сторона: заполненность профессионального рынка обострит профессиональную конкуренцию и, значит, будет способствовать росту профессионализма, тогда как номенклатурно-распределительный принцип заполнения профессионального рынка – это «архаика по-советски».

Государство, за много веков узурпировав образовательную сферу, естественно, не хочет сдавать свои доминирующие позиции и предоставлять право человеку быть заказчиком образования, а значит, автором своей судьбы. Полагаем, что возможность выполнения в полном объеме права на осуществление личного заказа может быть связано с таким институтом самоорганизации, как гражданское общество. Реализоваться она может, во-первых, через сеть общественных организаций, тематически связанных с образованием. Во-вторых, через создание общественного мнения и превращение его в инструмент педагогических реорганизаций, что можно достичь через организованную систему освещения проблем образования в СМИ на всех уровнях. Сегодня эта проблема решается слабо. Если на Западе гражданское общество зримо влияет на образовательную политику государства, то в России, как констатировал первый съезд общественных организаций еще в ноябре 2001 года, гражданского общества фактически нет. За прошедшие годы каких-то заметных изменений ситуации не произошло.

Вторая группа трудностей на пути оформления культуросообразной парадигмы носит частный характер, но не менее важна и значима для судеб образования. Речь идет о готовности педагогических кадров всех уровней реализовались новые подходы в образовании. Практика показывает, что зачастую педагоги, получившие образование, лейтмотив которого «педагог-транслятор знаний, предметник и методист», не могут увидеть разницу в подходах или признают значимость нового подхода на вербальном уровне, но на самом деле не имеют потенциала, желания или умения для его реализации. Сегодня педагогический корпус включает около 70% учителей, чей стаж – более двадцати лет работы. Это значит, что они, во-первых, получили профессиональную подготовку, нацеливавшую их на реализацию репродуктивной модели образования, а во-вторых, в силу возрастного консерватизма и «синдрома профессиональной усталости», не способны на смену концепции в своей профессиональной деятельности.

Это, во-первых, актуализирует проблему организации специальной системы деятельности по мотивированию учителей на саморазвитие и дальнейшее самообразование, созданию условий для переподготовки на различном уровне (от тематических курсов в школе, на уровне региональных, городских институтов усовершенствования учителей и пр.); во-вторых, ставит задачу пересмотра концепции педагогического образования, заложив в ее основу культурологический принцип, предусматривающий вариативность и альтернативность образовательного пространства, где будущему учителю предстоит реализовать свой профессионализм.

Таким образом, стратегически становление креативной модели образования должно основываться на репрезентации признаков культуры нового типа. Признаки актуальной культуры должны быть репрезентированы в адекватной ей образовательной модели.

1. Килпатрик В.Х. Воспитание в условиях меняющейся цивилизации. М., 1930. 264 с.

2. Кошечеева И.К. Качество образования как социологическая проблема: Дисс. ... канд. социол. н. Екатеринбург, 2003. 164 с.

3. Красильников В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 12–16.

4. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1992. 340 с.

5. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973. 679 с.

6. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М.: Русский язык, 1998. 348 с.

7. Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993. 570 с.

8. Фролов И.Т. Перспективы человека. М., 1983. 450 с.

1. Kilpatric V. H. Vospitanie v usloviyah menjajushhejsja civilizacii. M., 1930. 264 p. (Russian).

2. Koshcheeva I.K. Kachestvo obrazovanija kak sociologicheskaja problema: Diss. ... kand. sociol. n. Ekaterinburg, 2003, 164 p. (Russian).

3. Krasilnikov V.A. Modernizacija i Rossija na poroge XXI veka // Voprosy filosofii. 1993. № 7 // P. 12–16 (Russian).

4. Manheim K. Diagnost nashego vremeni. M., 1992. 340 p. (Russian).

5. Mol A. Sociodinamika kul'tury. M., 1973. 679 p. (Russian).

6. Pelipenko A.A., Jakovenko I.G. Kul'tura kak sistema. M.: Russian language, 1998. 348 p. (Russian).

7. Politologija: Jenciklopedicheskij slovar'. M., 1993. 570 p. (Russian).

8. Frolov I.T. Perspektivy cheloveka. M., 1983. 450 p. (Russian).

UDC 37.014:008

CULTURAL ASPECTS OF MODERN PROBLEMS OF EDUCATIONAL SYSTEM IN RUSSIA

Zhukova Elena Dmitrievna,

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Associate Professor at the Chair of Cultural, Social and Economic studies, Candidate of Science (Pedagogics), Associate Professor, Ufa, Bashkortostan, Russia.
E-mail: kpnzhukova@yandex.ru

Annotation

The article shows problems of development of modern educational system in Russia. The idea of strategic establishment of creative youth with signs of actual culture is developed.

Key concepts:

educational system, informational culture, mosaic culture, projectculture.

УДК 316.752.4

РЕАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

(На материале речей
президента США Б. Обамы)

Добрикова Ксения Александровна,

Челябинский
государственный университет,
доцент кафедры теории и практики
английского языка,
кандидат филологических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: lioness-x@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье представлено исследование ценностных ориентаций американской лингвокультуры на материале речей президента США Б. Обамы. Анализ проводится в рамках национальной языковой картины мира путем вербально-семантического, стилистического и межкультурного методов.

Ключевые понятия:

ценность, культурная ценность, национальная картина мира, языковая картина мира, лингвокультура.

Под картиной мира мы понимаем упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании [3, с. 1–58]. Национальная картина мира определяется нами как часть национального мировоззрения, дающая целостный, систематизированный взгляд на мир представителей определенной национальной общности в диахронии. Национальная картина мира опосредуется в языке, национальные особенности фиксируются в текстах и отображаются в речи народа, между языковой и национальной картинами мира существует тесная связь. Как отмечал В.В. Воробьев, «языковая картина мира – это исторически сложившаяся в быденном сознании определенного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире» [1, с. 6]. Картина мира, согласно базовой теории Лео Апостела, состоит из семи компонентов: модель мира, объяснение, связь с будущим, знание, действие, ценности, этиологии [5, р. 8–10], которые отвечают на ряд вопросов, в том числе: 1. Какова сущность природы человека? 2. В чем заключаются отношения между человеком и окружающей средой? 3. Какова роль временного фактора в жизни человека? 4. Чем характеризуется человеческая деятельность? 5. Какие отношения связывают людей между собой? Данные вопросы наглядно отображают ценностно-ориентационную базу культур, состоящую из блоков или компонентов.

Описание культурных ценностей подразумевает рассмотрение понятий «верования» и «отношения». Верования могут быть представлены как персональные предположения о наделении объекта или события определенными качествами. Верование создает связь между объектом и его отличительными чертами. Ценность – это основное мотивирующее верование, которое обуславливает жизненные цели [10, р. 9]. Отношение к действительности формируется из ценностной базы каждого отдельно взятого человека. Это продукт ценностной ориентации. Л. Самовар и Р. Портер называют ценности оценочными измерениями. Действительно, собственно понятие «ценность» имеет следующую структуру: «нужность», «добро», «эстетика», «удовлетворение потребностей», «доставление удовольствия» [11, р. 10].

Типологизация ценностей ставит во главу угла культурные ценности. Культурные ценности являются продуктом картины мира определенного культурного сообщества, результатом философского культурного

наследия. Культурные ценности выполняют нормативную функцию, они прививают носителю культуры понятия добра и зла, правды и лжи, положительного и отрицательного. Понятие «культурная ценность» имеет следующую компонентную структуру: «наследие», «патриотизм», «личная угроза», «социальная угроза». Культурные ценности формируют свод правил общественного поведения и урегулирования конфликтов. Культурные ценности, предписывающие модели поведения представителей культурного сообщества, являются нормативными ценностями. Практической функцией нормативных ценностей является формирование нормативного поведения. Культура может существовать, только если ее носители придерживаются этих самых нормативных образцов поведения. Ритуалы принятия пищи, сна, ношения одежды, работы, игры, общения тривиальны и предсказуемы в рамках отдельно взятого культурного сообщества, но их воплощение продиктовано нормативными ценностями. Ценности – это тривиальные поведенческие реакции, которые имеют временную стабильность и формируют клише для определенных поведенческих образцов в определенных жизненных ситуациях. Ценности не имеют практического воплощения, они являются частью картины мира представителя культурного сообщества. Ценности – это ментальные программы, которые обуславливают выбор поведения. Универсальные ментальные программы называются этическими. Например, чувства матери к новорожденному. Ментальные программы, которые универсальны для представителей определенного культурного сообщества, являются эмическими. Культура и ценности связаны воедино. Ценности формируют основу для культурных различий. Американские культурантропологи Ф. Клакхон и Ф. Штротбек предлагают пять ведущих типов ценностных ориентаций культур [9, р. 5]:

1. Человеческая природа.
2. Человек – окружающий мир.
3. Время.
4. Деятельность.
5. Взаимоотношения между людьми.

Следует отметить, что данные компоненты взаимосвязаны, они определяют ценностную иерархию каждой культуры. Некоторые исследователи отмечают, что каждый из пяти блоков содержит смысловые категории «хорошо», «плохо», «нейтрально» [4, с. 178; 8, р. 211–232].

Природа человека также может быть злой, доброй или нейтральной. Однако она

подвергается эволюции, таким образом, человеческая сущность может быть: 1) порочной, но подверженной изменению; 2) порочной и ригидной; 3) нейтральной; 4) амбивалентной; 5) положительной, но подверженной изменениям; 6) положительной и стабильной. Культурантропологи создают систему положительных и отрицательных качеств природы человека в каждой отдельно взятой культуре. Выбор данных качеств обусловлен историческим опытом, религией, национальным аспектом отдельно взятой культуры. При управлении государством акцент может делаться на авторитарный контроль, свободу личности, гражданскую ответственность в зависимости от менталитета граждан.

Ценностная ориентация «человек – окружающий мир» подразумевает подчинение природе, гармонию с природой, покорение природы. Примером подчинения природе может служить быт индейцев американского континента: господство стихии, беззащитность перед болезнями и смертью – непреложные факты существования. Гармония с природой бытует в восточных культурах, преимущественно развитых (Китай, Япония): чувство общности, отсутствие противопоставления, обожествление природы. Покорение природы свойственно постиндустриальным укладам Европы и США: покорение рек, гор, борьба с болезнями, тяга к продлению жизни доступными человеку способами.

Восприятие категории времени является базовым фактором ценностной ориентации любой культуры. Нагляднее всего «временная характеристика» культуры предстает в работах Э.Т. Холла и Р. Льюиса. Э.Т. Холл делит культуры на полихронные и монокронные [6, р. 25]. Для полихронных культур характерно отсутствие планирования, стремление осуществлять несколько видов деятельности одновременно (латиноамериканские культуры). Для монокронных культур характерно долгосрочное планирование, поступательное осуществление деятельности, поэтапность (США, Япония). Р. Льюис выделяет полиактивные, моноактивные и реактивные культуры [2, с. 112]. Реактивные культуры держат ориентацию на прошлое, для них характерны: традиционность, значимость семейных уз, соблюдение классических обрядов и ритуалов (Япония, Великобритания). Моноактивные культуры ориентированы на настоящее, для них характерны: значимость прогресса, безотлагательная деятельность, руководящий принцип «здесь и сейчас» (США). Полиактивные культуры ориентированы на будущее, им свойственны: короткая

историческая память, жажда изменений, надежда на прогресс, гипотетическое планирование (Бразилия, Россия конца 80-х и 90-х годов).

Деятельность обычно рассматривается в контексте трех ее основных ориентаций: бытие, становление (внутренний рост), делание (активное созидание). Направленность на бытие признает достаточным само существование. Смысл жизни именно в нем, а не в преобразующей его деятельности (Мексика). Направленность на становление не отрицает развитие, но здесь речь в основном идет о внутреннем, духовном развитии, самообразовании (Япония). Направленность на активное созидание поддерживает очевидность человеческой деятельности, соперничество, проявление личной инициативы (США).

Взаимоотношения людей могут строиться по принципу линейности (авторитарность), коллатеральности (социальной направленности), индивидуализма. Линейность характеризуется социально-биологической данностью жесткой структуры, клановостью, значимостью происхождения, строгой иерархичностью, обязательным учетом социальной стратификации (Англия). При коллатеральном принципе человек вовлечен в многочисленные социальные связи и системы, коллективные интересы преобладают над личными, распространение и процветание группы при условии комфортного существования в ней является целью коллатерального принципа (Япония). Индивидуалистическая направленность характерна для развитых постиндустриальных культур прогрессивного толка. Доминантами в системе таких отношений являются: автономность личности, независимость от коллектива (группы) и, как следствие, приоритет индивидуального над коллективным (США).

Безусловно, модель Клакхона и Штродтбека не является исчерпывающей, так как существует множество подходов к категоризации ценностей в культурных контекстах. Значительно осложняет дело и двойственность многих культур. Речь идет, в первую очередь, о культурах в стадии перехода: российской, китайской, индийской. Наша культура активно демонстрирует переход от полиактивности к моноактивности, она (что, скорее всего, уже не подвергнется изменению) представляет уникальный конгломерат индивидуализма и коллатеральности, симбиоз внутреннего развития и активного созидания. Исторически реактивные культуры Индии и Китая стремятся к моноактивности, бытийность в их ценностной ориентации уступает место деятельности. Тем не

менее данная модель представляет основу для осмысления культурных различий, кросс-культурного анализа, и, главное, выявления внутрикультурных особенностей.

Интересным представляется изучение ценностной ориентации одной из лингвокультур, например, американской. Ценностные ориентации американской лингвокультуры наглядно проявляются в речах главы государства Барака Обамы.

Рассмотрим данный вопрос с использованием модели Ф. Клакхона и Ф. Штродтбека, предложивших пять ведущих типов ценностных ориентаций культур. **Восприятие природы** человека подразумевает ориентированность на определенный набор качеств, которые считаются положительными в данном культурном контексте. Частотное употребление лексем *ambition* (амбициозность), *self-confidence* (самоуверенность), *single-mindedness* (целеустремленность), *authority* (власть), *opportunity* (возможность) в речах американского президента свидетельствует об отнесении таких характеристик, как эгоцентризм, самоуверенность, амбициозность, готовность идти на риск, к положительным в природе человека. Это лишнее подтверждает принадлежность американской культуры к маскулинному типу [7, p. 297]. Американской натуре должно быть свойственно трудолюбие и приверженность собственному делу: «...folks at the top saw their incomes rise like never before, but *most hardworking Americans* struggled with costs that were growing, paychecks that weren't, and personal debt that kept piling up» (...доходы богатых людей увеличивались, как никогда раньше, но большинство работающих американцев были вынуждены сражаться с растущими ценами, не меняющимися выплатами, копящимися долгами); «*Our workers are the most productive on Earth*» (Наши работники – самые продуктивные на Земле); «*We bet on American workers. We bet on American ingenuity. And tonight, the American auto industry is back*» (Мы делали ставку на американского производителя. Мы делали ставку на американскую изобретательность. И сегодня американская индустрия восстановлена). Данные строки также свидетельствуют об обязательной патриотичности американского гражданина. Восприятие себя является важным компонентом в структуре природы человека. Межкультурные исследования показывают, что на вопрос «кто Вы» большинство американцев ответят: «я – американец». Осознание себя частью государства, в идеале исконной и продуктивной, ярко проявляется в американской картине мира: «*America will*

always win) (Америка – постоянный победитель); «Tonight, I want to speak about how we move forward, and lay out a blueprint for an economy that's built to last – an economy built on *American manufacturing, American energy, skills for American workers, and a renewal of American values*» (Сегодня я буду говорить о нашем движении вперед, намечать план развития экономики – экономики, основанной на американском производстве, американской энергии, умении американских работников, возрождении американских ценностей). Эмфатическая гиперболизация речей Б. Обамы лишней раз подтверждает важность осознания себя гражданином Америки: *the best products on Earth* (лучшие товары на Земле); *a story of success that every American had a chance to share* (история успеха, которую разделяет каждый американец). Индивидуализм и эгоцентризм американской природы проявляются и в восприятии себя. Речи американского президента изобилуют местоимением "I" (я), в то время как президент Российской Федерации, к примеру, предпочитает употреблять местоимение «мы» или схожие конструкции, свидетельствующие о совместной с народом деятельности.

Восприятие окружающего мира, природы. Американская культура, как и многие постиндустриальные, строит свои отношения с окружающим миром по принципу покорения. Экономические проблемы предстают в речах президента США как первостепенные, он упоминает их и в проблемной риторике (при обсуждении кризисных ситуаций), и для культивирования патриотизма американских граждан. Рост американской индустрии важнее, чем слаженная гармония с окружающим миром: «*I will go anywhere in the world to open new markets for American products*» (Я поеду в любой уголок мира, чтобы открыть новые рынки сбыта для американских товаров); «*An America that attracts a new generation of high-tech manufacturing and high-paying jobs. A future where we're in control of our own energy, and our security and prosperity aren't so tied to unstable parts of the world*» (Та Америка, что привлекает высокотехнологичное производство нового поколения и высокооплачиваемые рабочие места. То будущее, что позволяет нам управлять собственными энергоресурсами, при котором наша безопасность и процветание не зависят от менее стабильных уголков мира).

Восприятие времени. Американская культура относится к типу монокронных и моноактивных. Американцам свойственно жесткое планирование своих действий, по-

ступательное их выполнение, а также некоторая неспособность менять намеченные планы и выполнять ряд одновременных действий: «*The defining issue of our time is how to keep restoring of our economy alive. No challenge is more urgent*» (Определяющее действие на данный момент – сохранить нашу экономику. И нет более срочного дела); «*You can reach success that if you worked hard, you could do well enough to raise a family, then own a home, then send your kids to college, and put a little away for retirement*» (Успех вполне достигим, если ты: добросовестно работал, как следствие, зарабатывал достаточно, чтобы содержать семью, затем купить дом, затем отправить детей в колледж, отложить немного на пенсионный период). Стилистическая градация в сочетании с синтаксическим параллелизмом (анафорой) в последнем примере наглядно иллюстрирует стремление к поступательности действий. Частотность лексем *planning* (планирование), *order* (порядок), *organization* (организация), *discipline* (дисциплина), *priority* (первостепенность) в речах Б. Обамы подтверждает моноактивность американской культуры. Тем не менее стремление к новому, прогрессивному должно, по мнению американского президента, занимать обязательное место в природе человека: *a new generation* (новое поколение), *high-tech* (высокие технологии), *oppose any effort to return to the very same policies* (опозиционирование ретроградной политики), *we move forward* (движение вперед).

Восприятие деятельности. Американский культурный контекст поощряет проявление личной инициативы, эффективность, практичность при выполнении действий, а также допускает некоторую долю конструктивной рискованности. Стилистическая маркированность речей Б. Обамы демонстрирует компонент «готовность к действию» как обязательный в природе человека: «*to fight obstruction with action*» (бороться с обструкцией действием), «*refuse to let that happen*» (противоборствовать чему-либо), «*go anywhere in the world to...*» (ехать куда угодно, чтобы...). Оригинальные высказывания Б. Обамы стилистически маркированы: первый пример является развернутой метонимией, второй – литотой, третий – гиперболой. Обращения американского президента к народу наполнены историческими аллюзиями, призывая к действию, он неоднократно ссылается на исторические победные факты: «*We can do this. I know we can, because we've done it before. At the end of World War II, when another generation of heroes returned home from combat, they built*

the strongest economy and middle class the world has ever known» (Мы можем сделать это. Я знаю, что можем, потому что мы уже делали это раньше. В конце Второй мировой войны, когда демобилизовалось поколение героев, они создали самую сильную экономику и самый крепкий средний класс, которые когда-либо знал мир»; «My grandfather, a veteran of Patton's Army, got the chance to go to college on the GI Bill. My grandmother, who worked on a bomber assembly line, was part of a workforce that turned out the best products on Earth. The two of them shared the optimism of a nation that had triumphed over a depression and fascism. They understood they were part of something larger; that they were contributing to a story of success that every American had a chance to share» (Мой дед, ветеран армии Паттона, поступил по специальной программе в колледж. Он и моя бабушка, которая работала на сборочном конвейере для бомбардировщиков, были частью рабочей силы, что производила лучшие товары на Земле. Они оба обладали оптимизмом нации, торжествующей победу над депрессией и фашизмом. Они ощущали свою причастность к чему-то большему; они ощущали причастность к успеху, разделить который посчастливилось каждому американцу). Стилистическую маркированность данному отрывку монолога придает намеренное использование анафоры, создающее ритмичный, «действенный» эффект. В стремлении оказать большее воздействие на аудиторию американский президент употребляет экспрессивные приемы: гиперболы и метафоры: «Our workers are *the most productive on Earth*, and if *the playing field* is level, I promise you – *America will always win*» (Наши работники – самые продуктивные на Земле, и на этом игровом поле, я обещаю, Америка всегда будет побеждать). «Практичность» и «эффективность» являются центральными компонентами ценностной ориентации на деятельность в американской культуре.

Восприятие социальных отношений.

Восприятие социальных отношений в американской культуре характеризуется индивидуализмом, низкой дистанцией власти, отсутствием сословной иерархии, мало-значимостью социальной стратификации. Ораторский идиостиль Б. Обамы демократический, демонстрирующий не неравенство людей, а неравенство ролей: «*Together*, we offered a final, proud salute to the colors under which more than a million of our *fellow citizens* fought – and several thousand gave their lives» (Вместе мы принесли последнюю, торжественную присягу нашему знамени,

под которым сражалось более миллиона наших соотечественников, а несколько тысяч отдали свои жизни). В данном предложении по отношению к аудитории было использовано эмфатическое обращение «*fellow citizens*» (соотечественники), подчеркивающее сокращение дистанции власти. В то же время, обращаясь к членам Конгресса, Б. Обама употребляет лексику «*distinguished*» (в значении высокоуважаемые, выдающиеся), подчеркивая важность их деятельности для государства. Частотность его обращений к народу, многообразие их форм демонстрирует социальную доступность президента. Б. Обама включает в свои речи многочисленные рассуждения о гражданских правах и свободах, нивелируя аспект авторитарности и силовых методов решения проблем. В большинстве обращений американского президента к гражданам страны содержатся подробные истории об отдельно взятых «рядовых» американцах, их успехах, проблемах, нетривиальных ситуациях. Тем самым Б. Обама не только использует «наглядность», но и подчеркивает горизонтальную децентрализованность американского общества: «*Jackie Bray is a single mom from North Carolina who was laid off from her job as a mechanic. Then Siemens helped the college design courses in laser and robotics training. It paid Jackie's tuition, and then hired her to help operate their plant. I want every American looking for work to have the same opportunity as Jackie did*» (Джеки Брей, единственная мамочка из Северной Каролины, которая была сокращена с должности механика. Компания Сименс помогла колледжу в создании курсов по лазерной робототехнике. Они оплачивали образование Джеки и наняли ее оператором. Я хочу, чтобы такую возможность имел каждый американец, нуждающийся в работе).

Составление обращений глав держав к народу ведется с обязательным учетом особенностей национальной картины мира, менталитета граждан. Национальная языковая картина мира состоит из базовых блоков, в числе которых – ценностные ориентации культур. Пять ведущих типов ценностных ориентаций культур: человеческая природа, человек – окружающий мир, время, деятельность, взаимоотношения между людьми, реализуются в языке народа. Вербально-семантический анализ речи носителя культуры помогает распознать структуру этих ориентаций, которая уникальна в случае с каждой отдельно взятой национальной общностью. Анализ речи американского президента Б. Обамы подтвердил индивидуализм американской лингвокультуры.

туры, низкую дистанцию власти, отношение к окружающему миру по типу «покорение», технократичность мышления, монокронность, практичность и эффективность деятельности направленности, эгоцентризм социальных отношений. Тематический упор на данные особенности сопровождается высокой стилистической маркированностью речи, что позволяет достичь наибольшего стратегического эффекта.

1. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М., 1997. 331 с.

2. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к пониманию. М., 2012. 448 с.

3. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2002. 60 с.

4. Соколов Э.В. Основные идеи общей теории ценностей Р.Б. Пер-ри // Проблема ценности в философии. М Л., 1966. 170 с.

5. Aerts D., Apostel L., De Moor B., Hellemans S., Maex E., Van Belle H., Van Der Veken J., Worldviews: From Fragmentation to Integration. Brussels, 1994. 27 p.

6. Hall E.T., Understanding Cultural Differences, Germans, French and Americans. Yarmouth, 1990. 201 p.

7. Hofstede G., Culture's Consequences, SAGE publications, 2001. 597 p.

8. Jandt F.E., Intercultural Communication, SAGE publications, 2003. 425 p.

9. Kluckhohn F., Strodtbeck F., Values Orientation Theory, Berkeley Electronic Press, 2011. 14 p.

10. Rokeach M., Beliefs, attitudes and values: Theory of organization and change, San Francisco, 1972. 173 p.

11. Samovar L.A., Porter R.E., Communication between Cultures, Belmont, 1995. 313 p.

1. Vorob'ev V.V. Lingvokul'turologija. M., 1997. 331 s. (Russian).

2. L'juis, R.D. Delovye kul'tury v mezhdunarodnom biznese. Ot stolknovenija k ponimaniju. M., 2012. 448 s. (Russian).

3. Popova Z.D., Sternin I.A. Jazyk i nacional'naja kartina mira. Voronezh, 2002. 60 s. (Russian).

4. Sokolov Je.V. Osnovnye idei obshhej teorii cennostej R.B. Per-ri // Problema cennosti v filosofii. M L., 1966. 170 s. (Russian).

5. Aerts D., Apostel L., De Moor B., Hellemans S., Maex E., Van Belle H., Van Der Veken J., Worldviews: From Fragmentation to Integration. Brussels, 1994. 27 p. (English).

6. Hall E.T., Understanding Cultural Differences, Germans, French and Americans. Yarmouth, 1990. 201 p. (English).

7. Hofstede G., Culture's Consequences, SAGE publications, 2001. 597 p. (English).

8. Jandt F.E., Intercultural Communication, SAGE publications, 2003. 425 p. (English).

9. Kluckhohn F., Strodtbeck F., Values Orientation Theory, Berkeley Electronic Press, 2011. 14 p. (English).

10. Rokeach M., Beliefs, attitudes and values: Theory of organization and change, San Francisco, 1972. 173 p. (English).

11. Samovar L.A., Porter R.E., Communication between Cultures, Belmont, 1995. 313 p. (English).

UDC 316.752.4

AMERICAN CULTURAL VALUE ORIENTATION IN THE LANGUAGE WORLD VIEW

*(based on the speeches
of the U.S. president
B. Obama)*

Dobrikova Ksenia Aleksandrovna,

Chelyabinsk State University,

Candidate of Science (Philology),

Associate Professor at the Chair of Theory

and Practice of the English Language,

Chelyabinsk, Russia.

E-mail: lioness-x@mail.ru

Annotation

The current article represents the study of American cultural value orientation in the language aspect, based on the speeches of the U.S. president B. Obama. The analysis is carried out in the national language world view aspect by means of semantic, stylistic and intercultural methods of research.

Key concepts:

value, cultural value, national world view, language world view, cultural linguistics.

УДК 272

КАТОЛИЦИЗМ НА КУБЕ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ (1959 г.)

Данненберг Антон Николаевич,

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
начальник отдела
по работе с филиалами,
кандидат исторических наук, доцент,
г. Москва, Россия.
E-mail: dannenberg@rane.ru

Аннотация

В статье рассматриваются взаимоотношения Католической церкви и государства в первый революционный год на Кубе. Делается вывод о том, что в 1959 году конфликт между Церковью и государством находился лишь на стадии зарождения. При этом Церковь прилагала максимум усилий для удержания Кубинской революции в национально-буржуазных рамках.

Ключевые понятия:

Католическая церковь, революция, Куба, государственно-конфессиональные отношения, католицизм.

История Кубинской революции 1959 года всесторонне представлена в советской и постсоветской научной литературе. Тем не менее, на сегодняшний день отсутствуют исследования, посвященные деятельности и состоянию Католической церкви на острове в этот период. Следует отметить, что западные исследователи, в первую очередь американские и испанские, уже не первый год занимаются рассмотрением данной проблематики в самых разных аспектах. Статья призвана восполнить определенный пробел и раскрыть вопросы, связанные с деятельностью Католической церкви в условиях революционной трансформации общества на Кубе в первый год после прихода к власти Ф. Кастро. Особое внимание будет уделено государственно-церковным отношениям, а также реализации принципов католицизма в рассматриваемый период.

Каковы же были позиции Католической церкви непосредственно накануне революционных событий 1959 года? Чтобы ответить на этот вопрос, следует учесть тот факт, что сама революционная ситуация на Кубе сложилась не одновременно. В течение нескольких лет революционные организации действовали на территории страны, ведя перманентную войну против правительства Ф. Батисты. Безусловно, Католическая церковь не могла оставаться в стороне от этих событий.

Нарастание напряжения в кубинском обществе внесло своего рода раскол в католическое духовенство, которое, с одной стороны, поддерживало правящую власть, но с другой – не могла не реагировать на репрессивные меры правительства Ф. Батисты. Как отмечает американский исследователь Г. Муньоз (Университет Майами), Церковь ответила несколькими призывами к миру и отставке Ф. Батисты, а также к созданию правительства национального единства. При этом многие католики «боролась с режимом» [22].

Следует отметить, что наибольший вклад в борьбу с диктатурой Ф. Батисты сделала кубинская католическая молодежь. Молодые католики уходили в горы Сьерры Маэстро, чтобы присоединиться к партизанам. Но, как отмечает И. Альварес Куартеро, также были и священники, «которые служили в качестве связных между лагерями повстанцев и городами, которые передавали письма, которые приходили в горы, чтобы дать духовный совет партизанам, исповедовали, крестили, заключали

браки и в целом придавали мужества сопротивляющимся». В результате «в январе 1959 года «барбудос» (бородачи, как называли партизан) спустились с гор, «имея при себе распятия и изображения Девы Марии на шеях», а отец Сардиньяс, который был вместе с повстанцами в горах, был «возведен в ранг команданте, став единственным в мире священником, сутана которого была оливкового цвета» [4, р. 85].

Помимо непосредственного участия в вооруженной борьбе, Церковь, разумеется, прибегала и к более традиционным для нее средствам воздействия: проповедям, обращениям. Опираясь на свой моральный авторитет, она надеялась повлиять на обе стороны конфликта. Во второй половине 1950-х годов несколько прелатов кубинской церкви высказали свое мнение относительно разрастающейся гражданской войны. В 1958 году епископ города Пинар-дель-Рио Э. Диас составил «Молитву ради мира», которую довольно скоро стали читать в конце мессы практически по всей стране. А.М. Вильяверде в личном разговоре с Батистой предложил диктатору вообще отказаться от власти ради блага нации [13, р. 79]. Третьим же клириком был архиепископ Сантьяго-де-Кубы Э.П. Серантес, который еще 28 мая 1957 года выступил с пасторской проповедью, в которой просил враждующие стороны прийти к согласию.

Но насколько действенными были эти мирные инициативы?

Как отмечает Дж. Холбрук, Католическая церковь на Кубе была традиционно слабой, особенно в восточной части острова. Причиной этого было то, что католицизм серьезно пострадал во время войны за независимость из-за своей ассоциации с Испанией. При этом все более активную роль начинал играть протестантизм, в результате чего «Католическая церковь фактически заняла оборонительную позицию» [15, р. 2].

С мнением Дж. Холбрука согласен и американский исследователь М. Крэхэн, отмечающая, что «к 1950-м годам Куба считалась самой светской из всех стран Латинской Америки, при том, что опросы показывали, что три четверти населения идентифицируют себя с той или иной религией» [7, р. 17]. Ту же самую мысль высказывает С. Педраза (Университет Мичигана): до революционных преобразований кубинского общества, начатых в 1959 году, Католическая церковь была крупнейшим

учреждением в стране, где много людей идентифицировало себя как католиков, но лишь некоторые посещали мессы регулярно [26, р. 115].

Таким образом, секуляризация сознания кубинцев в свою активную стадию вступила еще до начала революционных преобразований режима Ф. Кастро. Внешне официально религиозное, кубинское общество на самом деле воспринимало христианство весьма прохладно, не придавая важности содержательной, сущностной стороне католицизма. Именно этот факт следует учитывать, рассматривая попытки Церкви вмешаться в конфликт между правительством и повстанцами в качестве морального судьи. Кубинцам куда важнее и очевиднее было прямое участие духовенства в боевых действиях, нежели проповеди о мире.

В течение нескольких лет после победы Кубинской революции по некоторым данным режим Ф. Кастро подверг репрессиям в общей сложности около 3500 представителей Католической церкви. Кардинал Мануэль Артега Бетанкур укрылся в аргентинском посольстве [10].

Большая часть священников и монахов, по большей части иностранного происхождения (примерно три четверти священников на Кубе были испанцами), покинула Кубу в первые же годы после революции. Объясняется это тем, что традиционное доминирование в католической иерархии испанских священников всегда ассоциировалось с их принадлежностью к высшему классу. По мнению Р. Торрейра Креспо победа революции создала для кубинской Церкви серьезную дилемму, учитывая довольно крепкие ее связи с кубинским обществом: «Церковь на Кубе, нагруженная балластом связей с испанским колониализмом и последующими тесными связями с американской системой неоколониализма, рассматривалась многими как агент империалистического влияния» [28, р. 8].

Более того, именно к высшему классу они и принадлежали, что не могло не вызывать с их стороны, как верно замечают американские исследователи Э. Хэйджмэн и Ф. Вэтон, однозначно отрицательной реакции на экономические преобразования, начатые правительством Ф. Кастро [12, р. 32].

Следует иметь в виду, что, хотя часть католического духовенства и различных католических организаций и приняли активное участие в борьбе с режимом Ф. Батис-

ты, большая часть Церкви была во время гражданской войны на стороне власти. В частности, с открытой поддержкой режима выступал архиепископ Гаваны М. Артега Бетанкур, обозначая тем самым официальную позицию. Некоторые иерархи, такие как епископ Камагуэя Карлос Риу, занимали выжидательную позицию, вообще отмалчиваясь по столь болезненному для страны вопросу.

Как уже отмечалось, католическая молодежь активно поддерживала борьбу повстанцев Ф. Кастро, но лидер крупнейшей молодежной католической организации Кубы «Католическая молодежь» («Juventud Católica») А. Вальдеспино осуждал государственный переворот, тем самым оставаясь на стороне властей.

Эти факты говорят об очевидном расколе в рядах кубинских католиков в середине XX века. Католический клир не был единым. Если верхушка в лице епископата и лидеров католических организаций стояла на позициях защиты существующего режима, то низшее духовенство, рядовые священники, а также члены религиозных объединений не считали для себя возможным мириться с растущим социальным неравенством на острове, зависимостью его от США, репрессивными методами управления.

Отношение Католической церкви к режиму Ф. Кастро в постреволюционный период следует четко разделять на два этапа: до обращения революционного правительства к коммунистической идеологии и после. При этом важно отметить, что сразу после революции Ф. Кастро стоял на национал-буржуазных позициях, а его взгляды вполне сочетались с христианской доктриной. Как отмечает С. Педраза, изначально Ф. Кастро сам определял произошедшую революцию как гуманистическую, о чем он, в частности, говорил во время своего визита в США в апреле 1959 года [25, р. 3]. 17 декабря того же года Ф. Кастро в телевизионной программе «Ante la Prensa» еще раз высказался, что революция и религия никак не должны мешать и противоречить друг другу: «Мы понимаем, что наша Революция ни в коей мере не направлена против религиозных чувств...поэтому у нас нет никаких намерений касаться религиозных чувств населения» [цит. по: 23].

К моменту победы революции на Кубе Ф. Кастро отнюдь не был явным противником Католической церкви. Более того, у него были все причины относиться к ней с

некоторой долей симпатии. Известно, что после неудачной операции партизанских сил во время штурма казармы Монкада, в результате которой Кастро был арестован и подвергнут суду, именно Католическая церковь в лице архиепископа Сантьяго Энрике Переса Серантеса выступила в его защиту. Как отмечает испанский исследователь Н.И. Уриа, именно благодаря заступничеству Серантеса Кастро получил столь мягкое наказание [29].

Сразу после победы Кастро заявил, что именно Католическая церковь является одним из гарантов свободы, а самого Серантеса он приглашал выступить вместе с ним в ночь с первого на второе января в Сантьяго-де-Куба, где он произнес свою первую речь.

Некоторые католики принимали активное участие в самом революционном движении. Этот факт отмечался Кастро, который заявлял, что «Католическая церковь внесла свой решительный вклад в дело победы» [17, р. 29]. В то же время, как отмечает А.П. Фернандес, и сама Церковь в первый период после победы «приветствовала ее как ожидаемый конец неопределенности, вооруженного противостояния и в целом страдания народа» [См.: 8]. Тем не менее, ряд авторов полагает, что отношения между Церковью и новой властью с самого начала носили противоречивый характер. Как отмечает Д. Ковалевски, «государственно-церковные отношения на раннем этапе в постреволюционной Кубе лучше всего обозначить как взаимно неприязненные» [18, р. 67].

Сразу после установления нового режима Церковь начала социальные программы помощи населению. Так, 22 февраля 1959 начался сбор пожертвований для наиболее пострадавших в войне с Батистой регионов. Это происходило в пяти приходах в Пинардель Рио, в сорока приходах в Гаване и в ряде других мест [17, pp. 27–28].

В целом до весны 1959 года можно говорить о том, что Церковь благосклонно, хотя и не без некоторого беспокойства, воспринимала происходящие на Кубе перемены. Как отмечает М. де Пас Санчес, к 1 января 1959 года кубинские католики были полностью готовы принять новую власть. Они восприняли победу Ф. Кастро восторженно и с надеждой, а в церквях по всему острову исполнялся известный католический гимн «Te Deum» [24, р. 305]. На конференции, посвященной пятидесятилетию первого Католического Конгресса ар-

хиепископ О. Маркес также подчеркивал, что, несмотря на некоторые разногласия, «тем не менее, можно говорить о том, что подавляющее большинство кубинских епископов поддержали триумф Революции» [6].

Первым тревожным звонком для Церкви стал Закон об аграрной реформе от 17 мая 1959 года. По мнению отечественных исследователей В.А. Бородаева и Н.С. Леонова, именно его следует считать точкой отсчета открытого американо-кубинского конфликта [1, с. 213]. С ними согласен и британский исследователь С. Бэлфор [2, с. 116], считающий, что закон хотя и носил умеренный характер, но нанес существенный удар по американским интересам на острове.

Закон об аграрной реформе вновь, как и в период, предшествующий революции, поставил Церковь в сложное положение. С одной стороны Закон вполне сопрягался с положениями социальной доктрины Католической церкви, но с другой – Церковь стояла на защите права собственности. Тем более, что и сама она была собственником.

31 мая 1959 года помощник епископа Гаваны Эвелио Диас пишет циркулярное письмо «Католическая церковь и новая Куба», в котором подтверждает, что Закон об аграрной реформе в своих фундаментальных основах согласуется с церковными представлениями о принципах социальной справедливости [21].

Надежда Церкви на дальнейшее смягчение преобразований была вызвана все еще не определившимся до конца курсом революционного правительства. Очевидно, церковные иерархи сохраняли уверенность, что режим Кастро примет национально-ориентированный характер, но без крайне левого уклона.

5 июля 1959 года в журнале «Богемия» появилась статья епископа Матанзаса Альберто Мартина Вильяверде «Кубинская аграрная реформа и Католическая церковь», в которой он, в частности, отмечал, что национализация не должна лишить крестьян земли, в результате чего они окажутся в зависимости от государства [31, р. 40].

Ссылаясь на мнение экспертов, видевших схожесть мер Кастро с теми, что проводились в свое время в Советском Союзе, 21 июля 1959 года епископат Сантьяго-де-Кубы выпускает пояснение по поводу своего отношения к аграрной реформе. Отмечая, что «источники» реформы не со-

ответствуют ни Евангелию, ни энцикликам пап Льва XIII и Пия IX, «Кастро, чуждый, несомненно, московской ориентации, должен твердо знать, что эта ориентация ни в чем не способствует успеху Революции» [19, р. 41].

Динамика позиции Церкви в течение двух месяцев после начала реформы вполне очевидна. К лету 1959 года уже видна явная обеспокоенность церковных иерархов проводимыми правительством Ф. Кастро преобразованиями.

В октябре 1959 года произошло событие, которое еще раз заставило усомниться многих в абсолютной гуманности нового режима. Один из лидеров революции Убер Матос, который являлся выразителем демократических тенденций в «Движении 26 июля», выступил с критикой политики Ф. Кастро, за что был арестован и приговорен к двадцати годам тюремного заключения. Католическая церковь немедленно отреагировала. Организация «Католическая молодежь» организовала протестную демонстрацию, а также созвала в конце ноября 1959 года Национальный Католический Конгресс. На демонстрации, прошедшей в центре Гаваны, собралось около одного миллиона человек [11, р. 94]. В данном контексте необходимо напомнить, что в феврале 1958 года именно «Католическая молодежь» издала манифест о нарастающем кризисе в стране, в котором она требовала возвращения правительства Ф. Батисты в правовое поле. Фактически сразу после издания этого манифеста три члена организации (а также четыре члена «Университетской католической организации» (*Agrupación Católica Universitaria*) были найдены мертвыми с признаками насильственной смерти [9, pp. 57–58].

Национальный Католический Конгресс провел свои заседания 28 и 29 ноября 1959 года. По мнению кубинского католического журнала «Espacio Laical» (издается Культурным центром падре Феликса Валера), конгресс стал «публичным проявлением христианской души кубинского народа, самым крупным религиозным событием на Кубе до этого момента» [27, р. 24]. На Конгрессе католическая общественность Кубы ясно высказалась за соблюдение правовых норм, которые должны основываться на христианских принципах.

Официальный Ватикан немедленно отреагировал на происходящее на Кубе. 29 ноября 1959 в адрес Конгресса поступило послание папы римского Иоанна XXIII.

Обозначая генеральную линию послания как стремление к добру, которое должно быть присуще всему человечеству, папа писал: «Лозунги этих дней – продвижение союза и спасение христианского мира на Кубе, обеспечение гарантий сохранения ее католических традиций, получат общий знаменатель и будут более эффективными в милосердной жизни каждого из вас, реализуясь в лоне ваших организаций» [20, р. 2].

Следует отметить тот факт, что после революционных событий на Кубе Ватикан занял вполне определенную позицию, которая выражалась в неосуждении событий на Кубе и в неподдержке сил, выступающих против режима Кастро. Как отмечает И. Григулевич, «ни в одном из своих выступлений или высказываний Иоанн XXIII не осудил революционную Кубу, ее руководителей или внутреннюю политику. Более того, с приходом к власти Фиделя Кастро и его единомышленников дипломатические отношения между Ватиканом и Кубой не только не прервались, а, наоборот, укрепились» [3, с. 310–311].

Ф. Хотарт так же отмечает, что отношения между Кубой и Святым Престолом никогда не прерывались, а назначенный для их реализации монсеньор Сезар Закки играл в них роль посредника. Посол Кубы в Ватикане Луис Амадо Бланко был в течение нескольких лет главой дипломатического корпуса, аккредитованного при Святом Престоле [16, р. 85]. Со временем же С. Закки стал близким другом кубинского лидера [5].

Но в чем причина столь нейтрального отношения Ватикана к событиям на Кубе? Следует иметь в виду, что изначально переворот и приход к власти группы Ф. Кастро никак не был связан с социализмом – революция представлялась, скорее, как национально-освободительная.

На Конгрессе еще раз, как представляется, специально для революционного правительства, Кубинская церковь озвучила социальное кредо католицизма, давая понять, что только на соблюдении этих принципов может развиваться дальнейшее сотрудничество между Церковью и государством [30, р. 47].

Расшифровывая самый острый пункт, касающийся тоталитарных доктрин, епископ Вильяверде пояснял, что имеется в виду: «Мы полагаем, что государство имеет право направлять личную деятельность в русло общественного блага, но не вредя при этом существующим правам человека, семьи, частных организаций и Церкви, как

это происходит в тоталитарных государствах» [30, р. 49].

Как отмечает Дж. Холбрук, Национальный Католический Конгресс стал своего рода шахматным гамбитом в битве за общественные отношения между Церковью и Ф. Кастро. По его мнению, епископы использовали Конгресс как символическую форму массовой коммуникации, чтобы показать, что именно Католическая церковь и католицизм должен обеспечить этические и моральные ценности для проводимых реформ [14, р. 264]. С этим мнением можно согласиться, учитывая, что после Конгресса отношения между Кастро и архиепископом Пересом Серантесом, наиболее явным сторонником нового режима, начали ускоренно портиться. 24 декабря 1959 года Перес Серантес выпускает пасторское послание, в котором говорит о том, что кубинское население преимущественно католическое, а потому будет серьезной ошибкой со стороны режима как-либо притеснять Католическую церковь [14, р. 265].

Таким образом, постепенно из союзника (или, правильнее будет сказать, попутчика) Церковь неумолимо превращалась в противника режима. Тем не менее, не обладая поддержкой со стороны, Кастро был вынужден мириться с ее позицией. Церковь, занимая выжидательную позицию, тем не менее, всячески намекала новой власти, что любая радикализация режима влево не будет иметь поддержки со стороны католического клира. Но в прямую конфронтацию с правительством Ф. Кастро она не вступала, лишь демонстрировала свое единство и поддержку со стороны кубинцев. Как покажет будущее, эта поддержка имела весьма эфемерный характер, связанный, прежде всего, с поверхностной христианизацией населения, формальным католицизмом. В 1959 же году у Церкви еще сохранялась надежда на позитивный сценарий развития событий, не связанный с обращением революционеров к марксистской идеологии.

1. Бородаев В.А., Леонов Н.С. Фидель Кастро: политическая биография. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. 450 с.

2. Бэлфор С. Фидель Кастро. Ростов-на-Дону, Феникс, 1997. 320 с.

3. Григулевич И.П. Папство. Век XX. М.: Политиздат, 1981. 532 с.

4. Alvarez Cuartero I. Y yo pase, sereno entere los viles: Estado, Revolucion e Iglesia en Cuba, 1959–1961 // América latina hoy: Revista de ciencias sociales, 1998, Vol. 18. PP. 83–90.

5. Amuchastegui D. The Vatican and Cuba: Constructive engagement at work. URL: <http://www.cubanews.com/sections/the-vatican-and-cuba-constructive-engagement-at-work> (дата обращения: 09.01.2013).
6. Arq. Orlando Márquez. La fidelidad y la continuidad del espíritu del Congreso Católico Nacional (A cincuenta años de aquel evento). URL: <http://www.vital.org/vital/vital95/nhist.htm> (дата обращения: 08.01.2013).
7. Crahan M. Introduction // Religion, Culture, and Society: the Case of Cuba. Woodrow Wilson International Center for Scholars. Washington, D.C., 2003. 147 p.
8. Fernandez A.P. Iglesia Católica y Revolución Cubana // Espacio Laical. 2008. № 4. PP. 26–43.
9. Fernández M. Cuba: Catolicismo y Sociedad en un Siglo de Independencia. Ed. Fundación Konrad Adenauer. Caracas. 1996. 134 p.
10. Gaetan V. How the Catholic Church is Preparing for a Post-Castro Cuba. Religion and Rebuilding on the Island. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/137303/victor-gaetan/how-the-catholic-church-is-preparing-for-a-post-castro-cuba> (дата обращения: 10.12.2012).
11. Guerra L. Visions of Power in Cuba: Revolution, Redemption, and Resistance, 1959–1971. The University of North Carolina Press, 2012. 488 p.
12. Hageman A., Wheaton P. Religion in Cuba Today: A New Church in a New Society. NY. Association Press, 1971. 317 p.
13. Hernández J. El Aporte de la Iglesia Católica a la República de Cuba, 1902–1958 // Herencia. 2003. № 9. PP. 62–82.
14. Holbrook J. The Catholic Church in Cuba, 1959–1962: The Clash of Ideologies // International Journal of Cuban Studies, Volume 2, number 3 and 4, Autumn / Winter. 2010. PP. 264–276.
15. Holbrook J. The Church in Cuba: 1952–1959. Ambivalence Between Regime and Revolution. University of Texas, 2008. 23 p.
16. Houtart F. La religion en la Cuba revolucionaria // Casa de las Américas. La Habana, 2009, número 254. PP. 84–87.
17. Kirk J. La Iglesia en Cuba, 1959–1969: Emergiendo desde las catacumbas? // Nueva Antropología. 1986. Vol. IX. No. 31. PP 23–48.
18. Kowalewski D. The Catholic Church and the Cuban Regime // The Catholic Church in Cuba, Keston Institute, 1983. PP 67–72.
19. La Reforma Agraria y el Arzobispado de Santiago de Cuba // Documentos de los Obispos. Conferencia de Obispos catolicos de Cuba, 1959. PP. 41–43.
20. Mensaje de su Santidad Juan XXIII // Congreso Católico Nacional. Conferencia de Obispos catolicos de Cuba, 1959. PP. 2–4.
21. Mons. Evelio Díaz, Obispo Auxiliar y Administrador Apostólico de la Habana. La Iglesia Católica y la Nueva Cuba. 31 de Mayo de 1959. URL: <http://www.exilio.com/iglesia/9.html> (дата обращения: 08.01.2013).
22. Muñoz G. Catholic Social Thought: Cuba. URL: <http://www.drgermanmunoz.com> (дата обращения: 12.11.2012).
23. Nunez Jimenez A. En Marcha Con Fidel. Letras Cubanos Editorial. La Habana, 1982, T.1. 324 p.
24. Paz Sánchez M. La Iglesia Católica y la Revolución Cubana: un informe del Embajador Lojendio // Anuario del Archivo Histórico Insular de Fuerteventura (Islas Canarias). 2000. №13. PP. 281–309.
25. Pedraza S. Church and State in Cuba's Revolution. University of Michigan. 2009. 11 p.
26. Pedraza S. Cuba's Catholic Church and The Contemporary Exodus // Religion, Culture, and Society: the Case of Cuba. Woodrow Wilson International Center for Scholars. Washington, D.C., 2003. PP. 115–123.
27. Purón E. La Desolacion de Accion Catolica // Espacio Laical. 2007. № 1. PP. 24–26.
28. Torreira Crespo R. La Iglesia Católica en la Primera Oleada Migratoria Cubana. La Habana, Editora Política 2005. 45 p.
29. Uria I. Iglesia y Revolución en Cuba: Enrique Pérez Serantes (1883–1968), el obispo que salvó a Fidel Castro. Encuentro Ediciones, S.A. 2011. 624 p.
30. Villaverde Alberto Martín, Obispo de Matanzas. Congreso en Defensa de la Caridad // Documentos de los Obispos. Conferencia de Obispos catolicos de Cuba, 1959. PP. 28–30.
31. Villaverde Alberto Martín, Obispo de Matanzas. La Reforma Agraria Cubana y la Iglesia Católica // Documentos de los Obispos. Conferencia de Obispos catolicos de Cuba, 1959. PP. 39–41.
1. Borodaev V.A., Leonov N.S. Fidel Kastro: politicheskaya biografiya. M.: TERRA–Knizhnyiy klub, 1998. 450 s. (Russian).
2. Belfor S. Fidel Kastro. Rostov-na-Donu, Feniks, 1997. 320 s. (Russian).
3. Grigulevich I.R. Papstvo. Vek HH. M.: Politizdat, 1981. 532 s. (Russian).
4. Alvarez Cuartero I. Y yo pase, sereno entere los viles: Estado, Revolución e Iglesia en Cuba, 1959–1961 // América latina hoy: Revista de ciencias sociales, 1998, Vol. 18. PP. 83–90 (Spanish).
5. Amuchastegui D. The Vatican and Cuba: Constructive engagement at work. URL: <http://www.cubanews.com/sections/the-vatican-and-cuba-constructive-engagement-at-work> (дата обращения: 09.01.2013) (English).
6. Arq. Orlando Márquez. La fidelidad y la continuidad del espíritu del Congreso Católico Nacional (A cincuenta años de aquel evento). URL: <http://www.vital.org/vital/vital95/nhist.htm> (дата обращения: 08.01.2013) (Spanish).
7. Crahan M. Introduction // Religion, Culture, and Society: the Case of Cuba. Woodrow Wilson International Center for Scholars. Washington, D.C., 2003. 147 p. (English).
8. Fernandez A.P. Iglesia Católica y Revolución Cubana // Espacio Laical. 2008. № 4. PP. 26–43.
9. Fernández M. Cuba: Catolicismo y Sociedad en un Siglo de Independencia. Ed. Fundación Konrad Adenauer. Caracas. 1996. 134 p. (Spanish).
10. Gaetan V. How the Catholic Church is Preparing for a Post-Castro Cuba. Religion and Rebuilding on the Island. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/137303/victor-gaetan/how-the-catholic-church-is-preparing-for-a-post-castro-cuba> (дата обращения: 10.12.2012) (English).
11. Guerra L. Visions of Power in Cuba: Revolution, Redemption, and Resistance, 1959–1971. The University of North Carolina Press, 2012. 488 p. (English).
12. Hageman A., Wheaton P. Religion in Cuba Today: A New Church in a New Society. NY. Association Press, 1971. 317 p. (English).

13. Hernández J. El Aporte de la Iglesia Católica a la República de Cuba, 1902–1958 // Herencia. 2003. № 9. PP. 62–82 (Spanish).

14. Holbrook J. The Catholic Church in Cuba, 1959–1962: The Clash of Ideologies // International Journal of Cuban Studies, Volume 2, number 3 and 4, Autumn / Winter 2010. PP. 264–276 (English).

15. Holbrook J. The Church in Cuba: 1952–1959. Ambivalence Between Regime and Revolution. University of Texas, 2008. 23 p. (English).

16. Houtart F. La religion en la Cuba revolucionaria // Casa de las Américas. La Habana, 2009, número 254. PP. 84–87 (Spanish).

17. Kirk J. La Iglesia en Cuba, 1959–1969: Emergiendo desde las catacumbas? // Nueva Antropología. 1986. Vol. IX. No. 31. PP. 23–48 (Spanish).

18. Kowalewski D. The Catholic Church and the Cuban Regime // The Catholic Church in Cuba, Keston Institute, 1983. PP. 67–72 (English).

19. La Reforma Agraria y el Arzobispado de Santiago de Cuba // Documentos de los Obispos. Conferencia de Obispos catolicos de Cuba, 1959. PP. 41–43 (Spanish).

20. Mensaje de su Santidad Juan XXIII // Congreso Católico Nacional. Conferencia de Obispos catolicos de Cuba, 1959. PP. 2–4 (Spanish).

21. Mons. Evelio Díaz, Obispo Auxiliar y Administrador Apostólico de la Habana. La Iglesia Católica y la Nueva Cuba. 31 de Mayo de 1959. URL: <http://www.exilio.com/iglesia/9.html> (дата обращения: 08.01.2013) (Spanish).

22. Muñoz G. Catholic Social Thought: Cuba. URL: <http://www.drgermanmunoz.com> (дата обращения: 12.11.2012) (English).

23. Nunez Jimenez A. En Marcha Con Fidel. Letras Cubanas Editorial. La Habana, 1982, T.1. 324 p. (Spanish).

24. Paz Sánchez M. La Iglesia Católica y la Revolución Cubana: un informe del Embajador Lojendio // Anuario del Archivo Histórico Insular de Fuerteventura (Islas Canarias). 2000. №13. PP. 281–309 (Spanish).

25. Pedraza S. Church and State in Cuba's Revolution. University of Michgan. 2009. 11 p. (English).

26. Pedraza S. Cuba's Catholic Church and The Contemporary Exodus // Religion, Culture, and Society: the Case of Cuba. Woodrow Wilson International Center for Scholars. Washington, D.C., 2003. PP. 115–123 (English).

27. Purón E. La Desolucion de Accion Catolica // Espacio Laical. 2007. № 1. PP. 24–26.

28. Torreira Crespo R. La Iglesia Católica en la Primera Oleada Migratoria Cubana. La Habana, Editora Política 2005. 45 p. (Spanish).

29. Uria I. Iglesia y Revolución en Cuba: Enrique Pérez Serantes (1883–1968), el obispo que salvó a Fidel Castro. Encuentro Ediciones, S.A. 2011. 624 p. (Spanish).

30. Villaverde Alberto Martín, Obispo de Matanzas. Congreso en Defensa de la Caridad // Documentos de los Obispos. Conferencia de Obispos catolicos de Cuba, 1959. PP. 28–30 (Spanish).

31. Villaverde Alberto Martín, Obispo de Matanzas. La Reforma Agraria Cubana y la Iglesia Catolica // Documentos de los Obispos. Conferencia de Obispos catolicos de Cuba, 1959. PP. 39–41 (Spanish).

UDC 272

CATHOLICISM IN CUBA UNDER REVOLUTIONARY CHANGES (1959)

Dannenberg Anton Nikolaevich,
Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration,
Head of Branch Relations Office,
Candidate of Science (History),
Associate Professor,
Moscow, Russia.
E-mail: dannenberg@rane.ru

Annotation

The article shows relations between Catholic church and the state in Cuba during the first year of revolution. It is concluded that in 1959 the conflict between the church and the state was just beginning. The church put a lot of effort into holding the revolution in national and bourgeois borders.

Key concepts:

Catholic church, revolution, Cuba, state and confessional relations, Catholicism.

УДК 23/28

РЕЛИГИОЗНО- НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В РУССКОЙ АРМИИ НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Дмитриев Николай Владимирович,
Амурский государственный университет,
соискатель кафедры религиоведения,
г. Благовещенск, Россия.
E-mail: d_n_v133@rambler.ru

Аннотация

В статье рассмотрена организация религиозной жизни в войсках Приамурского военного округа до 1918 года. Освещены задачи и структура военных причтов, взаимоотношения их с командованием воинских частей.

Ключевые слова:
полковой священник,
полк, причт,
говение, ктитор.

В армии новой, постсоветской России, остро стоят вопросы духовного, нравственного да и просто общечеловеческого воспитания военнослужащих, побуждения их к добросовестному и осознанному выполнению воинского долга, привития чувства любви к своей Родине. Наличие этих проблем, поиск путей их решения призывает обратиться к прошлому, изучив которое и проанализировав его, можно двигаться вперёд, используя полученные знания применительно к реалиям современности. И в сложившихся на данном этапе обстоятельствах руководство Российской армии постоянно находится в поиске новых форм и методов воздействия на личный состав Вооружённых сил. В частности, в 2009 году официально принято решение о привлечении представителей религиозных конфессий к работе с верующими воинами, и в 2011 году приказом министра обороны Российской Федерации в штат воинских частей была введена должность помощника командира по работе с верующими военнослужащими. В этой связи возник вопрос изучения опыта участия Русской православной и иных Церквей в повседневной деятельности войск армии и экипажей боевых кораблей флота Российской империи, определение степени значения религии в деле воспитания широких солдатских масс и влияние её на мировоззрение, нравственные устои и настроение военного люда.

Предлагаемая вниманию читателя статья подготовлена на основе изучения и анализа опыта взаимодействия Русской императорской армии и Русской православной церкви на территории Дальнего Востока России в её дореволюционный период.

В процессе церковно-православной деятельности в воинских частях и подразделениях Приамурского военного округа решался ряд задач, основными из которых были:

- проведение политики государя в войсках;
- подготовка личного состава к боевым действиям;
- формирование готовности военнослужащего преодолевать тяготы и невзгоды военной службы и погибнуть с честью за веру, царя и отечество;
- воспитание верности присяге и чувства личной ответственности за выполнение поставленной задачи, а также уважительного отношения к сослуживцу, невзирая на возможную принадлежность его к другому вероисповеданию.

Рассматриваемый период времени характерен укреплением православного влияния на войска. Увеличилось плановое строительство церковью военного ведомства в дальневосточных гарнизонах и военных городках. Военные

чины, особенно инженерный состав, продолжали оказывать поддержку деятельности Благовещенской и Владивостокской епархий по вопросам возведения приходских церквей и школ. Религиозно-православная общественность, сознавая, что возводимые на окраинах страны очаги православия в виде храмов нуждаются в убранстве их, всемерно помогали, в т.ч. и посредством жертвований, становлению Русской церкви на Дальнем Востоке страны.

В результате проведения мобилизационных мероприятий на территории Приамурского края по случаю ведения боевых действий с китайцами летом 1900 года и с японцами в Маньчжурии в 1904–05 гг., в войсках округа и в действующей армии побывало большое количество (около ста человек) приходских священников, что, несомненно, улучшило взаимопонимание между военными и епархиальными священнослужителями.

Штатные православные военные священники в Приамурском военном округе с начала XX века имелись в стрелковых, крепостных и Приморском драгунском полках, в Анучинской окружной дисциплинарной роте, с 1908 года – в артиллерийских бригадах и сапёрных батальонах и в 1911 году – в штате Амурской флотилии. Священник-моряк в период навигации имел место на флагманской канонерской лодке, в зимний же период он откомандировывался в Хабаровский собор. Руководство всеми ими осуществлял главный священник округа через благочинных.

«При священнике должны быть:

- диакон из унтер-офицеров;
- псаломщик из нижних чинов.

Псаломщиками могут быть и вольнонаёмные, числом не более 25% от общего числа псаломщиков» [12, л. 97].

При каждой военной церкви состоял причт, в состав которого входили священно- и церковнослужители. Священнослужителем был священник и, если число прихожан церкви превышало семьсот человек, то в причт вводился и штатный дьякон (диакон). Из числа церковнослужителей (в некоторых источниках – церковников) при военных церквях служили псаломщики, один или два. Допускалось, в случаях отсутствия штатных церковников, иметь из числа нижних чинов специально обученных людей, но при этом, судя по сохранившимся документам, существовали некоторые проблемы в подборе и качестве подготовки этих людей. В военное время псаломщик исполнял согласно штатному расписанию ещё и обязанности прислуги при священнике [11, инв. № 1344. № 292 от 1897, л. 253]. О псаломщиках военного ведомства тоже заботились – в 1900 году

приказом № 201 им определили «квартирные оклады» [13, л. 464–467].

Для организации церковной жизни в полку издавался приказ, в котором определялся состав причта, ктитора, певчие, руководитель церковного хора, как правило – «офицер-любитель и знаток церковного пения» [2, № 7, л. 215], и при необходимости – внештатный церковник (псаломщик).

Ктитором назначался наиболее набожный офицер или классный чиновник по ходатайству полкового священника, который о назначенном ктиторе доносил благочинному, а тот, в свою очередь, до протопресвитера [1, с. 911].

В обязанности ктитора входило [7, л. 1249–1251]:

- заботиться о внутреннем благоустройстве церкви;
- заведовать, под наблюдением полкового командира, совместно со священником деньгами, в т.ч. приходом и расходом церковной суммы и имуществом церкви и заботиться об их сохранении;
- нанимать в случае необходимости церковных сторожей и контролировать их работу.

Ктитор за упущения по церковным обязанностям наказывался как за проступки по военной службе.

С 1895 года, в соответствии с приказанием войскам Приамурского военного округа № 83, в начале года «причт и ктитора направляли 6% от валового дохода церкви» благочинному для отсылки в Духовное правление на призрение бедных военного и морского духовенства [11, инв. № 1425. № 208 от 1890, гл. V].

В православной религиозной жизни важное место занимало церковное пение. В каждой военной церкви состоял хор певчих, для формирования которого издавались приказы в полках о высылке нижних чинов на спевки, на богослужения. В некоторых частях спевки забивались в расписание занятий [5, № 4, л. 57].

Полковые певчие подчинялись ктитору церкви. Церковный хор являлся визитной карточкой и гордостью полка, и зачастую их приглашала петь в епархиальные приходские церкви. Так, хор певчих из нижних чинов под управлением офицера 1-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады пел во время торжественной литургии 6 декабря 1899 года в Никольск-Уссурийском [6].

Правда, была и критика: «Не следует нашим войсковым церковным певчим подражать «архиерейским» и др. большим хорам, ибо неудовлетворительное исполнение ими непосильных произведений не вызовет молитвенного настроения. А для избежания этого следует петь лишь то, что

доступно силам хора и пониманию молящихся» [5, № 4, л. 57].

При отсутствии церковного хора было и так: «хоронили на позиции семь человек; офицеры пропели «Со святыми упокой» и «Вечную память» [4, с. 28].

Необходимо отметить, что вся религиозная жизнь полка была организована, что значит – регламентирована посредством приказов, приказаний и распоряжений. Например, в развитие приказа по гарнизону издавался приказ, в частности, по драгунскому полку, в котором военному священнику предписывалось: «молодых солдат 1 и 2 эскадрона исповедовать в понедельник на Страстной после вечерни, всех вестовых, трубачей и нестроевую команду – во вторник после вечерни, остальных – после обедни, стараясь по мере возможности не задерживать их долго после службы. Таинство Причащения производить ежедневно всем бывшим у исповеди накануне. Господам офицерам исповедоваться всем вместе в среду и причащаться одновременно в Великий четверг. В среду на Страстной совершить обряд крещения над рядовым Ибрагимом Абдулатиповым, записав воспреемниками его командира фон Шпека и жену подполковника Марию Степановну Подкопытину». Полковой священник о. Фёдор при доведении до него «сей бумаги» расписался на полях документа, потому что в полку он был одним из должностных лиц, для нижних же чинов – воинским начальником, «Ваше благородие» [5, № 36, л. 504]. Например, в отпуск военный священник уходил, предварительно написав рапорт по команде на имя командира полка, после разрешения которого он ставил в известность дивизионного благочинного, который в свою очередь извещал о событии протопресвитера.

Приказ командира Владивостокского порта № 134 от 20 марта 1896 года гласил: «Предписываю освободить нижних чинов от портовых и др. работ в следующие дни Страстной недели и Св. Пасхи: с 2-х часов пополудни 21 марта по 26 марта включительно» [3].

Приказанием войскам Благовещенского гарнизона № 8 от 8 марта 1899 года от имени его начальника генерал-майора К.Н. Грибского предписывалось: «Во вторник 9 марта с.г. в день храмового праздника во имя Божией Матери, именуемой Албазинской, занятий не проводить. Свободным от службы штаб, обер-офицерам и классным чиновникам военного ведомства прибыть на богослужение в Благовещенский кафедральный собор к девяти часам утра. Нижних чинов уволить командами в церковь» [10, ф. 15-и, оп. 1, ед. хр. 168, № 2 от 1899].

В Хабаровске весной того же года начальник гарнизона распорядился «во время церковных парадов на Пасху незадействованных в параде нижних чинов уволить в церковь командами под начальством унтер-офицеров». Подобное увольнение ждало нижних чинов и на церковном параде в день памяти А.С. Пушкина.

О добровольности участия в церковных парадах речь не шла; такие фразы из приказов по гарнизону, как: «на богослужение по случаю... приказываю прибыть...», или: «для поддержания благочиния в храме во время богослужения назначить сорок нижних чинов... в распоряжение полицмейстера города», а также команды командующего парадом: «На молитву. Шапки – долой!», «Накройсь!» не оставляли шансов верующему воину на проявление искренности при сотворении молитвы в подобных ситуациях [10, ф. 33-и, оп. 1, ед. хр. 4].

При прохождении религиозных постов процесс говения военными верующими также регулировался их командирами. Например, в приказании начальника штаба войск Благовещенского гарнизона № 21 от 25 февраля 1899 года объявлена очередность говения частей войск гарнизона понедельно. В частях внутренними приказами дни говения устанавливались для каждой из рот [8].

Таким образом, казарменный режим и армейский стиль управления людьми, где всё, и христианская мораль, и исполнение обрядов, и религиозные беседы полковых священников, имело характер официальный, строго обязательный и в большинстве случаев принудительный, не могли создать подобного религиозного настроения у нижних чинов воинской части. Не способствовало повышению уровня религиозности личного состава войск и положение Устава гарнизонной службы, согласно которому нижние чины обязаны были при встрече с полковым священником отдавать ему воинское приветствие, как обычному офицеру.

Большинство православных обрядов требовало от верующих полной самоотдачи, и речь о выполнении воинских обязанностей в это время не шла. Воинскую службу обеспечивали чины другого вероисповедания. В свою очередь и православные несли службу за них в подобных для иноверцев ситуациях.

Не всё гладко было во взаимоотношениях между командирами и священниками. Последний по долгу службы контролировал исполнение церковных треб военнослужащими полка и докладывал о недостатках при выполнении их (говение пасомых, отсутствие их на молебнах и т.п.) благочинному, который, естественно, давил на командира дивизии, учинявшего после

этого спрос с командиров полков [2, № 2, л. 46, 49]. Издавались приказы в полках о высылке нижних чинов на спевки, на богослужения. Естественно, в этом деле иногда происходил сбой, и полковые священники жаловались по своей линии на невыполнение приказов. Ещё один нюанс имелся – полковые певчие подчинялись ктитору церкви, но некоторые военные священники предъявляли свои права на них, вследствие чего иногда и здесь возникали трения. Также священники требовали, чтобы в праздничные дни не проводился медицинский осмотр нижних чинов, но часть командиров не прислушивалась к мнению духовных наставников. Иногда сам полковой священник игнорировал, например, строевые смотры. Всё это приводило к конфликтам, в результате которых командиры полков, в свою очередь, приструнивали священников по служебной линии. В 1900 году протопресвитер о. Александр Желобовский вынужден был дать всему военному духовенству телеграмму следующего содержания: «Во избежание в дальнейшем нежелательных недоразумений между военным начальством и полковым священником, предлагаю военным пастырям:

1) являться к начальнику, прибывшему для инспекторского смотра;

2) просить у него указаний, когда угодно будет посетить церковь и учебную команду, чтобы при этом посещении присутствовать священнику;

3) с готовностью исполнять все законные требования, какие найдёт нужным предъявить лицо, инспектирующее воинскую часть» [2, № 2, л. 46].

Но трения продолжились, и в округе был издан следующий приказ: «Командование округом усмотрело, что распоряжения о подчинении в округе церквей с их причтами тому или иному благочинному делаются протопресвитером военного и морского духовенства непосредственно на имя этих последних лиц и через штаб округа не проходят.

Для сведения и руководства на будущее время, что благочинные должны доносить в штаб округа копии полученных от протопресвитера распоряжений» [9].

При каждой полковой церкви имелась библиотека, рекомендуемый ведомством военного духовенства перечень книг в которой охватывал практически все стороны деятельности воина той поры.

Таким образом, для подготовки и воспитания православного воина командованием Приамурского военного округа и военным духовным ведомством использовались любые, подходящие сложившейся ситуации, возможности. Поставленная в воинской части на

должный уровень организация религиозной жизни позволяла внушить военнослужащему понятие о святости и величии его призвания к деятельности как защитника веры, царя и отечества, но также компенсировала и сглаживала его душевные страдания, нравственно успокаивала и удерживала от нарушений воинской дисциплины.

В религиозной жизни полка многое зависело от качества работы церковного причта, от умения и желания командира полка, ктитора и священника срабатывать на пользу достойной духовной жизни воинской части. Проблема, на взгляд автора, состояла в том, что не все должностные лица полка воспринимали батюшку только как духовного наставника; для некоторых он был не более чем должностным лицом. Да и церковно-обрядовая жизнь военнослужащих была несколько заорганизованной, что не всегда шло на пользу армии, да и церкви тоже.

Нагрузка на военных священников округа в деле «поддержания среди нижних чинов твёрдости к православной вере и вообще поднятия религиозно-нравственного воспитания их» выдалась весьма ощутимой. Об этом писал известный военный администратор Приамурского края П.Ф. Унтенбергер: «При почти равном штатном составе офицеров и священников в частях войск как в Европейской России, так и на Дальнем Востоке, численный состав рот в округе почти вдвое превышает таковой же во внутренних частях империи. Если к этому прибавить, что наличный состав офицеров страдал некомплектom почти в одну треть (особенно до 1908 г.)... то всё воспитание ложилось на пастыря» [14, с. 354–385].

Анализируя сохранившиеся в архивах и оказавшиеся доступными послужные списки дальневосточных военных священников, автор отмечает, что морально-деловые качества их были весьма высоки, и это не случайно, так как именно на Дальний Восток было принято направлять достойных служителей церкви, и немало полковых пастырей награждены «за благочестивые труды». Учтывалось, что при комплектовании войск личным составом в Приамурье попадало много «порочных, штрафованных» солдат, и священник здесь нужен был весьма ответственный и образованный. По оценкам историков, накануне Первой мировой войны на Дальнем Востоке Российской империи находилось не менее 10% войск царской армии, и роль представителей ведомства протопресвитера военного и морского духовенства в поддержании боевой готовности войск Приамурского военного округа трудно переоценить.

1. Брокгауз Ф.А., И.А. Ефрон. Энциклопедический словарь. СПб. 1900. Т. XXVI.

2. Вестник военного духовенства, журнал. 1900. Государственный архив Приморского края (ГАПК).

3. Владивосток, газета, 1896, № 12. Приморская государственная публичная библиотека им. М. Горького.

4. Орлов Н.А. «Забайкальцы в Маньчжурии в 1900 г.». Амурская областная научная библиотека. Отдел редких книг. Инв. № РМ 41729.

5. Офицерская жизнь, журнал, 1912. Библиотека военно-исторического музея Тихоокеанского флота.

6. Приамурские ведомости, газета. Инв. № 1901, 1899, № 311. Государственный архив Амурской области (ГАО).

7. Приказ Военного ведомства № 208 от 1890. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), инв. № 1425.

8. Приказание войскам Благовещенского гарнизона № 21 от 1899. ГАО. Ф. 15-и, оп. 1, ед. хр. 168.

9. Приказание войскам Приамурского военного округа № 185 от 24.12.1910. ГАО, инв. № 3964.

10. Приказы войскам Благовещенского гарнизона. ГАО.

11. Приказ по войскам Приамурского военного округа. ГАХК.

12. Свод штатов по военно-сухопутному ведомству. Отдел 1, изд. 1912 г. ГАХК, инв. № 1355.

13. Указатель приказов по военному ведомству. ГАПК, инв. № 11558.

14. Унтенбергер П.Ф. «Приамурский край 1906-10 гг.». Очерк. С-Пб. 1912.

1. Brokgaуз F.A., I.A. Efron. Jenciklopedicheskij slovar'. S-Pb. 1900. T. XXVI (Russian).

2. Vestnik voennogo duhovenstva, zhurnal. 1900. Gosudarstvennyj arhiv Primorskogo kraja (GAPK) (Russian).

3. Vladivostok, gazeta, 1896, № 12. Primorskaja gosudarstvennaja publichnaja biblioteka im. M. Gor'kogo (Russian).

4. Orlov N.A. «Zabajkal'cy v Man'chzhurii v 1900 g.». Amurskaja oblastnaja nauchnaja biblioteka. Otdel redkih knig. Inv. № RM 41729 (Russian).

5. Oficerskaja zhizn', zhurnal, 1912. Biblioteka voenno-istoricheskogo muzeja. Tihookeanskogo flota (Russian).

6. Priamurskie vedomosti, gazeta. Inv. № 1901, 1899, № 311. Gosudarstvennyj arhiv Amurskoj oblasti (GAAO) (Russian).

7. Prikaz Voennogo vedomstva № 208 ot 1890. Gosudarstvennyj arhiv Habarovskogo kraja (GAHK), inv. № 1425 (Russian).

8. Prikazanie vojskam Blagoveshenskogo garnizona № 21 ot 1899. GAAO. F. 15-i, op. 1, ed. hr. 168 (Russian).

9. Prikazanie vojskam Priamurskogo voennogo okruga № 185 ot 24.12.1910. GAAO, inv. № 3964 (Russian).

10. Prikazy vojskam Blagoveshenskogo garnizona. GAAO (Russian).

11. Prikaz po vojskam Priamurskogo voennogo okruga. GAHK (Russian).

12. Svod shtatov po voenno-suhoputnomu vedomstvu. Otdel 1, izd. 1912 g. GAHK, inv. № 1355 (Russian).

13. Ukazatel' prikazov po voennomu vedomstvu. GAPK, inv. № 11558 (Russian).

14. Untenberger P.F. «Priamurskij kraj 1906-10 gg.». Oчерk. S-Pb. 1912 (Russian).

UDC 23/28

THE RELIGIOUS COMPONENT OF MILITARY UNITS OF THE IMPERIAL RUSSIAN ARMY IN THE FAR EASTERN THEATER OF WAR IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Dmitriev Nikolay Vladimirovich,

Amur State University,
aspirant at the Chair of Religion Studies,
Blagoveshchensk, Russia.
E-mail: d_n_v133@rambler.ru

Annotation

The article deals with the organization of religious life in the armed forces of the Amur Military District before 1918. The tasks and structure of the Clergy military, their relationship with the command of military units are stated here.

Key concepts:

padre, regiment, clergy, Lenten Retreat, churchwarden.

УДК 141.7

В ЭПОХУ ИНФОРМАТИЗАЦИИ, МЕДИАТИЗАЦИИ И МЯГКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ВЛАСТВОВАНИЯ...

*О книге О.Ф. Русаковой
«Современная
политическая философия:
предмет, концепты, дискурс»*

Кабацков Андрей Николаевич,

Пермский филиал
Московского государственного
университета экономики, статистики
и информатики (МЭСИ),
заместитель директора
по научной работе,
кандидат исторических наук, доцент,
г. Пермь, Россия.
E-mail: afsnik@gmail.com

Лейбович Олег Леонидович,

Пермская государственная
академия искусств и культуры,
профессор кафедры культурологии,
доктор исторических наук,
г. Пермь, Россия.
E-mail: oleg.leibov@gmail.com

Аннотация

В рецензии анализируется монография О.Ф. Русаковой «Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс», ее замысел, содержание, общественная значимость.

Подчеркивается, что автору удалось создать оригинальную схему для систематизации современных политических дискурсов.

Ключевые понятия:

политическая философия, дискурсы, типология философско-политических концептов.

Некогда было замечено: в то время, как французы делали политику, немцы теоретизировали по ее поводу. «Но если Германия сопровождала развитие современных народов лишь абстрактной деятельностью мышления, не принимая активного участия в действительных битвах этого развития, то, с другой стороны, она разделяла страдания этого развития, не разделяя его радостей, его частичного удовлетворения. Абстрактной деятельности на одной стороне соответствует абстрактное страдание на другой. Германия поэтому в одно прекрасное утро окажется на уровне европейского распада, ни разу не побывав на уровне европейской эмансипации. Её можно будет сравнить с идолопоклонником, чахнувшим от болезней христианства» [3, с. 416]. Это разделение труда сохраняется и по сегодняшний день. Когда в нашей стране политика как таковая уходит в прошлое (речь идет об особом политическом поле согласования интересов между властью и отдельными социальными группами, особыми технологиями соперничества и сотрудничества; публичностью выработки решений и пр.) [2, с. 219], появляются исследования, посвященные современной политической философии. Для рецензирования мы избрали монографию профессора О.Ф. Русаковой, изданную в Екатеринбурге.

Свой замысел автор формулирует следующим образом: «С нашей точки зрения, в настоящее время главная задача российской политической философии состоит в выработке адекватных теоретико-методологических ответов на интеллектуальные вызовы, связанные с новыми дискурсивными поворотами, совершающимися в современном общественном сознании» [4, с. 33]. О.Ф. Русакова полностью отдает себе отчет в том, что, во-первых, «вызовы» носят спекулятивный характер, отчужденный от политических коллизий и, во-вторых, отвечать на них должен философ, овладевший современными методами анализа культурных текстов. В них она выделяет крупные проблемы: «...предметной области современной политической философии; проблема типологии дискурсов политической философии; проблема разработки новых концептов и теоретических направлений в политико-философских исследованиях» [4, с. 9].

Для О.Ф. Русаковой политическое находит свое содержание в «...полифоническом разнообразии дискурсов, которые образуют особое диалогическое пространство» [4, с. 376]. И для нее важно представить конс-

теляцию дискурсов, обретающихся в современном интеллектуальном пространстве.

Автор конструирует особую «классификационную схему», в которой Ф. Ницше, В.И. Ленин и К. Шмитт отнесены к единому постклассическому политико-философскому дискурсу на основании общности политических установок («необходимость единого, жесткого, волевого и деятельного начала в организации общественно-политической жизни»), «...радикальной критики либеральной системы ценностей» и взгляда на политику как на «борьбу конкурирующих социальных энергий» [4, с. 105].

Любая классификационная схема в гуманитарном знании претендует на то, чтобы занять место таблицы Менделеева по строгости распределения элементов, полноте репрезентации интеллектуальных продуктов, доказательности и практичности.

Для гуманитариев классической складки практики такого рода представляются пустой интеллектуальной игрой: «Сама идея заведения некой типологии, как мне кажется, бесплодна, как и другие псевдо-теоретические выкладки на материалах истории» [1, с. 6]. О. Русакова, напротив, считает процедуру классификации идей политической философии необходимым приемом для их адекватного восприятия читателями.

Рассмотрим, как с этой задачей справился автор. Единицей анализа служит концепт, отождествляемый с дискурсом – «сложноструктурированным ментальным образованием» [4, с. 90]. Каждый дискурс несет в себе определенный тип рациональности [4, с. 92]. О.Ф. Русакова сконструировала матрицу, сложенную из четырех групп элементов: классической, постклассической, неклассической и постнеклассической. В монографии каждой из них посвящен отдельный раздел.

Классический дискурс характеризуется «...монизмом, логоцентризмом, телеологизмом» [4, с. 92]; постклассический – «...установкой на социально-преобразовательную деятельность» [3, с. 105]; неклассический – «отступлением от принципов универсального монизма...», плюралистичностью и мозаичностью [4, с. 134]; постнеклассический, порожденный глобализацией и развитием информационных технологий, опирается на «... принцип семиотико-коммуникативного подхода, принцип ризомы, принцип сети и принцип синергизма» [4, с. 156–157].

К привычной модели классификации

философско-политических дискурсов добавлен дополнительный элемент, так что из треугольника получился квадрат. Постклассический концепт выделен автором на основании дополнительного критерия, обозначенного как «интеллектуальный резонанс, который вызывает данный дискурс в определенной среде. Иначе говоря, чтобы оценить когнитивную силу той или иной политико-философской концепции, необходимо принять во внимание и проанализировать ее рецепции, всевозможные отклики, вызванные ею дискуссионные волны» [4, с. 92].

Получается, что для характеристики политико-философского концепта приоритетным либо просто значимым является степень его восприятия какими-то целевыми группами. Это суждение отсылает нас к известной формуле: «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [3, с. 422]. Иначе говоря, автор делит все концепты по дополнительному основанию: их воздействию на общество. Теперь становится понятным, почему идеи К. Шмитта и В.И. Ленина помещаются в одну группу.

Далее О.Ф. Русакова вносит уточнение в свою позицию. По ее мнению, «нельзя однозначно относить творчество того или иного автора исключительно только к одному определенному типу политического философствования. Как правило, в работах большинства современных исследователей политики можно обнаружить черты, присущие различным типам политической философии» [4, с. 178].

Возникает вопрос, относится ли это суждение к трудам философов, создавших рассмотренные выше «парадигмальные установки и методологические принципы»? Иначе говоря, возможно ли интерпретировать труды К.Шмитта в контексте классического дискурса или такая исследовательская процедура неприменима к конструкторам основных философско-политических дискурсов?

О.Ф. Русакова подвергает дискурсивному анализу ключевые темы политического в том виде, в котором они представлены в современной политической философии: власть, *soft power*, политическая идентичность, насилие и др., демонстрируя и знание предмета, и умение в сжатой очерковой форме адекватно представить содержание разнообразных концептов, циркулирующих на рынке идей от М. Кастельса до С. Хантингтона. Так, М. Кастельс представлен в моногра-

фии как автор идентичности сопротивления [4, с. 301].

Мы долго размышляли над тем, к какому жанру относится книга, кому она адресована. Перед нами основательный, детальный, хорошо систематизированный обзор современных концепций политической философии, опирающийся на авторскую систему классификации. Сам автор ожидает, что знакомство с новейшими течениями общественно-политической мысли «...послужит определенным толчком для новых исследований в области политико-философской и смежной с нею проблематики» [4, с. 379]. Можно поэтому предположить, что книга адресована «специалистам – обществоведам», воспитанным на переводах Гегеля. Философствование – нелегкий труд; идеи важнее стиля. И далеко еще то время, когда философская критика будет основой для политических действий. И хорошо, что наши охранители не читают Ф.Энгельса, заметившего как-то, что за «...педантически-темными словами скрывалась революция» [5, с. 273]. Правда, в «мягких технологиях властвования» и революция приобретает те же формы.

1. Анисимов Е.В. Тайны запретного императора. М.: Вече, 2012. – 446 с.

2. Кабацков, А.Н. Игра на два поля: к формированию политических коммуникаций в современной России [Текст] / А.Н. Кабацков, А.С. Кимерлинг, О.Л. Лейбович // Ученые записки гуманитарного факультета. Вып.8. Пермь: изд-во ПГТУ, 2004. С. 217–232.

3. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2 изд. Т. 1. С. 414–429.

4. Русакова, О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс [Текст] / О.Ф. Русакова. Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012. 400 с.

5. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2 изд. Т. 21. С. 269–317.

1. Anisimov E.V. *Taynyi zapretnogo imperatora*. M.: Vezhe, 2012. – 446 s. (Russian).

2. Kabatskov A.N. Kimerling A.S. Leibovich O.L. *Igra na dva polja: k formirovaniyu politicheskimi kommunikacij v sovremennoj Rossii* // *Uchenye zapiski gumanitarnogo fakul'teta*. Vyp.8. Perm': izd-vo PGU, 2004. S. 217–232 (Russian).

3. Marks K. *K kritike gegelevskoj filosofii prava*. Vvedenie // Marks K. Engels F. *Soch.* 2 izd. T.1. S. 414–429 (Russian).

4. Rusakova O.F. *Sovremennaja politicheskaja filosofija: predmet, koncepty, diskurs*. Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi», 2012. 400 s. (Russian).

5. Engels F. *Ljudvig Fejerbah i konec klassicheskoj nemeckoj filosofii* // Marks K. Engels F. *Soch.* 2 izd., T. 21. S.269–317 (Russian).

UDC 141.7

IN THE ERA OF INFORMATIZATION, MEDIATIZATION AND SOFT TECHNOLOGIES OF POWER...

About the book by

O.F. Rusakova

“Contemporary political philosophy: the subject, concepts, discourse”

Kabatskov Andrey Nikolaevich,

Perm branch of Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics, Assistant Director of Research, Candidate of Science (History), Associate Professor, Perm, Russia.
E-mail: afsnik@gmail.com

Leibovich Oleg Leonidovich,

Perm State Academy of Culture and Arts, Professor at the Chair of Cultural Studies, Doctor of Science (History), Perm, Russia.
E-mail: oleg.leibov@gmail.com

Annotation

The authors analyze the monographic study by O.F.Rusakova “Contemporary political philosophy: the subject, concepts, discourse”. They point out the originality of the proposed systematization of political discourses.

Key concepts:

political philosophy, discourse, typology of philosophical and political concepts.

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи по электронной почте.

2. Текст статьи представляется на русском языке объемом не более 19.100 знаков без пробелов, включая сноски*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзачным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–3 предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия (не более пяти);

в) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционно-экспертного совета журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора (адрес электронной почты) в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308.

Тел. (351) 771-42-30.

E-mail: kushtym@urags-chel.ru

---

* При отступлении от установленного объема статья может быть отклонена.

Requirements for articles and memos presented for publication in the «SOCIUM AND POWER» journal

1. The author will send one copy of the typescript by e-mail.

2. The article will be sent in Russian. The article will be under 19,100 characters without spaces, including the bibliography.* The file will be in Microsoft Word 98/2000 format. The font will be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides will be 20 mm. The text must be justified with no line breaks. The text of the article or memo (including the title) will be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.

3. All font highlighting will be done in light italics. All titles and subtitles will be done in bold.

4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) will be done in image editing software. All images must be numbered incrementally.

5. All numerical data will be done in tables. Each table will have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables will not have shortenings except for the unit names. The electronic versions of each table and image will be done in separate files.

6. The name of the article will be done centrally in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, their place of work and position, academic degree and rank (if applicable), city of residence will be done in the upper right corner over the article name.

7. The literature references will be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and as an alphabetized bibliography list at the end of the article. There will be fewer than 15 sources.

8. The references will be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».

9. The legal acts listed will quote the initial and latest edition.

10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification)

11. The author will note the agenda (specialization) of the article presented for publication.

12. In addition to the text of the article the author will also present the following positions as a separate file in Russian and English:

a. Concise (2-3 sentences) annotation of the article with the name of the article, last name and initials of the author

b. Keywords (under 5)

c. Information about the author – Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work or study, degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).

The articles or memos not complying with the aforementioned requirements will not be reviewed and/or published.

The publication of the received articles will be approved or declined within 3 months from the registration of the typescript at the editorial office. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.

The members of the journal's editorial board will review the articles.

The typescripts will not be returned.

The articles will be run through the "Antiplagiat" system.

By presenting the typescript of the article to the editorial, the author agrees not to publish that same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the "SOCIMUM AND POWER" journal.

No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.

The contact information of the author (e-mail) will be quoted in the journal at all times.

The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.

Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.

Tel. 7 (351) 771-42-30

E-mail: kushtym@rane74.ru

---

*A paper may be rejected if the special size requirements are not satisfied.